Протоиерей Андрей Ткачев

ТЕБЕ И МНЕ БОГ ПИСЬМО НАПИСАЛ

Беседы после Литургии

По благословению
Блаженнейшего Митрополита
Киевского и всея Украины ВЛАДИМИРА

Оглавление

Предисловие 2

Притчи 3

Притча о сеятеле 3
Прuтча о милосердном, самарянине 7
Притча о званых на вечерю 12
Притча о десяти девах 16
Притча о мытаре и фарисее 22
Притча о богаче и Лазаре 26
Притча о блудном, сыне 31
Притча о прощении долгов 34

События Евангельской истории 39

Исцеление расслабленного в Капернауме 39
Насыщение пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами 43
Спасение утопающего Петра 47
Об исцелении слепорожденного 51
О богатом юноше 55
Обращение Закхея 59
Исцеление бесноватого отрока. О вере и неверии 63
Правило христианской нравственности 68

Предисловие

«Тебе и мне Бог Письмо написал», так говорит о Новом Завете святитель Тихон Задонский в одном из своих творений. Письмо от любезного друга читается с замиранием сердца. Письмо от Господина и Царя читается с трепетом и великим вниманием. Иисус Христос есть и Господин наш, и Небесный Царь, и самый любезный наш Друг, готовый Кровь Свою за нас пролить, лишь бы мы жили вечно.

Поэтому Письмо Его к нам — Новый Завет — нужно читать часто и со вниманием. Нет ни одной службы в Церкви, где не читалось бы и не пелось Слово Божие. А раз Оно читается и поется, то непременно должно объясняться и проповедоваться. *Не приносит пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших* (Евр. 4,2)

Мало того, но сама *вера от слышания, а слышание от Слова Божия* (Рим. 10,17) Кто не слышал поучения в вере, от того нельзя требовать отчета о вере. Таковой — бессловесен.

Радостно братьям в вере насыщаться беседой о Господе. Радостно людям знающим делиться знаниями, без гордости и превозношения. Радостно тем, кто знает мало, слушать бессмертные слова от тех, кто знает больше. Такие слова слаще сотового меда и драгоценнее отборных камней.

Служба закончена, прозвучал отпуст, а мы все не расходимся. На прощание мы говорим о том, что сегодня читали из Слова Божия...

Притчи

Притча о сеятеле[1]

Сегодня мы слушали притчу о сеятеле. «Вот, вышел сеятель сеять»,— так начинается притча Господа Иисуса Христа. В этой притче дважды повторяются слова: «Кто имеет уши слышать — да слышит». Господь это сказал в середине притчи и повторил в конце, истолковывая её наедине со Своими учениками.

Двойную нагрузку несут эти слова: «имеющий уши да слышит». Очевидно, что большинство из нас имеет уши и может слышать. Произнося проповеди, Христос обращался не ко внешнему человеку, но к человеку сокровенному, внутреннему. Согласно Священному Писанию, согласно учению апостола Павла, есть два человека: внешний и внутренний. При правильном образе жизни, если человек живёт по вере и движется к назначенной цели, а именно к встрече со Христом и к будущему торжеству в Царствии Божьем, то, говорит апостол Павел, внешний наш человек день от дня тлеет, а внутренний обновляется. То есть, старость, болезни, сами условия этого распадающегося мира действуют на нашего внешнего человека, и внешний человек изменяется. Странно думать, что когда-то мы были младенцами, такими же, каких приносили сегодня ко Причастию. Странно думать, что старик был молод, потому что внешний человек со временем взрослеет, изменяется и движется к земле, теряет благообразие. В цветущую пору юности человек очень красив, а ближе к своему закатному возрасту он уже не похож на себя самого. Это действительно наш внешний человек. Но и внешние глаза, внешний слух и все внешние действия — это лишь полчеловека. Есть ещё человек внутренний, у которого есть внутренние уши, внутренние очи, внутренние уста, внутренний его состав. И вот к нему обращал своё слово Иисус Христос. Имеется в виду, братья и сёстры, что можно слышать слухом и не разуметь. То есть, в уши входило слово, но до внутреннего слуха не достигало. Можно глазами смотреть и не видеть. О чём, собственно, и говорит Господь в притчах, о чём и пророк Исайя говорил: *Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете—и не увидите (Ис. 6, 9). Почему? Потому что, — говорит дальше Исайя, — огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (Ис. б,10).*

Существует, я повторяю, внутренний человек, и к внутреннему человеку обращается слово Христово. Заметьте, братья и сёстры, что относительно других живых существ человек имеет очень слабое зрение и слабый слух. Если сравнить наш слух со слухом животных или птиц, то мы будем далеко позади их, потому что слух у них чрезвычайно тонкий. Если сравнить наше зрение со зрением хищника или травоядного, живущего в лесу или в степи, то наше зрение многократно уступает в чёткости, дальности и резкости, как человек в очках не сравнится с микроскопом. Наш слух и зрение очень слабы, наше обоняние притуплено, наше осязание грубо. В человеке всё телесное очень маловажно. Но внутренний человек имеет свой слух, свой ум, своё сердце, свой вкус, свои чувства, и это ценно в человеке. Этим человек выделяется из окружающего мира, благодаря этому человек владеет окружающим миром. Не благодаря силе мышц, а благодаря силе ума. Не благодаря тонкости слуха, а благодаря, опять-таки, силе ума, который утончает наш слух и ставит нам на службу многие явления мира.

Так вот, к умному человеку, внутреннему человеку обращает своё слово Христос, когда говорит нам притчи. И притча, братья и сёстры, это такая интересная вещь — её слышат все, но понимают не все. С одной стороны, не в чем Бога упрекать, всем было сказано: и тебе сказали, и тебе сказали, и тебе сказали. А то, что не все поняли, это упрёк не Христу, а тому, кто не понял. Потому что

---

[1] Мф. 13:1-23; Мк. 4:1-20; Лк. 8:4-15

не понять можно из-за собственных грехов, из-за собственной косности ума, из- за собственного нежелания, если угодно, и по другим причинам духовного характера. То есть, притча — это такой водораздел, она всем говорится, но не все понимают. Или все понимают, но не все делают выводы. Бог справедлив и правосуден, Он всем говорит одно. А то, что не все живут, как Он говорит, и не все понимают, или понимают, но забывают, — это наши с вами недостатки и недостоинства.

Сегодня Христос говорит нам о семени и о земле. На самом деле в притче говорится о слове и о сердце. Земля — это сердце. Вообще, человек — он весь земля. Что есть человек, как не земля? Из земли он взят и в землю должен возвратиться. И вот Господь говорит, что семя сеется в землю, то есть в природу человеческую, в род людской. Сеятель добрый сеет своё семя, щедрой рукой рассыпает святые семена. Семя есть Слово Божье. Оно достигает разных сердец, и по-разному сердца ведут себя по отношению к семени.

Первый род земли — это сердца людей, которые столь черствы, что семя, упав сверху, сверху и остаётся, и птицы небесные клюют его, что в изъяснении Христа означает, что приходит дьявол и похищает слово. Диявол не приходит лично к каждому человеку, он приходит через слуг своих и через суету, которую он родил. Через разного рода увлечения и развлечения, через различные грехи и страсти. Это семя Божье, посеянное на твёрдой земле человеческого сердца, не имеет плода, ибо человек увлечён не тем, он неглубок. Есть люди, которым проповедовать Евангелие — всё равно, что сеять на взлётной полосе, абсолютно без толку. Хотя и им нужно проповедовать. По крайней мере, для того, чтобы не быть осуждённым. Чтобы потом не сказал Господь, что ты им не говорил, и чтобы они Богу не сказали, что не слышали. Глашатаи в древнем Багдаде кричали: «Слушайте, жители Багдада, и не говорите, что вы не слышали». Слушайте и знайте: потом у вас спросят то, что вы услышали.

Каждый человек может по временам обнаруживать в себе, как говорил Златоуст, окаменейное нечувствие. Не раз и не два человек ощущает полную мёртвость, абсолютную неспособность ни на доброе чувство, ни на какую-либо сострадательную реакцию сердца, ни на молитву — ни на что. Такая духовная мёртвость. Бывает такое, и нередко.

Второй род земли быстро принимает семя, но быстро его и отдаёт, не имеет в себе глубины и, как пишется у Луки, не имеет влаги. Оттого засыхает быстро то, что в неё посеяли. Это люди, которые с радостью принимают слово о Христе, но при наступившей скорби или искушении, испытании человек оказывается нетвёрдым, неверным. Легкомысленна та любовь, которая жива лишь пока есть вздохи на скамейке. А как только начинается взаимный быт и тяготы семейной жизни, такая любовь исчезает. Я думаю, отношения между людьми в браке являются моделью отношений человека и Бога. Пока всё приятно, пока нет взаимных обязанностей, пока никто ничего не требует — всё сладко и красиво. Но наступают искушения и трудности — и человек проявляет свой гнусный эгоизм, свою неспособность потрудиться, чем-то пожертвовать, свою мелкость. Потому что мелкая и сухая земля, не имеющая ни глубины, ни влаги — это и есть образ мелкого, неглубокого человека, который слышит «на» и не слышит «дай». Он любит принимать и не любит отдавать. Конечно, наступают сложности. И какая вера остаётся у такого человека? Никакой. Он ещё на Бога может и обижаться: что за дела, я в Тебя верю, а мне так плохо! Это голос, который слышен во всех уголках мира миллионы раз в день.

Наконец, третий вид земли —это люди, которые составляют самую большую категорию. Это земля приняла семя, однако потом выросли терния и задавили росточек. А тернием Господь называет лесть, богатство, печали века сего и прочие заботы житейские, которые подавляют семя. Это вся наша жизнь, братья и сёстры: мы не умеем защитить посеянное в сердце от окружающего мира. У нас нет своей внутренней пустыни, нам некуда бежать от окружающих искушений. Этот знойный ветер душит нас.

Росток вянет, и не заметишь даже, где ты веру потерял. Бывают такие ситуации, когда человек веровал, веровал, по инерции двигался по жизни, и вдруг обнаруживает, что давно уже без веры

двигается, просто по инерции. Потом вдруг— глядь, а она уже и пропала у тебя. Всё высохло, всё пропало, всё исчезло. Как говорится в Апокалипсисе: *Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою* (Откр. 2, 4). Вспомните те дни, когда вы только уверовали, когда вам только-только открылось Евангелие, когда вы только-только погрузились в мир литургии, в мир святых отцов, в перемену своих отношений с ближними! Как это было роскошно, как это было грандиозно, как это было красиво и многогранно! И теперь сравним тех себя с собой сегодняшними, и многие заметят, что изменились к худшему.

Время идёт, а мы не становимся лучше. Нужно возвращаться к началу. Нужно действительно беречь семя, потому что мир воюет с человеком постоянно. Мир воюет с нами различными похотями, страстями и мыслями, и мы теряем веру, а без веры спастись невозможно. Лицемерная вера не спасает, вера по привычке не спасает, вера «потому что все верят» — не спасает. Ложная вера, как пустое яйцо, не спасает человека — спасает только вера живая, действенная, рождающая дела любви, рождающая покаянную слезу, стремящаяся к будущей жизни. Только такая вера спасает человека.

Наконец, только четвёртый род людей являет собой землю добрую, принимает семя и «плод творят в терпении». Это очень важные слова — «сердцем добрым и благим принимают семя и плод творят в терпении». Терпение — это одна из добродетелей, которая чрезвычайно нужна человеку. Без терпения нельзя даже азбуку выучить, без терпения нельзя овладеть ни одним ремеслом, наукой или профессией. Тем более без терпения нельзя спасти свою бессмертную душу. Нужно плод творить в терпении.

Перед нами — ответ на косвенный вопрос: много ли спасающихся? Вот четыре части людского рода: твёрдая земля, мелкая земля, тернием поросшая и, наконец, хорошая, плодородная земля. Если бы они имели равные доли, по 25%, то вышло бы, что спасается каждый четвёртый. Но я думаю, что спасающихся меньше, потому что и земли твёрдой, и терния, и мелкой земли, безводной и сухой, гораздо больше, чем земли доброй, глубокой, плодородной, приносящей плод в 30, в 50 и в 100 раз больший. Господь знает это и потому говорит, чтобы мы подвизались, то есть трудились войти тесными вратами и шли узким путём, потому что потом многие захотят войти — и не найдут, куда войти. Труд спасения — это труд не трудный, но мудрый. Спастись не трудно, но мудро.

Мы должны наблюдать за своим сердцем. Думаю, братья и сёстры, что, с одной стороны, весь мир можно разделить на четыре рода сердец. С другой стороны, каждое сердце в отдельности по временам является то твёрдым, то глубоким, то тернистым — то таким, то сяким. Сердце удобопеременчиво — сегодня оно горит, завтра оно потухло, позавчера оно было такое, а через два дня будет другое. Сердце меняется, и это самая главная тайна мира. Та тайна, которую уважает Сам

Господь. Он может поменять траектории движения небесных тел, Он может поменять природный ландшафт, Он может стереть с лица земли целые народы. Но Господь трепетно и с уважением относится к сердцу человеческому. Господь стучится в него, Он не взламывает сердце, как вор или взломщик, Он не проникает в него тайком или силой. Господь стучится и ждёт, пока откроют.

Человеческое сердце — это самая большая святыня. И она бывает разная у каждого человека. Заболел человек — сердце ожесточилось или, наоборот, смягчилось — у кого как. Один в болезни ропщет, другой в болезни кается. Стал богатым человек — сердце возгордилось, а у другого, наоборот, смирилось, он стал людям помогать. Обеднел человек — сердце стало наглым и дерзким, начало на Бога роптать. А кто-то— наоборот смирился, стал покорным Богу и поблагодарил Его за спасительное смирение. Разные ситуации влияют на сердце, меняют его.

Всё это является главной темой жизни Вселенной. Жизнь человеческого сердца — это главная струна, один только звук которой приятен Господу. На всё остальное Он смотрит гораздо менее внимательно. Хотя всё Его слушается и всё Ему подчиняется: дожди, ветра, реки, моря, пески. Всё слушается Его, и каждая букашка у Бога не забыта. Но на что Бог смотрит пристально, так это на жизнь человеческого сердца.

Именно об этом говорит Евангелие, сравнивая наши сердца с зёмлей, а святое семя, которое сеется в эту землю,— со Словом Божьим. Мы должны, братья и сёстры, засевать эту землю. Можно прийти к любому крестьянину и по виду его поля или огорода сделать вывод о трудолюбии, об аккуратности, об усидчивости, о других качествах хозяина. Господь нас просит: «Покажи Мне сердце твоё. Дай Мне сердце твоё». И мы должны его пахать, мы должны его засеивать, должны его пропалывать. Перепахивание сердца, братья и сёстры — это исполнение заповедей. Это внутренняя внимательная жизнь. Да будет вам известно, есть такое слово — трезвение. И когда мы причащаемся Святых Христовых Тайн, священник молится: «Да будут Святые Тайны сии людем Твоим во трезвение души». Трезвение души — это внимательное отношение к своей внутренней жизни. Внимая себе, человек должен перепахивать своё сердце — глубокое, трудное, тяжёлое. Засевать его Словом Божьим и пропалывать от вырастающих страстей.

Мы страсти не сеяли, они сами растут. Спросите у любого жителя села, у любого крестьянина, сеял ли он бурьян на своём поле? Не сеял. Откуда же тот взялся? Если бы знать, не пустил бы его на поле. Бурьян не сеют, его только вырывают, и сколько ни вырывай, он растёт снова. Поэтому мы поле должны пахать, пропалывать и засеивать. Вот три занятия, которые касаются нашего сердца. Своё поле нужно углублять. Один проповедник говорил, что северные народы — те же скандинавы, например, норвежцы, финны, шведы — у них-то и земли настоящей нет, там всё камнями засеяно. Однажды, говорит, смотрел я с болью в сердце и со слезами на глазах, как финские крестьяне очищали кусочек земли для земледелия. Как они сначала вытаскивали тяжёлые камни. Затем начинали эту землю копать, пахать. Потом на каждом шагу опять-таки камень, но уже в земле, а не над землей, и они эти камни выкорчёвывают. Трудятся всей деревней — и вот конец дня, солнце уже садится, а они очистили для земледелия лишь пару квадратных метров земли. И так они работают месяц за месяцем, год за годом, и постепенно отвоёвывают у этого тяжёлого ландшафта землю для посева. И подумал я, — говорит рассказчик, — что такой же труд нужен человеку для того, чтобы раскопать, унавозить, переборонить, засеять и дождаться плода от своего собственного сердца. Это есть наша, дорогие христиане, задача.

Вот то, что мы можем схватить с поверхности сегодняшнего евангельского чтения. Евангелие очень глубоко. Всю жизнь его читаешь и дочитываешься до вещей, о которых никогда не слышал. Поэтому среди «домашних заданий», практических выводов, которые мы сегодня из храма унесём, должны быть следующие. Нужно проверить себя, в свете евангельского зеркала посмотреть на себя: а кто же — я? Какая земля в сердце у меня: та, с которой птицы всё склюют, или та, что засохнет, или та,

где терния давят росток? Вряд ли кто-нибудь дерзнёт сказать, что он — земля добрая. Нужно очищаться, углубляться, окапываться, нужно действительно трудиться над собою, потому что это единственный труд, который даст нам настоящую, вечную, негибельную награду.

И последнее, о чём напоминать стыдно, потому что это очевидно, но, с другой стороны, необходимо напоминать. Братья и сёстры, читайте Евангелие дома, находите для этого время — в обеденный перерыв, перед сном или по восстании от сна. Читайте Евангелие, потому что это и есть то семя, которое приносит плод. Можно землю распахать, но если её не засеять, то без толку ты её пашешь, для бурьяна пашешь. Можно землю засеивать, но если её не пахать, то без толку сеешь, для птиц небесных сеешь. Нужно и пахать, и сеять. Пахота земли — это аскетические труды над собою, а сеяние в землю — это чтение Слова Божьего. Семя есть Слово Божье. Читайте Писание, любите Писание. Потому что голос Писания — это сладчайший голос Самого Воскресшего из мёртвых Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Притча о милосердном, самарянине[2]

Сегодня нашему вниманию предлагается притча о милосердном самарянине. Некий законник приступил ко Христу с вопросом: что нужно делать, чтобы достичь жизни вечной? В этом вопросе заключена немалая мудрость, потому что жить — означает жить вечно. Жить временно — значит не жить, а быть объектом насмешки, издевательства со стороны сотворивших нас сил. Если человек создан не для вечности, если он — лишь радужный мыльный пузырь, который исчезнет без следа, то создавать его вообще было ни к чему. Жить — это значит жить вечно. Но жизнь вечная дана человеку как задача, которую нужно решить, как некое сокровище, до которого нужно докопаться. Оно уже подарено, но его ещё надо найти — Господу угодно, чтобы мы потрудились.

Огромное число людей (и с каждым годом, десятилетием оно возрастает) отказывается верить в вечную жизнь, и в их душах умирают последние проблески вечности. Человеческая душа всегда — и у язычников, и у богоизбранного народа, и у христиан — по природе своей стремится к жизни нетленной, вечной, блаженной. Человеку хочется блаженства, мы по-мирски называем его счастьем. Но нам нужно больше, чем счастье, потому что счастье — это категория изменчивая и временная, большей частью телесно-материальная. А вот по-настоящему душа хочет блаженства.

Кто из нас хотел бы жить вечно той земной жизнью, которой живём теперь? Если бы у древнего языческого философа спросили, хочет ли он жить вечно, он ответил бы так: «Я хотел бы жить вечно, но другой жизнью, не той, что живу сейчас. Этой теперешней жизнью я не хочу жить вечно». Для того чтобы жить вечно, нужно измениться. Для многих людей теперешняя наша жизнь, растянутая в вечности, стала бы адом. Боже упаси жить вечно такой по-лускотской жизнью, связанной телесными нуждами, страхами, заботами! Но уготованная нам вечная жизнь — другая, о ней Христос говорит, что, достигнув этого блаженного состояния, люди больше не будут нуждаться в каких-либо материальных вещах, не будут жениться и выходить замуж, а станут подобны Ангелам, будучи сынами Воскресения. Это будет жизнь духовная, преображённая, светлая, беззаботная в отношении телесных нужд. Это будет жизнь, состоящая из хвалы Богу, из неких духовных наслаждений, которые подавляющему большинству из нас даже и на ум не всходили. Как сказано в Послании к Коринфянам, *не слышало того ухо, и не видал того глаз, и на сердце людское не всходило того, что Бог приготовил любящим Его* (1 Кор. 2,9).

Заметьте, как много говорится в Евангелии об аде. Неусыпающий червь, неугасающий огонь, тьма несветимая, холод лютый, тартар кромешный, скрежет зубовный, плач неутешный — много

---

[2] Лк. 10:25-37

образов дал нам Христос, говоря об аде. Потому что в нашей жизни многое похоже на ад. А вот о рае Господь ничего конкретного не сказал, потому что в земных реалиях нет ничего, с чем можно было бы сравнить рай. Господь о рае говорит образно, потому что мы его и представить себе не можем. Знаем лишь, что это — жизнь вечная, к которой всеми силами нужно стремиться.

И вот звучит вопрос: «Господи, что нужно сделать, чтобы жить вечно?» Господь, в Свою очередь, вопрошает: «Что в законе написано, как читаешь?» Закон — это огромный свиток: пять книг основного Закона и дальше — пророки, поучения, исторические книги. — «Что ты там нашёл для себя?»— И человек произносит слова, которые мы сегодня называем двумя главнейшими новозаветными заповедями. Он говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Мы привыкли называть эти слова Христовой заповедью. Однако из евангельского сюжета очевидно, что эта мысль уже была известна иудеям к моменту Пришествия Христа в мир. Христос не дал новую заповедь, Он всего лишь повторил выдержку из Закона: «Ты правильно всё говоришь. Сделай это и будешь жив». Тогда человек спрашивает: «А кто же мой ближний?» Кто такой Бог — для вопрошавшего очевидно. Бог для него един, Он — Бог отцов, Бог пророков, Бог, разговаривавший с Моисеем, Бог, Которому служат в Храме Иерусалимском. Здесь нет сомнений. А вторая, такая простая, казалось бы, часть заповеди — «и ближнего, как себя самого» — вызывает вопрос: «А кто мой ближний?» В чём же суть вопроса?

Дело в том, что древние иудеи не считали своими ближними окрестные народы. Они не считали ближними даже тех своих родственников-иудеев по крови и плоти, которые состояли на службе у язычников. Например, сборщики податей, так называемые мытари, для евреев уже ближними не были. Это были создания хуже псов, с которым и есть вместе было нельзя, и здороваться нельзя. Все отворачивались от такого человека, он был гадок для иудеев. Это — не ближний. Если бы такой «ближний» поскользнулся на улице, и упал, и подвернул ногу, то так называемый благочестивый иудей прошёл бы мимо и не подал бы ему руку помощи только потому, что его религиозное сознание не считало этого человека ближним. Если бы с язычником случилось что-нибудь нехорошее — заболел бы он или загорелся у него дом — уверяю вас, никто не побежал бы с вёдрами воды тушить горящее жилище язычника. Это — не ближний. Еврейское сознание чётко разделяло своих и чужих. Эти грани четко проведены и в сегодняшнем мире. Мы разграничиваем: мой — не мой, свой — чужой, ближе — дальше, и так далее. Этими границами исполосована вся Вселенная... И в ответ на вопрос: «А кто мой ближний?»— Господь рассказывает притчу о добром самарянине, суть которой известна каждому человеку, мало-мальски знакомому с Евангелием.

Некий человек шёл из Иерусалима в Иерихон, попал в руки разбойников, был жестоко избит, ограблен и едва остался жив. И хотя человек этот по крови был иудеем, мимо него прошёл священник,

прошёл левит (левит— это служитель при храме, вторая степень священного сана вроде нашего диакона), и ни один из них не остановился. Проезжал мимо и самарянин, тот самый человек, который для еврея никак ближним не считался. Он замедлил ход, спешился, вином промыл раны избитого, смягчил их маслом. Затем посадил его на своего ослика, отвёз в гостиницу, ухаживал за ним. Утром, уезжая из гостиницы, дал денег хозяину гостиницы, говоря: «Послужи ему, а если истратишь больше, чем я тебе дал, на обратном пути я тебе возмещу».

В конце притчи Христос спросил: «Кто из этих трёх был ближним человеку, попавшему к разбойникам: священник ли, левит ли, самарянин ли?» Надо заметить, евреи так не любили самарян, что для законника, спрашивавшего Христа, даже слово «самарянин» было гнусным. Он мог бы, конечно, ответить— «самарянин», но не произнёс этого имени, и вместо этого сказал: «сотворивший милость с ним». Но законник, конечно, понимал, что милость сотворил не священник, не левит — духовные люди одной крови, — а самарянин. Он и есть настоящий ближний. «Иди, — сказал Господь, — и ты поступай так же».

«И ты поступай так же». В этой простоте, братья и сёстры, есть глубина — как во всякой Божественной простоте есть Божественная глубина. Каждый распустившийся цветок или пожухлый лист вроде бы прост, но если мы возьмёмся читать в учебнике биологии о его устройстве, то ужаснёмся: сколько премудрости в одном листочке, в одном цветочке, в почке, в букашке, в одном волосе человеческом! Так и Евангелие: оно простое, как листок, как солнечный луч, — но оно бесконечно глубокое.

К чему я это говорю? Человек уходил из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам. Это, братья и сёстры, — образная речь. Дело в том, что настоящий Иерусалим — это Царствие Божие. Иерусалим настоящий — это не столица государства Израиль, это — небесный город, где Бог живёт с людьми. В притче человек уходил из Иерусалима в Иерихон. Вы знаете, что в еврейском языке нет выражения «иду в Иерусалим»? Есть выражение «восхожу в Иерусалим». Иерусалим находится на горе, и до сегодня любой еврей говорит «восхожу в Иерусалим», а когда уезжает из Иерусалима, говорит «нисхожу из Иерусалима». Это — некий образ Горнего мира, в который нужно восходить, и оттуда не «уходят», а «нисходят». А Иерихон, как вы помните из Писания — это твердыня греха. Это — главная крепость, которая стояла на пути еврейского народа при вхождении в земли Израиля. Когда Бог вывел Свой народ из Египта, на пути евреев было много препятствий, и главным из них был город Иерихон. Его не обойдёшь — он могуч, и не сокрушишь — он твёрд. Тогда, если помните, Господь повелел священникам семь дней ходить вокруг города и трубить в серебряные трубы. И на седьмой день от трубного гласа рухнули стены Иерихона, Иерихон пал. Не оружием, не силой мышц, не стенобитными орудиями, не метанием зажжённых снарядов,— а силой молитвы. Потому что труба в устах священника — это образ слова Божьего, Божьей силы и призыва к благочестию. Так пал

Иерихон. Иерихон — символ греха. Иерусалим — символ благодати.

И вот, человек шёл из Иерусалима в Иерихон. Шёл сверху вниз, нисходил из Иерусалима в Иерихон. Кто этот человек? Это — Адам, потерявший рай. Он был в Иерусалиме, а потом оказался в Иерихоне. По пути попал к разбойникам, а разбойники суть бесы, нечистые духи, которые избили его до полусмерти. А то, что его не убили, — так это лишь потому, что Бог не позволил. Мы читаем в истории о гадаринском бесноватом, как бесы на утонувшем свином стаде показали свою жестокость, убийственность. Почему же они не утопили самого бесноватого? Потому что Бог не дал, ведь Он хранит даже бесноватого. Оттого злые разбойники били, но не убили человека из притчи, идущего из Иерусалима в Иерихон. Бесам позволено бить человека, а убить его, то есть предать вечной смерти, Бог не дозволяет. Если бы Бог позволил, то лукавый порвал бы нас в клочья в сию же секунду. Как говорил Серафим Саровский, лукавый страшен и одним ногтем может перевернуть весь мир. Но Бог хранит человека, хотя и дозволяет нечистой силе тревожить нас. Как потом оказывается, что для нашей же пользы.

Итак, человек, уходящий из Иерусалима в Иерихон — это Адам, всечеловеческое существо, который попал в руки разбойников и был бит, ограблен, едва не убит. И пришёл к нему самарянин. Кто такой самарянин? Это — Христос. Мимо бедняги прошёл священник, мимо него прошёл левит, прошли законники, прошли грамотеи и знатоки — прошли те, кто кичился знанием. А самарянин, тот, с кем раньше этот иудей и не поздоровался бы, замедлил ход. Это — Христос, который всё делает для человека, но Он до сегодняшнего дня человечеством до конца не познан и не узнан. Христос до сих пор для одних является фантазией и вымыслом; для других — нарушителем закона, как для иудеев; для третьих — просто одним из учителей человечества вроде Конфуция или Магомета. И только малое число людей знает Господа Иисуса Христа по-настоящему и любит Его. Для них Он — не самарянин. Для них Он — Сын Бога Живого, как для апостола Петра. Так вот, самарянин — это образ Господа Иисуса Христа, Который замедлил Свой ход, промыл раны человеку и посадил его на Своего осла. В этих словах тоже есть смысл. Потому что некоторые богословы считают, что за образом этого ослёнка, этого вьючного животного, скрывается богочеловеческая плоть Христова. Господь, воплотившись, став Человеком, взял на себя все немощи человеческие. Это и означает — посадить на Своего осла избитого, раненого человека. Господь взял на Себя все наши ограниченности, слабости, немощи, кроме греха.

И Христос повёз человека в гостиницу. Что такое гостиница? Это — Церковь, братья и сёстры. Церковь, где Он послужил избитому человеку, а потом, уходя, дал хозяину гостиницы две монеты. Двумя монетами являются Ветхий и Новый Завет, Священное Писание. И заповедал гостиннику: «Послужи теперь ты ему». Гостинником названы епископы, священники, духовенство, катехизаторы, учители, богословы и, если угодно, учителя, врачи — все, кто лечит, защищает, милует, вразумляет, спасает человека. Бог дал этим людям в руки две монетки, два Завета: вот, вразумляйся, спасайся и помогай израненному человечеству. А Я, когда возвращусь, тебе воздам. Господь будет идти обратно, и Он придёт в гостиницу. Суд, братья и сёстры, начнётся с Дома Божия. Церковь более всех помилована, более всех облагодетельствована, но с неё и начнется Суд. Господь, придя обратно в мир, в первую очередь посетит Свою Церковь. И воздаст тем, кто послужил, потрудился и поухаживал за избитым Адамом. Потому что всякий человек — это избитый, измученный Адам, ограбленный, не нужный никому, кроме Христа. Вы понимаете, в чём весь трагизм и одновременно вся радость нашей жизни? Мы никому по-настоящему не нужны, кроме Господа Бога и Сына Его Иисуса Христа — истинного Бога и настоящего Человека. Больше мы не нужны никому. Нас забудут через неделю, а может быть, и через день. Пусть через месяц, но забудут. Потому что суета, нужды, болезни вытесняют память из человеческого сердца. Всё пройдёт. Забылись многие великие цари, перед которыми в прахе лежали люди. Сегодня и костей их нет, и стёрлась память о них. Маленького человека и сегодня не замечают, а большого завтра забудут, и только Христу человек нужен

по-настоящему.

Притча о милосердном самарянине, братья и сёстры, это — сокращённое Евангелие, сокращённая библейская история, в которой мы видим Христа, Который жалеет Адама. Адам потерял Иерусалим. Мало того, что он пошёл сверху вниз, в Иерихон, так он ещё и попал в беду и еле остался жив. Человечество еле живо. Человечество может быть красиво одето, может ездить на дорогих машинах, может есть вкусную пищу, но внутри оно безобразно. Человечество еле-еле живёт, еле дух переводит. Внутренний образ человека — это сущий кошмар. Вспомним «Портрет Дориана Грея». Герой — красивый юноша, но настоящее лицо его на портрете с каждым днём всё безобразнее и безобразнее. Это — человечество. Чем больше украшается внешнее, тем больше гниёт и смердит внутреннее. И жалеет человека только Христос, Которого до сегодняшнего дня большинство людей считают самарянином, что само по себе является оскорбительным для слуха иудеев. Так они и говорили Христу, когда Он им проповедовал: «Мы знаем, что ты самарянин и ты — бесноватый». Бесноватый и самарянин — это почти синонимы. И это говорили Христу! Бесноватым называли Того, от одного приближения Которого бесы вопили: *что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришёл Ты сюда прежде времени мучить нас* (Мф. 8, 29). Бесы вопили, а люди говорили гадости о Христе, и до сего дня это продолжается, и дальше будет продолжаться. Чем дальше, тем более тонкие, подлые, хитрые, извращённые формы будет принимать война с Церковью. Христос предупреждал, что чем дальше будет двигаться человеческая история, тем более будет оскудевать настоящая вера. Мы помним Его горький вопрос, относящийся ко Второму Пришествию: *Сын Человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?* (Лк. 18,8).

Нам не обещан рай на земле. Нам обещана борьба за веру, по сути, безуспешная в плане масштабных побед. Идёт борьба за каждую душу, и мы, братья и сёстры, в эту борьбу вовлечены. И в этой борьбе мы каждый раз должны выбирать правильную сторону.

Конечно, притча содержит и практический вывод. Это — призыв к милосердию ко всякому человеку без различия его цвета кожи, национальности и даже веры. Человек страдающий перестаёт быть украинцем, белорусом, эфиопом, англичанином. Страдающий человек — это брат, нуждающийся в помощи. Поэтому нужно учиться, наверное, всю жизнь смотреть на нуждающегося в помощи человека как на Христа, Который хочет, чтобы Ему послужили. Мы в жизни раздираемы и разделяемы национальными, религиозными, имущественными, половыми и другими предрассудками. Мир весь разделён, разбит на клеточки, и, если честно сказать, то каждый из нас как будто навеки посажен в тюрьму, сидит в камере одиночного заключения внутри своего гнилого внутреннего мира. Но разбить стены и выйти наружу — в нашей власти. Мы можем выйти на свободу. Это будет свобода христианская, свобода от греха, свобода от эгоизма. А если нет, то каждый из нас — это тюремный заключённый на всю жизнь, до смерти, внутри одиночной камеры своего эгоизма, замкнутости, самолюбия, своих похотей, желаний. И нам нужно, дорогие христиане, научиться смотреть на людей Христовыми глазами. Если страдает человек, то не спрашивай, в кого он верит, не смотри на цвет его кожи, не узнавай, где он живёт. Потому что если можешь помочь, в его лице ты поможешь Самому Господу Иисусу Христу. Даже если помочь не можешь, подумай о нём хорошо. Это уже будет помощь, потому что светлые мысли — это тоже оружие. В древности мудрые люди говорили: «Можешь помочь— помоги, не можешь помочь — помолись, не умеешь молиться — подумай о человеке хорошо».

Вот такую притчу предлагает нам сегодня Христос, о ней мы сегодня и размышляем. Собственно, мы находимся за накрытым столом и в сегодняшнее воскресенье вкушаем очередное евангельское блюдо. Пусть это блюдо войдёт в ваше духовное чрево. Пусть оно там усвоится вашим духовным организмом. Пусть оно будет вам на здоровье, чтобы от него укрепились ваши духовные силы, и из вашей жизни родились благие, добрые плоды.

Притча о званых на вечерю[3]

Сегодня было прочитано Евангелие от Луки. Господь говорит притчу и в этой притче рассказывает следующее.

Некий богатый человек приготовил большую трапезу, накрыл стол и позвал множество людей. То были званые, специально призванные люди. Он отправил своих рабов пригласить этих людей, ибо всё готово. А те, как сговорившись, стали отказываться. И говорили: прошу тебя, не обижайся, но я не приду. По-старославянски — «имей мя отреченна», то есть «я не могу». Причины для отказа назывались самые житейские. Один купил поле и хотел его осмотреть. Другой приобрёл пару волов и хотел их испытать. Третий женился и, занятый своими житейскими радостями, не хотел отвечать на приглашение.

В историческом плане мы, конечно же, узнаём в людях отрекающихся еврейский народ. Они позваны. Они — первые званые. Впоследствии эту эстафету «званичества» они передавали многим другим народам, которые по временам веровали, по временам— отрекались и теряли своё первородство и благословение. И далее, вслед за евреями, уже можно указать на многие роды людей — и нации, и племена, и на отдельных людей, в конце концов, — которые в силу разных причин отказывались идти к Богу на трапезу.

Во-первых, что это за трапеза? Это — Евхаристия. Мы собраны в храме Божием, поющие псалмы и песни, слушающие Евангелие, благодарящие Господа, ядущие и пиющие от одной Чаши. Это — трапеза, это— праздник, пир. Пир— это красивые брачные одежды. Пир — это веселье. Пир — это еда и питьё. Пир — это пение и ликование. И всё это есть внутри литургии. Здесь есть Царь, возлежащий посреди пирующих. Потому что Сам Христос — Агнец Божий закалаемый. «Приносяй и приносимый. Приемляй и раздаваемый». Он есть среди нас, в храме Божием, посреди литургии.

Чиста должна быть одежда, о которой в других притчах говорит Господь, — одежда брачная, одежда праздничная, сотканная покаянием, смиренными мыслями, добрыми делами, рождёнными из смиренных мыслей. Заметьте, братья и сестры, что из гордых мыслей не рождаются добрые дела. Рождаются только мнимые добрые дела, полные внутри всякой гнили, подобно испорченным продуктам на рынке — снаружи красиво, внутри гадко. Дела добрые рождаются из смиренных мыслей, из простоты душевной, из нежелания выпятиться, но из желания покрыть грехи свои, из желания помиловать ближнего. И вот всё это — образы пира. Чистая одежда, пение и радование, Царь посреди трапезующих, еда и питьё. Таинственная еда, таинственное питьё. Пища новой жизни. Как говорит Игнатий Богоносец, святое Причастие, Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, — это врачевство бессмертия.

И вот на сей пир не пошли вначале одни, потом другие, потом третьи. Да и сегодня — посмотрите, сколько крещёных людей на пир не идут. Почему? Куда идут в воскресенье крещёные люди? На базар, в магазин, в гости, на каток, на бильярд. В лес на лыжи. С утра до вечера можно в ресторане или в баре просидеть. Можно поехать в далёкий город, в музей, да куда угодно — спектр возможных занятий в главный евхаристический день широчайший. День Христов, день воскресный! А миллионы крещёных людей идут в этот день на поле, к волам, к жене. Это, собственно то же самое, братья и сестры. Это отрицание призыва прийти на пир. И мы должны с вами стремиться к тому, чтобы самим быть людьми, заключёнными в евхаристическую жизнь. Мы должны свидетельствовать другим, что христианство — это не только убеждение ума в том, что Бог есть и что Христос воскрес. Христианство — это принадлежность к евхаристической общине, это жизнь литургическая, вера полнокровная, полноправная, могущая родить из себя и большее — и подвиг, и труд, и какое- то

[3] Лк. 14:16-23

совместное важное дело. Один человек, просто верующий в Бога — это солдат, который никого не победит. Это храбрый оловянный солдатик без ноги, который рано или поздно сгорит в печке, и останется от него только кусочек олова в форме сердечка. Просто вера в то, что Бог есть, — это хорошо, но этого мало, это не спасает человека. Как говорит апостол Иаков, *Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2,19). Трепещут, но не каются, не меняются. Поэтому, конечно, вера — это важно, но вера должна быть плодотворная, живая, церковная.

Заметьте себе, что люди отвергают призыв по мотивам земным. Никто не говорит, что я, мол, царя ненавижу. Никто не говорит дерзостей. У каждого есть какая-то причина, но причина чисто земная. Земная жизнь втягивает человека, как воронка водоворота. Втягивает, чтобы потребить его без остатка. И это каждый знает по себе. Мы все живём, в принципе, одной и той же жизнью. У кого-то больше здоровья, у кого-то меньше. У кого-то больше денег, у кого-то меньше. У кого-то есть дети, у кого-то нет. Но по большому счёту, все мы — Адамовы дети, и жизни наши сходны. Все мы знаем, как засасывает человека суета, как закручивает и перемалывает его. И невинные и простые вещи превращаются порой в настоящую стену между человеком и Богом.

Самая главная стена между человеком и Богом — это грехи. Присвоение чужого, блуд, гордость, неумение прощать, спесивость — да мало ли грехов! Их тысячи, как пылинок в воздухе. Но оказывается, что и простые житейские вещи могут быть стеной между мной и Богом. Пойти на поле и проверить его. Купить волов и испытать их. Жениться и отдаться радостям супружеской жизни, отказавшись от участия в трапезе Царя. Такие невинные, казалось бы, вещи. В них нет греха — ни в волах, ни в поле, ни в женитьбе. Грех в том, что человек безраздельно погружается в житейское и никак не может освободить время, сердце, ум, совесть, жизнь — для Бога. Вот в этом — грех. Поэтому, братья и сёстры, нам надо учиться помнить Господа всегда. К этому нас призывает и заповедь Второзакония: *Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, [...] то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете* (Втор. 8,19).

Мы не можем не трудиться. Мы не можем не делать тысячи разных вещей. Но и заправляя бензобак, и вскапывая огород, и стирая бельё, и пришивая пуговицу или купая детей перед сном — делая тысячи разных вещей, которые мы должны выполнять, мы всё-таки можем помнить Господа. И нужно к этому стремиться. Это упражнение человека в том, чтобы пребывать в памяти Божией. Оно заменяет все молитвы, на самом деле. Оно выше всех правил. Выше бесконечного бормотания молитв и канонов, если они читаются без сердца, а только устами. Ум бегает в одну сторону, сердце живёт другим, а язык барабанит третье. Есть такие мерзкие молитвенники.

Упражняться в памяти Божией — это очень трудно и очень важно. Как сказал Бог Аврааму, *ходи предо Мной и будь непорочен* (Быт. 17,1). Вот и всё. В этих двух повелениях вмещается вся жизнь великого человека, который родил сынов и дочерей, ставших Израилем, от которого родился Христос. Авраам есть духовный отец всех верующих — всех, кто верует во Христа.

Однако, занимаясь житейскими делами, нельзя их бросать. Пусть никто не думает, что Бог благословил лентяйство. Есть ещё такие у нас красавцы и красавицы, ничем вообще не занимаются. Гвоздя не забьёт, в хате не подметёт. «Куплю мужу консервы, поломаю булку на две половины, пусть себе ест. А я буду молиться». Такие «гипердуховные» люди. С ними страшно жить, их выносить невозможно.

Нужно трудиться, обязательно трудиться, как пчёлка, с утра до вечера. Соломон говорит: *Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою* (Прит. б, 6-8).

Нельзя лентяйничать: Бог лентяев к Себе не зовёт. Он зовёт труждающихся и обремененных. Но и забывать Бога нельзя. Задача двойственная: трудись, человек, но посреди трудов своих Бога не забудь. Вот две крайности, между которыми мы должны постоянно находиться, балансируя. С одной

стороны, хочется только Бога помнить и бросить всё на свете. Плохо будет, братья и сёстры. Не получится. Потом хочется трудиться, трудиться, трудиться. Глядишь — и Бога забыл. Тоже плохо, тоже никуда не годно. Нужно трудиться, но ещё и Бога помнить. Вот это наша задача. Как её решать? Здесь нет готовых ответов. Это задача творческая. Её нужно каждому решать на своём месте в зависимости от того, как ты работаешь, насколько здоров, талантлив, в какой степени обременён общественными задачами. Есть тысячи вариантов, и нет простых решений. Нужно искать, нащупывать правильные ответы. Бога нужно помнить, к Богу нужно стремиться, и трудиться тоже нужно.

Люди, которые выбрали одно и отвергли другое, подверглись серьёзному наказанию. Господь в конце притчи говорит, что никто из людей званых не вкусит вечери. Это значит, что они лишены навсегда Царствия Божия. Это страшно, братья и сёстры. Даже если бы не было адских мук, а было бы всего лишь изгнание вон из райского блаженства, то уже этого изгнания хватило бы человеку, чтобы всю вечность стыдиться, каяться и горько плакать. И поэтому этот вопрос очень важен.

И вот хозяин, накрыв трапезу, с большой горестью, с большим огорчением узнаёт, что все званые отказались, и повелевает своим слугам созвать хромых, нищих, больных, несчастных людей, у которых нет ни волов, ни полей, ни жён. Все эти люди были позваны, и они наверняка удивились. «Меня, что ль, зовут? Неужели меня вспомнили, позвали?» Вы знаете, когда Господь Бог приходит к душе, душа недоумевает: «Неужели ко мне? Что я значу перед Богом? Почему я?» Некоторые даже говорили: «Господи, может, Ты перепутал? Может, Ты к кому другому хотел прийти? Почему ко мне?» Душа удивляется. Так и эти нищие наверняка удивились. «Меня, слепого, горбатого, плохо одетого, немытого уже несколько недель, — меня зовут к царю на трапезу?!» И они пошли, и возлегли, и стали есть, и насытились. Но ещё осталось место. Господь говорит в Евангелии: *В доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2). Там много места, братья и сёстры. Туда вошла масса калек, хромых, сухих, слепых...

«А если я здоров, как конь, на мне пахать надо, что мне — заболеть, чтобы войти в Царство Небесное?!» Да нет, дорогой, будь здоров. Только вспомни, что души все наши и слепые, и косые, и хромые, и паршивые, и горбатые. В душевном отношении мы все с вами если не слепые, то подслеповатые, и прокажённые, и немощные, и кровоточивые. Поэтому я думаю, что, имея в виду хромых, слепых, убогих, Евангелие говорит нам не о телесных только болезнях. Есть страшно гордые калеки, которые наверняка в рай войти не могут, потому что страшно горды и ужасно завидуют всем здоровым, всем богатым. Такому болезнь не будет во спасение, потому что у него главного — нет. Болезнь с терпением — это спасение без трудов. А болезнь с завистью, с ропотом — это погибель вместе с болезнью. Поэтому когда говорится о всяких хромых, горбатых и несчастных, говорится не только о телесных увечьях. Речь идёт о внутреннем познании своей худости, ощущении своей глубокой болезненности. Смиренные сердцем люди — это люди, знающие свои глубинные болезни. Они Богу милы, потому что не гордятся.

Конечно же, больше всего гордецов среди богатых, и сильных, и здоровых. Тяжелее найти гордецов среди тех, кто сидит на гноище. Поэтому, братья и сёстры, нужно помнить, что в Царствии Божием будет много людей, которые, по нашим меркам, никак там быть не должны. Мы каждый день проходим мимо них по улице и не думаем, что им в раю приготовлено особое место. Вспомним выражение одного афонского монаха. «Если я попаду в рай, я удивлюсь трём вещам. Во-первых, тому, что я — в раю. Во-вторых, тому, что я увижу там тех, кого увидеть не ожидал. И, наконец, в-третьих, я удивлюсь, что не увижу тех, кого стопроцентно ожидал увидеть». Райская жизнь будет абсолютным удивлением для всех. И там найдётся место для несчастных и последних сегодня, которые почему-то известны Богу и чем-то Богу угождают. Это большая тайна, и нам нужно иметь глубокий ум для того, чтобы не спешить с суждениями и быть в жизни внимательными.

Мы остановились на том, что позвали всех этих несчастных, а место ещё осталось. И сказал царь: *Пойдите на распутия и всех, кого найдёте, зовите на брачный пир* (Мф. 22,9). И что здесь, братья и сёстры, важно? Что мы с вами и есть те калеки, которых подгребли, собрали с распутий и обочин дорог. Именно мы и есть они. И нужно быть благодарным Царю, что Царь Небесный с величайшей любовью, честно говоря, совершенно непонятной любовью, относится к человеку. Ведь Господь как Хозяин мира мог бы мостить нами дороги, мог бы связывать нас в пучки и сжигать огнём неугасимым. Мог бы раздувать нас, как пепел из погасшего костра. Он мог бы ломать нас об колено и бить по голове каждый раз, когда мы грешим или замышляем плохое. Но Господь Бог взамен этого с величайшим терпением, с огромной педагогической чуткостью, как великий педагог и учитель, ведёт каждого, слегка-слегка прикасается к его душе, к его мыслям. Слегка нашёптывает полезные вещи и мудрые мысли. Очень осторожно устраивает нужные ситуации житейские, дарит встречи с нужными людьми. И целыми годами ведёт отдельную душу. Очень, очень осторожно.

Зная, что человек на костылях, Он не приказывает бежать стометровку. И подвигов никаких быть не может. Он человека, тихонечко ковыляющего на костылях, ждёт вдалеке. Ты, может быть, ползёшь по-пластунски по этой жизни, а Он тебя ждёт, ещё помогает. Господь действительно — величайший Человеколюбец и Долготерпеливец, и тончайший Педагог и Психолог. Если нашими категориями говорить, — уникальный миссионер. Он умеет каждому говорить то, что нужно, то, что человек может понять.

Итак, вся история мира длится для того, чтобы то там, то здесь совершались встречи отдельного человека и Живого Бога. В этом — духовный смысл истории.

И вот, братья и сёстры, читая сегодня эту притчу, мы должны вынести для себя несколько уроков. Начнём с конца. Во-первых, все мы, пришедшие в храм, пришли сюда не потому, что мы хорошие, умные, благочестивые. Нет. Нас Бог нашёл в своё время. Он нашёл нас, как петух, разрывая навозную кучу, нашёл жемчужное зерно. Господь нашел нас в навозе, отмыл и привёл. Не наша заслуга, что мы в храме. Это очень тонкий, очень мудрый, непостижимо глубокий Промысел Божий о каждой душе. Тебя — через книгу, тебя — через скорбь, а тебя — через радость. Тебя — через друзей, тебя — через жену, а тебя — через потерю близкого. Каждого по-разному. Всех нас Он сгрёб, как птица собирает под крылья птенцов своих, как говорится в Евангелии. Мы — те калеки, которые пришли и возлегли, и трапеза наполнилась возлежащими. Нужно это понимать со смирением и с благодарностью.

Вывод такой: нельзя уходить из царского дома, пока не выгонят, пока не скажут: всё, поели — уходите. Господь нас не выгоняет никуда. Он позвал нас, чтобы мы были с Ним вечно. Поэтому нужно любить Церковь. Ибо Церковь есть царский дворец, в котором Царь нас угощает. Царь Сам нам служит. Это мы прислуживаем при Нём, а Он Сам лично служит нам, Царь наш Небесный, Господь Иисус Христос. Поэтому будем любить Церковь, будем благодарны Богу, что не мы Его нашли, а Он нас нашёл. И мы есть те самые позванные с распутий и дорог, наполнившие ту трапезу, от которой отреклись званые. Это первый урок. А второй урок —то, что нужно будет нам трудиться всю жизнь. Потому что лентяев Бог терпеть не может. И тунеядцев, и проходимцев, любителей делать деньги из воздуха, Господь Бог терпеть не может. Он на них гневается, из-за них земля дрожит. И нужно всю жизнь пахать, и сеять, и стирать, и мыть, и варить, и строить, и чего только не нужно делать в жизни. Но при этом следует знать, что никакое земное дело не имеет права заслонить от нас Того, Кто нас создал, Кто нас искупил. «Помни Господа Бога твоего всегда». Что бы ты ни делал, чем бы ты ни занимался, ты не имеешь права забывать, терять из памяти Господа своего и Создателя. Потому что мы и живём Им, и движемся, и существуем.

Притча о десяти девах[4]

Сегодня Церковью совершается память святой равноапостольной Нины, в честь которой читался отрывок из Евангелия от Матфея — притча Иисуса Христа о десяти девах. Это евангельское чтение имеет характер великопостный и покаянный и читается на Страстной неделе.

Рассказывая притчу, Христос сообщает следующее: Царство Божие подобно десяти девам, которые, ожидая жениха, одеты в соответствующие одеяния и держат в руках светильники. В этой притче Христос называет Себя Женихом, а души людские —девами. Человеческая душа по природе — невеста Христова. Именно эта тайна нам открывается в притче.

В особенности эта мысль яркой становится и проявляется в таинстве монашества. Монашеский подвиг— это как бы вступление души человеческой в брак со Христом. Неважно, мужчина вступает в монашество или женщина. Естество плотское здесь не имеет значения, а души наши равноангельные одинаково уневещиваются Христу, вступая с Ним в мистический брак. Монашеский постриг — это некое таинство венчания души со Христом. И как раз в этот момент поются молитвы, связанные с сегодняшним евангельским чтением. «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща».

Христос — Жених наших душ, и души наши ждут Христа, поскольку Он уже приходил на землю однажды. Мы слышали о Нём, и следы Его присутствия мы встречаем на Святой земле и по всему миру, потому что Христос обошёл весь мир духовно уже по Вознесении Своём. Христос не оставил ни одного клочка земли, не освящённого Своим присутствием. У Тютчева есть трогательные стихи, где он говорит о своей земле, о Руси. «Удручённый ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя». Христос близок к людям. И не только Палестина и Иерусалим хранят следы Его присутствия. Иорданская река, озеро Генисаретское, храм Воскресения, Галилея — это места, где Он был, где ногами ходил, где Он преломлял хлеб и воскрешал мёртвых. Но с тех пор, как мир огласился проповедью о Христе Воскресшем, множество уголочков мира осветились благодатью Христовой и Христовым присутствием.

Мир есть некое вместилище Божественных тайн. И мы помним об этом, и вместе с тем ждём Второго Пришествия. Мы ожидаем того дня, когда Христос явится уже во славе. Потому что в первое Пришествие Своё Христос был смиренный человек. Он ходил, как человек, нуждаясь в пище, в крове, прячась от солнца в листве деревьев. Он был смиренен во всём. Но будет и Второе Пришествие. Ожидание Второго Пришествия — это ожидание Жениха теми душами, которые с Ним связаны, которые обручены с Ним. Вы знаете, что одно дело обручение, а другое дело — брак. Одно дело обручиться, а другое дело в брак вступить. Обручиться — значит пообещать верность и ждать того времени, когда наступит брак. В нашей сегодняшней церковной практике венчание следует сразу после обручения, хотя, в общем, по традиции многовековой можно обручиться и ещё какое-то время браком не сочетаться. Между обручением и браком может пройти полгода, год, а то и больше.

И вот все мы с вами — верующие люди, мы обручены Христу, но полным браком с Ним ещё не сочетались. То есть, мы должны в течение временной жизни доказать Ему нашу верность, дождаться Его, не изменить Ему, не влюбиться в других женихов, которые прельщают душу, — а это различные идолы, духовные призраки, фантомы. Они представляются образу души нашей и влекут к себе. И мы к ним влечёмся, как легкомысленная девица влечётся к щёголю, который красиво говорит и красиво одевается. Так и души наши влекутся то в одну сторону, то в другую, развлекаясь вниманием в этом суетном мире. Но смысл-то в том, чтобы душа была верной Христу, Небесному Жениху. Об этом говорит притча.

---

[4] Мф. 25:1-13

Десять дев представляют собой полноту верующих. Они ожидают жениха. Жених медлит. В Писаниях говорится, что жених замедлил, все устали ждать и уснули. Это тоже очень важная черта, ведь сколько времени прошло с тех пор, как Христос был на земле? Много лет прошло. Мы должны помнить и понимать, что ожидание Второго Пришествия Христова было наиболее напряжённым, даже страстным, в первые годы бытия Христианской Церкви. Когда апостолы ещё жили на земле и проповедовали, когда Церкви только-только возникали, когда люди крестились, слушая проповеди этих свидетелей — апостолов, тогда эта благодать Божья сияла с великой силой посреди страшной тьмы, посреди любых гонений. В это время христиане более всего ждали Второго Пришествия. Апокалипсис Иоанна Богослова заканчивается словами: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» То есть: «Приди уже, приходи скорей, мы ждём Тебя, мы готовы! Иди, казни грешников и спасай праведников». Этой мыслью пронизаны все послания апостолов, потому что люди так жарко, буквально со дня на день ожидали Второго Пришествия.

Потом история продлилась — ради того, чтобы многие спаслись. И люди то забывали о Втором Пришествии, то опять в них воскресали чаяния конца. И неоднократно уже люди объявляли о конце света, собираясь на горах и в пустынях, продавая имущество, отказываясь пахать землю, рожать детей. И думали: «Вот-вот, сейчас придёт». Но не приходил Он. И опять начиналась суета, начиналось беззаконие, как правило, ещё большее. После сильных ожиданий, которые не оправдались, начинается вакханалия греха — так обычно бывает в жизни. И в Евангелии говорится, что жених замедлил, жених специально задержался, он дал всем подождать, чтобы все устали и заснули. Христос придёт на Страшный Суд, когда все уснут, когда все устанут ждать. Это некий закон: ждёшь, ждёшь, ждёшь, устал ждать, очи смежил, задремал — а тебе тут по уху звонкая затрещина: вставай, пора!

Так было с апостолами в саду Гефсиманском. Христос молился, и они должны были молиться с Ним или бодрствовать. Но они не смогли, они клонились ко сну. А как трудно со сном бороться! Кто боролся, тот знает, как сон убивает, как будто в могилу тянет, ремнём, обвивающим шею, тянет человека к подушке, к кровати. Стоит к чему прислониться — тут же глаза тяжелеют, закрываются, и ты проваливаешься в бессознательное состояние. И тут — как гром: «Всё, вставай, поздно уже, пришло, а ты не дождался!» Так было с апостолами в Гефсиманском саду, так будет и с нами. Жених должен прийти, мы Жениха ждём, но Жених замедлил, все устали и уснули.

Уснули все десять дев. Там было пять мудрых и пять безумных, по-славянски — юродивых, то есть повреждённых умом, некрасивых умом. Уродивый или юродивый — это значит человек, у которого ум искривлён, некрасив, неправилен. Чем отличались юродивые от мудрых? У каждой из них был сосуд елея в руках, то есть лампада. В древности они имели форму туфельки. Там, где носочек, торчал фитилёк, погружённый внутрь самой лампады, а сверху наливалось масло, и тогда зажигали фитиль. Так раньше люди освещали свои жилища, так освещали себе путь во тьме. Такие же лампадки были в руках у дев, когда они ожидали жениха. Жениха нужно ждать с горящей свечой, с горящей лампадой. В отличие от юродивых, у мудрых дев был запас масла. У них было масло в сосуде и масло про запас. А у глупых этого запаса не было. Когда они все заснули — и мудрые, и немудрые, — вдруг раздался голос: «Се жених грядет! Идите навстречу!» И вот они все поднялись, стали поправлять свои фитили — знаете, на фитиле образуется нагар, он начинает коптить, его надо очищать. Начав чистить лампады, юродивые обнаруживают, что у них в лампадах масла мало, фитиль коптит и уже готов погаснуть. А у мудрых— заправленная лампада горит. Тогда юродивые говорят мудрым: «Дайте нам вашего масла! Лампады наши угасают». А мудрые отвечают им: «Если мы разделим, то погаснет и ваше, и наше. Не хватит всем. Пойдите и купите себе».

И те пошли покупать. В это время мудрые зашли в чертог, и закрылись двери. Очень страшная фраза: «И затворены быша двери».

Я напомню вам о том, что Христос в одном из мест Писания, а именно в Откровении Иоанна Богослова, описывается как Имеющий ключ Давидов, Который *отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит* (Откр. 3,7). Христос открыл нам дверь веры: насыщайся, радуйся, изменяйся, питайся, спасайся. Единственные двери, через которые можно войти в Царство Божие,— двери покаяния. Заходи, человек, кайся и потом радуйся. И Христос нам эти двери открыл. Их никто не закроет, пока Он Сам их не закроет. Но когда Он закроет, никто их не откроет. Не подкопается под них, не взорвёт их динамитом, не подберёт к ним отмычки. Поэтому мы говорим: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». Так мы будем петь в Великом посту в дни покаяния. Ещё мы говорим Божьей Матери: «Милосердия двери отверзи ми, благословенная Богородица», —то есть открой нам эту дверь, потому что если Он закроет, то всё. Это страшно.

В притче говорится: «Затворены быша двери». Глупые девы пришли уже с маслом, с загоревшимися лампадками, и стали стучаться в дверь: «Господи, Господи! Открой нам!» Из-за закрытой двери они слышат голос: «Не знаю вас».

На что это похоже? На тот евангельский пир, где веселились праведные и откуда выбрасывали грешных. Связывали руки и ноги и выбрасывали вон, во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов.

В притче говорится о том, что нам нужно войти в открытые двери с горящими лампадами. Конечно, здесь особую роль играет масло. Чем заправить лампаду, чтобы она горела? Что символизирует запас масла? Златоуст говорит о том, что масло— это милостыня, что вера действует любовью. Апостол Павел говорит о том же. Как солнце не может не греть, как вода не может не увлажнять, как тяжёлое не может не падать, а лёгкое не может не возноситься вверх — так вера не может не иметь под собой любви. Если вера есть, то она рождает из себя дела любви. Если наша вера не рождает дел любви, то это вера мёртвая, даже бесовская. Потому что и бесы веруют и трепещут, но не меняются. Есть вера бесплодная, бесовская, вера в Единого Бога, которая ничего из себя не рождает. Не дай Бог такую веру иметь. Вместе с тем, настоящая вера рождает из себя дела.

Златоуст считает, что елей есть милость в самом широком понимании. Это и жалость, это и защита, это и милостыня, это и помощь, это и молитва, это и забота о ближних, добрые мысли о них, это прощение согрешений ближних. Это всё, что охватывается словами «люблю ближнего» — вот что такое милость. Это и есть, собственно, тот елей, которым нужно запастись. Преподобный Серафим Саровский говорит о том, что милостыни мало, даже девственности мало, потому что и мудрые, и глупые были девами. Казалось бы, девство— чистота, нерастлённость, цельность, вроде бы посвящённость Господу всецелая, и вместе с тем— девы остаются за бортом. Человек может целомудрствовать и быть пустым — такая целомудренная пустышка. Есть такие девы и девственники, которые вроде бы не растлены по телу, но пусты в душе или растлены умом. Значит, девственности мало.

Серафим Саровский говорит, что елей есть благодать Святого Духа, и что человек должен быть благодатен. Мы молимся: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию». Ни заступлённым, ни помилованным, ни сохранённым нельзя быть без благодати. Что такое благодать? Это всесильное действие Духа Святого, который действует в Церкви над спасающимися. Помогает, защищает, исцеляет, греет человека по мере его веры, молитвы, смирения и исполнения им заповедей. Человеку нужно быть благодатным.

Внутри нашего естества постоянно борются две природы: ветхая природа старого Адама и новая природа нового Адама, Христа. То есть, благодать борется с ветхим естеством — кто кого победит. Благодать желает победить ветхого человека, привить человеку новые мысли, новые чувства, новые ощущения, новые жизненные цели. А ветхий человек борется с благодатью. Пытается всё стащить с небес на землю, заставить жить по-своему: грешно, лукаво, суетно, хитро. Такая борьба в нас происходит.

Итак, все мы с вами — девы; девы — это наши души, обручённые Христу. И елеем надо запасаться. Как хозяйка делает на зиму какие-то заготовки, варенья, соленья. Как человек откладывает деньги на чёрный день: вдруг заболеет или помрёт кто. Нужно иметь деньги в кармане на всякий случай, чтобы потом не протягивать руку и суметь выгрести из беды, не влезая в долги. Человек запасается в жизни многим. Значит, нужно запасаться и елеем. Наперёд нужно запасаться добрыми делами, совершёнными ради Христа и только ради Христа. Вот это есть чистый елей. Собственно, добрые дела, совершённые ради Христа и только ради Христа, и есть путь стяжания Духа Святого, по Серафиму Саровскому. Это и есть та милостыня, о которой говорит Златоуст. Это широкая милость, вселенская любовь, о которой говорит святой вселенский учитель.

Оказывается, нужно запасаться добрыми делами, нужно думать о том, что наши сокровищницы пока ещё пусты. Нам может казаться, что в наших духовных кладовых собрано много добрых дел. Забудем об этом. Мы можем думать: «Вот это я уже сделал, этому помог, этого посетил, этого простил, об этом помолился, здесь я сделал то- то и то-то». Если мы помним о своих добрых делах, значит, грош им цена. Нужно забывать о добрых делах по мере их совершения. Забывать совсем. Нужно приобрести священный склероз на добрые дела. Нужно сразу же забывать всё то доброе, что ты когда-либо сделал. Потому что мелкий, гнусный человечек помнит то маленькое ничтожное добро, которое он сделал кому-то 15 лет назад. Разве так можно? Нельзя. Нужно сегодня сделать и сегодня забыть. Пусть правая рука не знает, что делает левая. Так говорит Евангелие. Только при условии забвения своих добрых дел мы можем накопить что-то в нашем сосуде с елеем. Если мы их будем помнить — Бог их забудет, если мы их забудем — Бог вспомнит. Таков духовный закон, так всегда бывает. Если ты сам себя прощаешь, Бог тебя будет судить. Если ты сам себя укоряешь, смиряешь, Бог не смирит, не осудит.

Нужно запасаться добрыми делами наперёд. Но, повторяю, добрыми делами, сделанными ради Христа и только ради Христа, без пожелания взаимного добра, без пожелания похвалы и награды, бескорыстно, только ради Того, Кто живёт на Небесах, Кто сел одесную Отца. Ради Него, ради Воскресшего Богочеловека нужно делать добрые дела. Это и есть тот елей, который вдруг внезапно окажется в наших сосудах. Вот, заправим лампадочку и зажжём, и пойдём, и войдём, и дверь закроется за спиной, а не перед носом. Иначе, братья и сёстры, будет страшно.

Сколько раз мы слушали в Евангелии слова о том, что первые будут последними, и последние будут первыми. Евангелие перевернёт весь мир, к которому мы привыкли. Так было и во дни жизни на земле Христа Спасителя: тогда апостол стал предателем, а разбойник — первым жителем рая. Всё перевернулось. Так же всё перевернется рано или поздно и в нашей жизни. Всё изменится, превратится, станет с ног на голову. И тогда всё откроет свою тайную суть. Жил ли ты ради Христа, думал ли о Нём? Помнил ли ты о Нём? Сделал ли ты для Него что-нибудь? Сосуд твой полон, или фитиль догорает?

Так что, братья и сёстры, сегодняшняя притча о десяти девах— это вызов нам. Он звучит ради того, чтоб мы снова попытались положить начало доброму накоплению тех сокровищ, которые не гниют, которые нельзя украсть, которые ни червяк не съест, ни моль не растлит. Есть сокровища — не гниющие, нетленные, собираемые на Небесах. Это всё то малое, что мы сделали ради Христа, что Господь принял, запомнил и сложил тебе на твой личный депозитный счёт, с которого ты ещё и проценты получишь. Ты вложил малое — подожди, через 15 лет из этого малого будет большое. Потому что и малое, для Бога сделанное, не пропадает. А большое, сделанное для себя, любимого, или для того, кого любишь, в надежде, что и он тебе в ответ сделает добро, или для славы, для почестей — это большое, в конце концов, оказывается абсолютно не имеющим цены.

Нам нужно поменять угол зрения на нашу жизнь. На то, что уже прошло, и на то, что нас ещё ожидает. Нужно перемениться. Сколько раз мы говорим о том, что слово «покаяние», по-гречески «метанойя», означает перемену ума! Конечно же, ум сам по себе не поменяется. Ум нужно менять только воздействием Божественной благодати. И я очень желаю, чтобы ум всех тех, кто стоит сегодня в храме, поменялся Божественной благодатью. Чтобы для нас умерли многие вещи, которые ещё вчера казались ценными. И чтобы ожили те ценные, бесценные, драгоценные, вроде бы незаметные, но очень важные вещи, которых вчера ещё для нас не существовало. Это всё, дай Бог, сделает с нами Сам Христос. Внутри нашего ума Он совершит такую благую перемену.

Итак, будем, братья и сёстры, запасаться елеем, потому что рано или поздно все заснем. Мы все устанем и заснем.

Некоторые говорят: «Я пока молодой, каяться и молиться не буду, вот постарею— покаюсь». А как трудно каяться старику, когда склероз сковал мозги, когда радикулит скрутил спину, когда ноги не ходят, язык не ворочается, а встать с кровати — это уже целый подвиг! О каком покаянии в старости можно говорить? Кто в старости по-настоящему кается из тех, кто в молодости грешил? Почти никто, единицы, которые благодушно и безропотно терпят болезни. В старости можно покаяться только одним способом, если тебя Бог сразил болезнью, на кровать положил, а ты не ропщешь, говоришь: «Слава Тебе, Господи!» И Псалтирь читаешь. Больше для тебя подвигов нет. Только не ропщи, молись и жди встречи с Господом. В старости каяться очень тяжело.

Каяться легко, когда ты молодой, сильный, можешь поклоны класть, бедному помочь, слабого поддержать. Когда ты весь полон энергии— тогда хорошо каяться. Откладывать нельзя, накапливать нужно. Наступит время, когда мы все расслабеем, и это будет время перед Страшным Судом, когда весь мир расслабнет. У всех колени расслабнут, руки ослабеют, суставы. Вот наша жизнь сегодняшняя — комфортная, развратная, цивилизованная жизнь, что она делает с человеком? Она расслабляет. Современный человек — это человек расслабленный. Сонливый, ленивый, невзбодрённый. Он же не таскает воду из колодца — он открывает кран рукой. Он же не рубит дрова — он поворачивает вентиль крана в газовой плите. Он же не ходит километрами (раньше в школу ходили за 20 вёрст) — нет, он спускается на лифте, даже по лестнице пешком не ходит, выходит из подъезда, садится в машину, в метро, в автобус. То есть — он не трудится. Это — расслабленный человек. Мы сегодня спим на ходу, ничего не делаем и всё устаём. Современный человек просыпается уставшим. От чего, казалось бы? От неестественности нашего образа жизни. Поэтому притча говорит нам, что нужно накапливать добрые дела, нужно запасаться тем добром, которое ты стремишься сделать, пока ещё ходишь, пока ещё видишь, слышишь, думаешь, пока ты в здравом сознании, пока ещё в боевом рабочем состоянии. Потому что завтра ты можешь и ослепнуть, и оглохнуть, лечь и не вставать. Завтра может быть всё. А сегодня ты ещё здоров, на ногах, ты ещё всё можешь. Запасайся добрыми делами, добрый человек, пока не поздно.

Был в Москве в XIX веке доктор по фамилии Гаал. Он всю жизнь повторял одну и ту же фразу: «Спешите делать добро. Спешите делать добро». Это была его проповедь. Он любил всех нищих, всех

бедных, всех закованных в кандалы, всех больных, лежащих на кровати. Он всю жизнь потратил на помощь ближним — и бедным, и несчастным, и каторжным, и так далее. И он повторял: «Спешите делать добро».

Иоанн Богослов дожил до старости глубокой, и, уже не имея возможности и языком лишний раз двигать, он не проповедовал много, а только говорил: «Дети, любите друг друга». Это была его постоянная проповедь, призыв к тому, чтобы мы исполнили закон Христов. Любовь между нами и есть признак того, что мы Христовы ученики. Потому Гаал говорил: «Спешите делать добро».

Вот то добро, маленькое добро — щепотка соли, кусочек хлеба, доброе слово, улыбка, мысль, молитва— ради Христа, ради ближнего — это есть наш елей, братья и сёстры, который нужно будет заправить, когда раздастся голос: «Се Жених грядет, выходите навстречу!»

Заметьте, Церковь настолько прониклась мыслью, что «Жених грядет в полунощи», что в ней появилась специальная служба — полунощница. Монахи в монастырях служат полунощницу, зная, что Жених грядет в полунощи, чтобы не спать в полночь, чтобы в самый разгар ночи не ложиться в кровать, но встать на молитву и ожидать Жениха — не сегодня ли придёт? Может быть, сейчас придёт?

Человеку нужно ждать. Именно поэтому мы и ложимся в кровать с мыслью: «Поднимусь ли? Неужели мне одр сей гробом будет, или еще окаянную мою душу про светиши днем?» Так мы читаем в вечерних молитвах. Можно этого не читать, но об этом думать, это будет одно и то же. Если ты прочёл эти слова, но не понял, что написано, можешь их не читать. Если ты не прочёл их, но с этой мыслью ложишься в кровать: «Не будет ли кровать моим гробом? Поднимусь ли утром? Господи, прости меня, в руки Твои предаю дух мой», — это и есть вечерняя молитва. Это — самое важное. Потому что можно читать и не понимать. Но Богу не нужно бессмысленное бормотание. Можно понимать, не читая — и это будет молитва.

Наступило время, когда внешнее отнимается, когда внутреннее только одно и ценится. Понимает ли человек, зачем живёт, почему сюда пришёл? Зачем это читает, зачем это слушает? Понимая свою жизнь в мире и будущее, нас ожидающее, человек может найти Христа в своей жизни на каждом шагу. А совершая обряды внешние, не понимая их смысла, дураком остаётся человек на всю жизнь и умирает в большом недоумении. Умирает весь в грехах, как сука в блохах, и абсолютно не понимает, за что его наказывают. Вроде бы всю жизнь Богу прослужил, а оказывается, не Богу. Понимать смысл жизни сегодня нужно, братья и сёстры, каждому человеку, и идти нужно не от внешнего к внутреннему, а от внутреннего — к внешнему.

И вот сегодня мы читаем притчу о десяти — мудрых и немудрых, пять на пять — девах. Подводя краткую черту под сказанным, хочу напомнить, что души наши — невесты Христовы. Христос спросит с нас: верны ли мы Ему, сохранили ли мы ту чистоту, которая Ему любезна? Или Он нас как опороченную обручённую невесту отвергнет? Потому что можно обручиться и уехать на заработки, потом вернуться и услышать: «А ты знаешь, плохо твоя невеста тебя ждала». И другой скажет: «Плохо ждала тебя твоя невеста». А третий говорит: «Слушай, вообще тебе не завидую». И, в конце концов, придёт он к ней и скажет так, что она покроется краской с ног до головы, и никто её замуж не возьмёт, потому что такие невесты никому не нужны.

Так что, братья и сёстры, души наши Христу обручены и являются Христовыми невестами. И до тех пор, пока Он придёт— в полунощи, внезапно, когда мы будем спать — нам нужно собирать запас елея, чтобы светильники наши не погасли. Вот об этом сегодня, уходя из храма, будем думать.

Притча о мытаре и фарисее[5]

Сегодняшняя Неделя, предваряющая Великий пост, называется Неделей о мытаре и фарисее. Пост — это подвиг, а всякий подвиг, как дом, нужно строить на фундаменте и основании. Твёрдым основанием любого подвига является смирение, желание прославить имя Божие, а не себя; послужить, а не превознестись. Такими должны быть основания для всякого доброго дела. Если их нет, то лучше, чтоб и подвига не было. Потому что подвижничество без смирения — это уподобление бесам, которые не едят, не пьют, однако, не имея ни смирения, ни страха Божия, погибают. Вся жизнь их — это непрестанная смерть. Как говорит апостол Иаков, бесы веруют и трепещут — и не меняются. И у людей встречается такая бесовская вера, когда человек верует и не меняется.

Мы, приближаясь к Великому посту, читаем сегодня из Евангелия от Луки притчу Христову. Два человека вошли в церковь помолиться. Мне думается, братья и сёстры, что в образе двух людей можно изобразить всё человечество. К примеру, Библия рассказывает нам о Каине и Авеле. Это конкретные исторические личности, жившие на земле, старшие дети Адама и Евы, первой супружеской пары. Однако через них изображается весь мир. Потому что Каин — это образ людей, приносящих жертву с гордым сердцем, чью жертву Бог не принимает. А Авель имеет доброе сердце, и Богу его жертва приятна. И между тем и другим — вражда. Между сыновьями века сего и сыновьями Божьими — вечная война, битва между сынами Царствия и сынами земли. И брат проливает кровь брата. История Каина и Авеля вам известна, и в этих двоих можно видеть всё человечество.

А вот другая притча. У *одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моём. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошёл. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошёл* (Мф. 21, 28-30). Это притча о двух сыновьях, но и в этих людях мы узнаём всё человечество. Одни говорят: «Да-да, иду», — и не идут, а делают то, что хотят. Другие уходят от Бога, а потом каются, возвращаются и исполняют заповеди Отца.

Так и в этой притче, где два человека пришли в церковь помолиться, мы видим весь мир, всё человечество. По крайней мере, ту его часть, которая молится Богу. Я сейчас говорю не только о православных христианах, я имею в виду и мусульман, и иудеев, и католиков — всех, признающих существование Великого, Всемогущего Творца и нашу от Него зависимость. Всё это люди, молящиеся Богу, пускай ошибающиеся в вере, пускай не знающие истины по причине рождения и воспитания, но важно то, что они признают бытие Божье и молятся Ему. И все эти люди могут быть условно разделены на две части, которые Христос нам называет в притче: фарисей и мытарь. Один — смиренный молитвенник, другой — многоглаголивый, высокоумный, осуждённый за свою гордость ложный праведник.

Сегодня слово «фарисей», братья и сёстры, употребляется в переносном смысле, оно означает ложных праведников, лицемеров, считающих себя лучше других. Такому пониманию фарисейства нас научило Евангелие. А во времена, когда Господь рассказывал эту притчу, слово «фарисей» имело совершенно другое значение. Оно означало лучших представителей еврейского народа, тех, кто полностью посвятил себя служению Господу Богу. Иудаизм сохранился до наших дней именно в фарисейском варианте. У древних евреев было множество различных сект и движений — ферапевты, ессеи, зилоты, фарисеи. Всё отсеялось, всё исчезло, а фарисеи сохранились. Когда мы видим человека в характерной шляпе с пейсами, в белых носках и стёганом пиджаке или в пальто до земли посреди лета — это как раз представители различных толков фарисейства. Это очень мощное религиозное движение, которое учит, что нужно всю жизнь посвятить изучению Писаний, изучению Торы, молитве, буквальному исполнению малейшей заповеди Закона. И сегодня в государстве Израиль

[5] Лк. 18:9-14

проживает множество так называемых религиозных евреев. Они не служат в армии, не платят налогов, не ходят на работу. Они полностью обеспечиваются своей страной, потому что при воссоздании в 1940-х годах государства Израиль было решено: пусть эти люди молятся, а все остальные— работают, воюют, служат. Не знаю, как они там молятся, но они многочисленны, они составляют костяк всего сегодняшнего Израиля, эти фарисеи.

Я вам должен сказать — не в похвалу фарисеям, а в упрёк себе и нам, что мы бы и дня не смогли пожить по-фарисейски. Их жизнь состоит из дотошного исполнения всяческих предписаний: того не ешь, там не сядь, туда не смотри, сюда не ходи. Нам это было бы не под силу. Господь Милосердный пришёл в мир и освободил нас от этого ярма, от этой тщеты, от этого несметного числа мелких заповедей, которые фарисеи день за днём буквально изучают. Христос говорил, что они процеживают комара, а верблюда проглатывают. Имеется в виду обычай: когда фарисеи пили воду, они переливали её из одного сосуда в другой через марлю, дабы какая-нибудь мошка не попала туда, чтобы не оскверниться. Процеживая мух, занимаясь мелочами, они глотали верблюдов, то есть не замечали самого главного. Помните, в басне Крылова: «Слона-то я и не заметил».

Итак, когда два человека вошли в церковь помолиться, то вошёл лучший и худший. Вошёл человек, любящий Бога и Закон, то есть фарисей, и вошёл предатель, сборщик податей, мытарь. Мытари обирали своих братьев в пользу казны языческого царя и при этом обогащались сами. Это были презираемые, ненавидимые всеми люди. При оккупации любой страны, Франции, Украины или России, народ больше всего ненавидел «своих» же полицаев, предателей, доносчиков, коллаборационистов — тех, кто принимал новую власть и делал всё, что она прикажет. А потом, после освобождения, они вроде бы опять становились гражданами своей страны. Это самые неприятные люди, готовые служить кому угодно ради собственного спокойствия. Вот такими были мытари.

Словом, в храм вошли лучший и худший. И вот на наших глазах случается переворот. Евангелие учит нас тому, что первые будут последними, а последние первыми. Так случилось и здесь: лучший оказался не лучшим. Он подошёл близко к святилищу, как некоторые такие богомольцы, которые любят Богу глазки строить, пристраиваются к самому иконостасу. Я таких встречал. На Западной Украине, когда у православных стали отбирать храмы, первыми в драки со своими же, с православными, полезли почему-то именно те, кто ближе всех стоял к алтарю. Любой священник вам скажет: ходил человек на каждую службу, молился, а потом, когда началось— «ты кто? греко-католик или православный? москаль или не москаль?» — эти, стоявшие ближе всех, почему-то первыми переметнулись.

Фарисей подошёл близко к святилищу и стал, братья и сёстры, говорить «безумные глаголы». «Боже, хвалу Тебе воздаю!» — и начал хвалить Бога за то, что он не такой, как прочие человеки: неправедники, хищники, прелюбодеи... Собрал всех в кучу, в сноп связал всё человечество и поблагодарил Бога, что он не такой, как они и как вот этот мытарь. Его острое око нашло себе предмет для осуждения даже в храме. Очевидно, мытари имели внешние знаки отличия в одежде, так же, кстати, как и фарисеи. Одеждой они сильно отличаются от прочих людей до сегодняшнего дня. Религиозная жизнь вообще предполагает религиозную одежду. Не в любом одеянии можно входить в церковь, вы это знаете. И мытарь тоже, наверное, имел то ли сумку при поясе, то ли табличку какую-то на себе, то ли ещё какой-то знак на одежде — он был узнаваемым человеком. И фарисей его тут же причислил к этому «прочему» грешному человечеству. Тот же стоял в глубине храма и молился Богу, говоря: «Боже, милостив буди мне, грешному!»

Должен сказать, братия и сёстры, что Церковь имеет в своей сокровищнице много молитв. Одни из них длинные, другие короткие. Мы из Писания знаем, как краткими молитвами спасались люди. Краткой молитвой спасся тонувший Пётр: «Господи, спаси меня, погибаю!» Краткой молитвой спасся разбойник на Кресте: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоём». Спасительна и эта краткая

молитва: «Боже, милостив буди мне, грешному». Когда человеку хорошо и он благодушен, сыт, здоров, у него есть время — можно сесть, лечь (некоторые ложатся, если болеют), встать на коленки перед иконами, зажечь лампадки, открыть Псалтирь, акафистник, канонник и долго, длинно помолиться Богу. Но когда у человека болит душа, когда он на операционном столе или в опасной ситуации за рулём, или в кабинете начальника, как мышка перед кошкой, или поссорился с любимым человеком — тут уже не до длинных молитвословий, тут нужен просто вопль к Богу, краткий и сильный вопль к Богу. Когда весь человек сжимается в один крик и буквально кричит Богу что-нибудь очень важное. Спаси меня, погибаю! Милостив буди мне, грешному! Помяни меня во Царствии Твоём! Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго!

Вот так молился этот мытарь. Его ум был собран. Заметьте, что фарисей много говорит, длинно говорит. По сути, весь евангельский текст построен на молитве фарисея, на его «благодарности», а мытарь говорит мало. Он очень собран, сжат, потому что он в покаянии, а покаянная душа долго молиться не может. Она буквально стрелы в небо пускает из самой глубины сердца. И эта притча утешительна для всех нас, братья и сёстры, потому что мытарь, при всей безмерности греховной, оправдался паче фарисея и ушёл в дом свой без грехов, облегчив душу.

Христос говорил: *дом Мой домом молитвы наречется* (Мф. 21, 13). Мы приходим в храм, чтобы учиться молитве. Причём, заметьте себе, кто рассказал эту притчу? Тот, Кому мы молимся. Христос и есть Тот, Кто принимает человеческие молитвы. Он не просто думал и размышлял о том, как молился тот да как молился другой. Господь знает сердца молящихся. И Он, Христос, принимает смиренную молитву мытаря, и Ему, Христу, противна безумная слепота фарисея, который хвалится тем, чего не имеет. Такой человек похож на голого короля. Потрясающая сказка Андерсена рассказывает нам, как короля обманули, и он голый ходил по улицам во время праздничного парада. Люди, конечно, сдерживали свой смех, но все понимали безумство этой ситуации, а он думал, что красиво одет. Человек может быть таким голым королём и при этом ещё и хвалиться: «Боже, хвалу Тебе воздаю, что у меня всё получается, что я — хороший, что всё разрулилось, что я всё смог».

Четвёртая глава книги пророка Даниила повествует нам о том, что случилось с одним из самых могущественных властителей этого мира. Царь Навуходоносор был творец и строитель Вавилона, устроитель садов Семирамиды, владыка огромной империи, человек чрезвычайных организационных талантов, воин огромной храбрости и ума. Его великая империя когда-то существовала на месте сегодняшнего Ирака. Однажды Навуходоносор прогуливался по своим царским чертогам, и его сердце вдруг возгордилось, и он сказал: «Вся эта империя, весь этот город — это я построил, завоевал, сделал». И был ему голос неба: «Царь Навуходоносор, три года ты будешь есть, как вол, солому, для того чтобы ты познал Бога Вышнего. Не ты, а Господь главный в мире». И царь упал на колени, и волосы на нём выросли, как на животном, и он не мог разговаривать по-человечески, пил воду, как скот, и ел солому, пока не прошло три года. Эта история зафиксирована не только в Библии, но и в других источниках, собственно вавилонских. Потом, после трёх лет, к царю вернулся разум, он пришёл в сознание, его остригли и обрили, умыли и привели в порядок. И он прославил Бога Вышнего, свидетельствовал, что есть Владыка неба и земли, Он — Царь, а мы всего лишь рабы Его. Поэтому человеку нужно знать, что и над ним есть Владыка и Хозяин.

От чего человек бывает плох? — задаёт вопрос преподобный Амвросий Оптинский. И отвечает: оттого, что забывает человек, что над ним есть Бог. Когда хорошо человеку, летит он по жизни, как майский жук, и жужжит: «Все мои леса, все мои поля». Чуть только плохо ему, солнышко спряталось, ветер холодный дохнул, — жук сел на листик и пищит листику: «Не спихни меня, не прогоняй меня, согрей меня, покрой меня». Таковы все мы, люди. Поэтому Христос, Который принимает молитвы молящихся, нам сегодня объясняет, какую молитву Он любит, что же Ему приятно.

Мы не должны хвалиться ничем и никогда. Мы не должны помнить своих добрых дел. Великое достояние — это склероз на добрые дела, которые ты сделал собственными руками. Мало ли что ты сделал? Помните, в сказках часто изображается, как золото превращается в глиняные черепки. Вроде было — а уже и нет, перегноем стало. Вот так бывает и в жизни. Доброе дело, бывает, изменяет вид свой и превращается в нечисть, потому что ты похвалился им, запомнил его, другим рассказал. Свои добрые дела нужно забывать. Но нужно иметь острую память на чужое добро, чтобы быть благодарным человеку, который тебя лечил, защищал, учил или помогал. Ты пришёл, когда тебе было плохо, ты был в унынии, в тоске, в одиночестве — а он поддержал, утешил, помолился, утёр твою слезу. Здесь уже следует иметь острую память.

Вступая в Великий пост, мы должны поститься «постом приятным, благоугодным Господеви». Мы должны умилостивлять Бога добрыми делами, примириться с ближними, стать твёрдо на фундамент покаяния и смирения. Нужно иметь в своём сознании святейшую мысль: «Добрых дел у меня нет. Я с сегодняшнего дня опять начинаю свою христианскую жизнь. А то, что было раньше, — это пытаюсь забыть, потому что всё было неправильно». Наш молитвослов полон молитв, которые эту мысль постоянно повторяют. Сегодня начинаю, сегодня благослови. «Аще и ничтоже сотворих благое пред Тобою, даждь ми по благодати Твоей положити начало благое». Умиравшие великие отцы говорили, что не знают, начали ли они спасаться.

Святой Герман Аляскинский говорил алеутам, которым проповедовал на их языке: «Давайте сегодня, с этого дня, с этого часа, вот с этой минуты полюбим Господа Иисуса Христа, начнём творить угодное Ему». А Ему, Христу, угодно, чтобы мы не хвалились, никого не осуждали, не замечали, по возможности, чужих грехов, а если и заметили что, то забыли, не акцентируя своё внимание. Потому что люди делятся на две категории: мытарь — и фарисей, Каин — и Авель, сын лживый — и сын добрый.

Как говорил старец Паисий Святогорец, одни люди похожи на мух, другие — на пчёл. Муха, даже если залетит в кондитерскую лавку, и там себе грязь найдёт. А пчёлка, даже если над мусорной кучей будет летать, найдёт себе огрызок рахатлукума. Добрая душа, где бы она ни была, доброе найдёт, доброму порадуется. А грешная, зловонная душа, настроенная на поиск чужих грехов, хоть в рай её пусти — а ей что-нибудь да не понравится. Скажет: «Вот Пётр отрёкся, а он в раю, понимаешь. А Павел вообще гнал христиан». Всё ей будет плохо.

Надо быть пчёлкой. Надо совместить добрые фарисейские дела (потому что дела-то у фарисея были: и пост, и десятина, и милостыня) с добрым мытаревым исповеданием, покаянием и сердечными к Богу молитвами. Вот наш труд, дорогие братья и сёстры. Мы трудимся, как ослики, навьюченные этим багажом Божественной мудрости, мы идём в Царство Небесное. Ещё немножко, немножко — и мы перед Христом станем. Кто-то, может быть, уже завтра перед Богом станет. Знаете, когда Великий пост начнётся, мы будем петь пасхальные стихиры: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его». Почему? Потому что некоторые из нас до Пасхи не доживут. В пост войдут, а до Пасхи могут не дожить. Поэтому вступающий в пост уже заранее поёт пасхальные песнопения. Мы будущего-то не знаем, кто сколько проживёт. Мы движемся все к одной и той же цели. Молодые, старые, с двумя дипломами и без дипломов, богатые и бедные, красивые и не очень, семейные и одинокие, родители и бездетные — все движемся в одну и ту же сторону. И Церковь нам открывает, как туда идти. Не хвались, не суди, имей веру, кайся — и выйдешь из дома Божия оправданным.

Вот мы зашли в дом Божий помолиться и сейчас выйдем из него и скажем Господу: «Господи, милостив буди мне, грешному». Тогда, по слову сегодняшней Христовой притчи, уйдём отсюда оправданными.

Помоги вам всем Боже.

Притча о богаче и Лазаре[6]

Мы читали сегодня притчу о богаче и Лазаре. Это роскошная богословская трапеза, и я себя чувствую, честно говоря, человеком, который голоден и приглашён на трапезу, на праздник. Передо мною накрытый стол, на нём столько всего — не знаю, за что браться, с какого блюда начать. Так и мы не сможем до конца съесть предложенную еду, то есть разобрать сегодняшнюю притчу — настолько она глубока и обширна. Но говорить об этом мы будем.

Это шестнадцатая глава Евангелия от Луки. Христос говорит нам в этой притче о зависимости будущей жизни от нынешней, о воскресении мёртвых, о нравственном воздаянии, о любви людей друг к другу. Я вкратце повторю вам эту притчу, а потом мы о ней побеседуем.

Итак, был некий богатый человек, который веселился каждый день и одевался в роскошные одежды, в порфиру и виссон. Виссон — тончайшая ткань, а порфира — это дорогая, более тяжёлая, более плотная ткань, которую носят в холодное время. Это не простая ткань, она напоминает о царском достоинстве. И в Библии порфира намекает на присутствие царя или человека, который хочет быть на царя похожим. О вавилонской блуднице сказано, что она одета в порфиру. Жить так, как царь, по комфорту и достатку, но не нести на себе груз забот, обязанностей царя — это ли не счастье? Одетый в порфиру и веселящийся ежедневно, богач почти что царь и даже лучше, чем царь. Пусть это царь самовольный, но он пользуется из царской жизни лишь приятным, а самое сложное в жизни царя — далеко от него.

Богач всегда веселился, роскошествовал, а под воротами его дома лежал некто по имени Лазарь. Он хотел напитаться хотя бы крошками, которые падали со стола богача, но ему и этого не давали. Псы, говорит Евангелие, подходили к нему, облизывали его гноящиеся раны, струпья — так что он, не имея пищи для себя, сам был пищей для собак. И вот пришлось и тому, и другому умереть. Как неизбежно случается в этой жизни, смерть разлучает нас с этим миром.

Писание говорит, что умер нищий, и понесли его Ангелы на лоно Авраамово, то есть душа его была восхищена в место покоя. Потом умер и богатый, о нём говорится кратко и страшно: «и похоронили его». Конечно, за этими словами скрываются пышные похороны, накрытые столы, множество нанятых плакальщиков, множество пришедших людей, знавших богатого при жизни, которые с ним же и веселились. Но всё это для Писания маловажно.

Дальше притча говорит нам о том, что случилось в мире загробном, который ждёт нас всех, братья и сёстры. Если атеизм выводит человека из царства животных и приводит к лопуху, вырастающему на могиле; если многобожие кружит голову баснями о перерождениях, то Библия приоткрывает завесу над загробной истиной. А там с бывшими жителями земли случилась страшная перемена: богатый оказался в аду, в муках, и видел всё происходившее выше, то есть в местах покоя. А там был Авраам, и возле него те, кто спасён, в частности, был там и Лазарь. Он был близок к Аврааму, возлежал на лоне Авраамовом, как Иоанн Богослов был на Тайной вечере близок ко Христу, возлежа на персях Его. И вот богач, находясь в аду, вспоминает

Лазаря, узнаёт его. Это очень важно — в аду все друг друга узнают, и в раю все друг друга узнают. Когда мы переступим порог этой и той жизни, мы узнаем всех сродников, которых никогда в жизни не видали: отцов, дедов, прадедов, всех предков, чьих имён даже, может быть, не знаем. Потому что сейчас человек может родиться в Иркутске, прожить всю жизнь в Торонто, а умереть, например, в Архангельске. Сегодня мы не знаем многих своих родных, на могилу пойти некуда, потому что могилы в одном месте, а живёшь в другом. Однако в будущей жизни мы всех увидим и всех узнаем, об этом говорит Евангелие. Мы узнаем в лицо и Платона, и Аристотеля, и Ньютона, и Наполеона. И все

---

[6] Лк. 16:19-31

будут видны, как на ладони. Тогда все будут равны, по-настоящему равны. Сегодняшняя идея демократии о том, что все якобы равны, в этой жизни не оправдывается — все мы разные. У нас разное происхождение, разное образование, разные таланты и пороки, разный груз наследственности. Мы живём совсем по-разному, между нами нет равенства. Только после смерти, в будущей жизни, будет нелицеприятное, истинное равенство людей перед Богом в свете нравственного закона.

Богач без ошибки узнал бедняка и назвал его по имени: Лазарь. При жизни он его не узнавал, вернее, знать не хотел. Он проходил мимо него, а Лазаря облизывали собаки. А тут он, находясь в аду, видит Лазаря и говорит: «Отче Аврааме, пошли раба твоего Лазаря, чтобы он омочил свой перст в воде и прохладил мне язык, потому что я жестоко страдаю». На что Авраам ему отвечает: «Чадо, вспомни, ты принял много благ при жизни, а Лазарь принял много страданий. Теперь он здесь утешается, а ты там страдаешь». Получается, что будущая жизнь — как бы изнанка жизни теперешней. Утешения в здешней жизни грозят нам лишением утешений в жизни будущей. Терпеливое страдание в этой жизни обещает нам будущий покой. Именно терпеливое, потому что человек, который страдает, но завидует, страдает, но ропщет, страдает, но при удобном случае поджигает усадьбу хозяина, — такой человек, конечно, не Лазарь. Он и в будущей жизни покоя себе не найдёт. Мы однажды разбирали эту притчу в школе, с детьми. Я спрашиваю: дети, а если бы богач был добр, если бы он на руках этого нищего вносил к себе в дом, кормил бы его от своего стола, раз в неделю приказывал бы его помыть, давал бы ему новую одежду, как вы думаете, был бы богач в аду? Дети говорят: нет, — и дети правы. А если бы богач был таким, какой он есть, а Лазарь не был бы добрым и кротким, но сердце его вечно было бы полно хулы, зависти и жадности, если б он говорил слова вроде «будь ты проклят», «почему ты такой богатый, а я такой бедный?», «куда Бог смотрит?»... А если бы Лазарь был такой, был бы он в раю? Никогда в жизни.

На земле миллионы таких бедных. Не дай Бог им получить богатство, не дай Бог им получить власть— они ужаснут нас своими злодеяниями. Вот из этих бедных умелые политтехнологи, умелые злодеи-революционеры составляют горючую смесь для национал-социального взрыва. Бедный тогда благословен, когда терпелив, когда не завистлив, когда не жаден, когда всецело доверяется Господу. Таких бедных очень мало. И Лазарь хвалится не за бедность, Лазарь хвалится за терпение, за смиренное отношение к бедности. За то, что он был кроток, терпелив и положил надежду на Бога. И Бог не обманул его, и он по смерти отнесён на лоно Авраамово.

Притча была бы иной, если бы богач был добр, а Лазарь зол, или оба злы (оба были бы в аду), или оба добры (оба были бы в раю). Здесь нет твёрдой, бетонной закономерности — раз ты богатый, значит, ты злой; раз ты бедный, значит, ты хороший. Большая ошибка коммунистической идеологии заключалась в том, что всех бедных считали хорошими, а всех богатых — плохими. К чему приводят ошибки в идеологии, ошибки в мировоззрении, ошибки в богословии, ошибки в теории, мы видим на примере коммунистов. Ошибись в теории — и прольются реки крови. А мы, братья и сёстры, хвалим сегодня Лазаря не за бедность и упрекаем богатого не за богатство. Мы хвалим одного и упрекаем другого за правильное и неправильное употребление тех средств ко спасению, которые у них были. Богатый мог бы многих облагодетельствовать, но не сделал этого, а задача Лазаря была — дотерпеть до конца, и он это сделал. Большим утешением для человека в беде является мысль, что всё это закончится. Какая бы беда ни случилась, человек может сказать себе: это пройдёт,— и будет прав. Как, например, вытирая слёзы, служащий нового призыва моет туалет и говорит себе: дембель неизбежен. Терпеть нужно. Пётр и Иуда Христа предали почти одинаково, только один за деньги, а другой из страха. Но Иуда же деньги вернул, бросил под ноги архиереев, сказал: «Я предал кровь неповинную». То есть он вслух признал, что повинен в гибели неповинного человеческого существа. Однако Иуда не дотерпел до конца — мучимый совестью, он полез в петлю, не дотерпев до Воскресения. Если бы Иуда дождался Воскресения, кто знает, может быть, Господь призвал бы его так же, как Петра. Пётр предал из страха, но он дотерпел, и потом Ангел говорит мироносицам: *Скажите ученикам Его и Петру, что Он*

предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам (Мк. 16, 7). Пётр был в особенности отмечен, потому что он выше всех стоял и больше всех согрешил. Мы должны терпеть. Бывает даже, что нужно потерпеть себя самого. Вот Лазарь себя потерпел, за это и вошёл в небесный покой.

Мы знаем, что по ту сторону смерти утвердилась пропасть между праведниками и грешниками, и нельзя пройти сквозь эту пропасть. *Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят* (Лк. 16, 26), — так говорит Авраам. Однако же интересно, что богатый, при всём своём неправедном

облике, имеет любовь. Я думаю, что богатство задавило его. Есть люди, которые могут обладать богатством и, имея его, живут правильно. А есть люди, у которых душевные силы ничтожны, которые раздавлены богатством. Они не могут быть хозяевами богатства, а становятся его рабами. При этом эти люди могут быть добрыми, умными, чуткими, талантливыми — хорошими, в целом, людьми, но богатство владеет ими, а не они им. Мне кажется, что богач из притчи был таким. Почему я так говорю? Потому что у него не всё было испепелено в душе. Даже в аду он переживал о своей семье и братьях. Он говорит Аврааму: «У меня есть пять братьев на земле. Пусть Лазарь пойдёт на землю, явится им, скажет им, чтобы они по-другому жили, а не так, как я, чтобы они не пришли в это место мучения». Значит, он переживал о братьях даже из ада. Когда вам больно, когда вы лежите на операционном столе, или, допустим, у вас просто зуб заноет или ещё что-нибудь случится — много ли вы думаете о других в это время? Обычно человек поглощён своей бедой, своей болью, своей скорбью без остатка. Он весь в своей боли, своей скорби и считает, что весь мир ему должен, все должны

его жалеть, все должны на него смотреть, охать и помогать. О других он не думает. Потому что человек в своём падшем состоянии — это стандартный эгоист. Быть в аду и думать о своих сродниках, братья и сёстры, — это уже немало, это большая похвала человеку, на самом деле.

Однако ад есть ад, и богач — в аду. Это означает, что и хорошие люди попадают в ад. Это означает, что и хорошие люди не умеют до конца правильно распорядиться своими талантами, силами, способностями, богатством. Богача задавило богатство. Пиршество за пиршеством, друзья, какие-то денежные дела, хлопоты о наследстве и так далее. И он, наверное, мог бы в конце концов приобрести Царство Небесное вместо царства земного, но не поспешил, не потрудился, не успел. Он переживает о братьях, это на самом деле очень трогательно. И Авраам ему отвечает: «Нет, чадо, у них есть Моисей и пророки, у них есть Писание, пусть их слушают». Богач возражает: «Да, есть у них Писание, но если бы кто-то из мёртвых к ним пришёл, то они бы поверили скорей». На что Авраам произносит великие слова: «Если они не верят Моисею и пророкам, то и если мертвец воскреснет — не поверят».

Братья и сёстры, неверие имеет такую всепоглощающую силу, что оно отрицает и очевидные вещи, совершающиеся на наших глазах. Доказательством этого является евангельская история. Христос прежде Своего страдания и Воскресения, за 6 дней до Пасхи, воскресил своего друга Лазаря, лежавшего во гробе 4 дня, уже смердевшего смертным тленом. Господь поднял его из гроба, и одни прославили Его как Мессию, а другие затаили ещё большую злобу и решились убить Его, а вместе с Ним и Лазаря, потому что Лазарь был живым подтверждением власти Иисуса Христа над смертью, живой проповедью. Законники и книжники не просто услышали, что Лазарь умер, а потом ожил — нет, они сами видели, они уже слышали запах тлена, из гроба доносящийся! Вот вам, братья и сёстры, доказательство слов *если бы кто и из мёртвых воскрес, не поверят* (Лк. 16, 31). Если не верует человек Писанию, то и мертвецу воскресшему не поверит. До сегодняшнего дня есть множество людей, не верующих в будущую жизнь, Христа не любящих, не славящих, не поклоняющихся Ему. Что, чудес мало? Им нужно, чтоб мёртвые поднялись? Не поверят вовеки. Потому что сердце человеческое — это самая твёрдая крепость. И необходимо назидать себя не чудесами, а сердечным исповеданием, внутренним усилием навстречу Богу, покаянием — всем тем, что внутри, а не снаружи. Кто увидал чудо и поверил, того вера некрепка. Кто имеет в сердце покаяние, кто любит ближних, кто напрягает волю для исполнения заповедей — у того вера не отнимется вовеки. А кто ради чудес верует — я не дорого дам за эту веру, сперва посмотрю за ней, понаблюдаю. И боюсь, что если будет другое чудо, в другой стране и другой религии, этот верующий, может быть, и в то чудо поверит, и вера быстро поменяется.

Поэтому в чудеса не надо верить, вернее, не нужно их искать, не нужно жадно стремиться — а где что произошло, я пойду, узнаю, приложусь, облобызаю...

Внутри у нас есть всё, что необходимо для веры, только нужно это раскопать. Господь говорит: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Нужно верить глубиной существа своего, о чём говорит главнейшая, начальственная заповедь: *Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими* (Втор, б, 5). Такая вера не требует чудес. Для такой веры весь мир — чудо. И то, что весна наступит, — это будет чудо; и то, что первый снег упадёт и земля покроется белым покровом, будет чудо; и то, что малыш играет на детской площадке и лепечет, — тоже чудо. Мы живём в чудесах, как рыба в воде. Человек, который желает ещё чудесных чудес — у него нет веры. У него есть развратное сердце, о котором Господь сказал: *Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему* (Мф.12,39).

Поэтому, дорогие христиане, и говорил Авраам богачу, находящемуся в аду: У *них есть Моисей и пророки; пусть слушают их* (Лк.1б, 29). А у нас есть Моисей и пророки?

Конечно. У нас есть не только они, у нас есть Сам Христос. Мы имеем и Ветхий Завет, и Новый Завет. Здесь говорится о том, что даже имея Ветхий Завет, можно иметь веру в будущее воскресение, веру в будущую жизнь, иметь здравый образ мыслей и, соответственно, здравый образ жизни. Потому что образ мыслей и образ жизни связаны между собой прочнейшей цепью. А мы имеем больше. Кроме Моисея, у нас есть Христос Спаситель, есть апостолы и Богоматерь. Мы имеем гораздо больше, чем имели иудеи. Поэтому нам не нужно чудес. И мы можем, владея этим компасом, направлять своё плавание по житейскому морю, стремясь к этому тихому пристанищу, к этой тихой бухте радости — Царствию Небесному, где мы должны сойти на берег и возвеселиться.

Так что, братья и сёстры, эта притча, пожалуй, — одна из самых глубоких. Вначале я сказал, что чувствую себя перед ней как голодный человек за накрытым столом, потому что святой Иоанн Златоуст произнёс четыре слова на притчу о богаче и Лазаре, четыре пространнейших слова. Он дотошно исследовал каждый оборот речи, считая, что здесь каждое слово ладно, красиво и многозначительно.

Например, он уверен: очень важно то, что Лазарь называется по имени, а богач имени не имеет.

Иметь имя — это очень важно в библейской традиции. Как говорится в псалмах, *Он исчисляет количество звёзд; всех их называет именами их* (Пс. 146,4). И в Евангелии говорится, что пастырь своих овец зовёт по имени. Для животновода или какого-нибудь чиновника в кабинете скот исчисляется поголовьем — столько-то голов рогатой скотины, столько-то голов парнокопытных. А для настоящего пастыря, для хозяина каждая овечка имеет имя, и корова, и собака, и кошка, и петушок. Для Господа нашего нет безымянных тварей, Господь нас всех зовёт по имени. А если кто-нибудь имени не имеет, значит, он не имеет ценности в глазах Господа, значит, он почти что и не существует. Лазарь, гнойный бедняк, имел имя, а богач имени не имел. Значит, можно думать, что многие, о которых сейчас пишут в газетах, многие, чьи имена у всех на устах, перед Богом не имеют имён. Господь как будто забыл о них. Они доживут своё, а потом канут в бездну и из ада будут молиться о своих братьях. А некоторые гнойные люди, паршивые и дурно пахнущие, перед Богом имеют имя, что очень важно, братья и сёстры. Ведь иметь имя в Божьих устах означает не просто жить, а жить вечно.

В притче о богаче и Лазаре каждое слово, подобно лепесточку в роскошном букете, по-своему пахнет. Эта притча очень глубока. Это 16-я глава Евангелия от Луки...

Мы с вами рано или поздно вступим в ту область, в которой всё откроется.

Всё внезапно озарится,

Что казалося темно.

Встрепенётся, пробудится Совесть, спавшая давно.

И тогда она укажет На земное бытие —

Что он скажет,

Что он скажет В оправдание своё?

Это стихи поэта Апухтина. Мы вступим в эту область рано или поздно, и всё узнаем, всё поймем, отпадут все вопросы, недоумения. Зачем мы приходим в храм? Чтобы узнать об этом заранее. Чтобы смерть нас не вырвала из жизни, как хозяин огорода вырывает редиску из грядки. Чтобы мы уходили в ту жизнь сознательно и спокойно, с верой и надеждой, с крестным знамением, с всепрощением и с молитвой. Потому что нас ждёт великая, роскошная, нескончаемая будущая реальность, которая уже существует, но мы пока к ней не готовы. Если бы мы были к ней готовы, мы бы в неё уже вошли. Но мы пока живём здесь и благодарим Бога, и радуемся Божьим дарам, которые нам здесь отмеряны. Свежему воздуху, падающему и кружащемуся в воздухе листу, хлебу на столе — всему мы радуемся, потому что это всё Божьи дары. Но нужно к будущей жизни готовиться, братья и сёстры, нужно, чтоб мы были не там, где богач, а там, где Лазарь. Богат ли ты, беден — это неважно. Важно, чтобы ты жил по вере и по сердцу и использовал своё состояние как некий билет в Царство Небесное. Если тебе плохо — терпи, если ты беден — не завидуй, если богат— благотвори, если талантлив — служи талантами своими тем, кто этих талантов лишён. То есть используй то, что Господь тебе дал, чтобы войти в вечную радость, в радость Господа твоего.

Притча о блудном, сыне[7]

Сегодняшняя неделя называется неделей о блудном сыне, и сегодня читается соответствующая притча из Евангелия.

У некого человека было двое сыновей, и младший из них попросил отца выделить ему достойную часть имения. Отец отделил ту часть будущего наследства, которую сыну надлежало получить после его смерти, поскольку в права владения имением человек вступает только по смерти завещателя...

В этой притче в человеке, имеющем сыновей, владеющем землей, мы узнаём Бога. Господь — Существо бессмертное, блаженное и вечное, но мы знаем, что для человека Бог может умереть. Один из философов новейшего времени оставил фразу, ставшую классической: «Бог умер». Не то чтобы Бог умер по-настоящему — Он умер в сознании многих людей, и люди живут так, будто Его нет. Да и мы с вами, братья и сестры, часто живем так, будто нет Бога, и вспоминаем о нем, когда приходит беда. Пребывать в присутствии Божьем, жить в Боге и знать ежесекундно, что Бог жив и всегда зрит на тебя — это великий труд, на который способны далеко не многие. Это исполнил праотец Авраам, которому Господь Бог сказал: *ходи предо Мною и будь непорочен* (Быт. 17, 1). И он ходил пред Богом всю жизнь, не исполняя каких-то особых религиозных ритуалов, но вместе с тем находился в присутствии Божием, его сознание было включено в присутствие Божие, и он помнил о Создателе своем всегда. Если человек не помнит всегда о Создателе, то бывают периоды, когда Бог как бы умирает для человека, Бога как будто нет. И грешит человек, когда ему кажется, что Бог не видит, и сам скрывается «в кусты» различных житейских обстоятельств, прячется от Всевидящего Ока.

Нечто подобное произошло и с младшим сыном, который решил получить то, что ему вроде бы положено, — родительское имение. Другими словами, захотел, чтобы отец быстрее умер. «Дай мне сегодня то, что я получу, когда тебя не будет». В ответ на эту поспешную просьбу отец выделяет сыну некую часть, и сын берет ее и уходит из родительского дома.

Вы можете представить себе из жизни, как быстро проедается и расточается то, что не ты собрал. Человек тратит чужое без всякой меры и без всякого сожаления. То, что деньги — это пот, превратившийся в бумагу, помнит только тот, кто этот пот проливал. Бумажные ли, металлические, они — усилия людских рук, некий материализованный пот человека трудившегося либо умственные усилия, ставшие денежными знаками. Это большая тайна. Тот, кто не раз сорвал кровавую мозоль на руке, у кого голова кругом идет от множества обязанностей, тот знает, что деньги даются человеку непросто. Но многие этого не ведают, и, кстати говоря, это одна из тех бед, которые точат, как ржавчина, наше общество. Многие родители костьми ложатся, чтобы дети имели все, но дети вырастают подобными демонам. Демоны ничего не создавали, им ничего не жаль. Ничего не ценить — это признак демонической природы. И некоторые люди, получившие в наследство большие суммы денег, дома, квартиры, машины, акции, недвижимость и прочее, имеют все шансы за несколько лет роскошной жизни превратиться в полубесов-полулюдей, развратиться, испортиться, облениться, расточить, в конце концов, бездарно все то, что долго собиралось родителями.

Главной целью родителей должен быть не диплом, купленный за деньги, и не жилье, и не авто для сына или дочери, а правильное воспитание. Сколько б ты ни дал неправильно воспитанному человеку — все пройдет сквозь него, как вода сквозь пальцы, и прахом обратится, и без толку будет. Поэтому, братья и сестры, правильное воспитание, привитое трудолюбие, хорошая профессия, чтобы человек кормил себя и тех, кто возле него, — это настоящий подарок своему ребенку. Остальное все сомнительно.

---

[7] Лк. 15:11-32

И младший сын расточил все, что унес из отеческого дома. Он ушел в далекую страну, чтобы там веселиться, как конь на лугу, думая, что так будет вечно, что он всегда будет молод, здоров, силен, вокруг будут друзья, на небе солнце, на столе хлеб... Так думал, наверное, каждый из нас в некоторые периоды своей жизни, и в младшем сыне мы узнаем себя, ушедших от Небесного Отца «на страну далече».

И вот наступило время, когда этот расточающий не им собранное человек начал скорбеть. Так будет и с нами. Когда постепенно убывают телесные и духовные силы, ухудшается память, умирают друзья, старые знакомые, меняется жизнь — все растрачивается, ничего не накапливается — ты подходишь к такому рубежу, осознавая себя бедным, нищим, никому не нужным. Человек без Бога оказывается просто фантиком, выброшенным на обочину дороги. Кому нужен фантик без конфеты? Таков человек, когда он не с Богом, когда он Богом не полон. В такие моменты тот, в котором есть вера, говорит себе слова, подобные словам блудного сына: «Много наемников у отца моего в избытке едят хлеб, а я гибну от голода. Пойду к отцу моему и скажу ему: "Я не достоин называться твоим сыном. Возьми меня к себе как одного из твоих работников, которые на полях копают землю, в доме подметают пол, на стройке носят кирпичи и мешают раствор. Я буду как один из тех, кого ты нанял, которые тебе чужие, но которых ты кормишь. Потому что я погибаю от голода"». Так говорит человек, и если он имеет веру, он возвращается к дому. Если же он веры не имеет, если сердце совсем обнищало, человек впадает в отчаянье. Тогда он уже и жить не хочет — так до конца и будет пасти свиней, питаясь сырыми рожками, будет трудиться в позорном рабстве у гражданина чужой страны, о котором говорит Евангелие. Этот странный персонаж нанял героя притчи на работу, чтобы тот пас его свиней. Но даже того, чем питались свиньи, приставленному к ним пастуху не доставалось. Мы видим в хозяине свиней, этом темном персонаже, беса: он приставляет человека к свиньям и морит его голодом — это позорное рабство любому греху, зависимость от разных похотей, когда человек уже сам себе не хозяин. И вот, повторяю, если такой человек веры иметь не будет, то конец ему, братья и сестры. Конец ему там, среди свиней. Это страшно. Войны нет, а люди погибают ежесекундно — из-за голода ли, из-за чего другого, но погибают.

Итак, если вера есть, человек встает, и идет к Отцу, как герой притчи. И тут Евангелие представляет трогательную картину. Оказывается, отец не забыл своего сына. В те времена, во всех древних обществах отец выполнял не только функции родителя и распорядителя имущества. Зачастую отец был и священником — он приносил жертвы, когда семейство поднималось на молитву, он держал оружие в руках, когда семья воевала. Он был и военачальником, и священником, и судьей, и хозяином имущества, и отцом по плоти. И многие древние общества признавали право отца убить своего ребенка. Например, в римском обществе отец имел право продать в рабство любого своего ребенка и казнить сына или дочь, если они творили что-то неподобающее. Такое право в древности знали все народы. И хотя у евреев не было таких злодейских обычаев, они были связаны Законом Божьим, все-таки тогда отец мог больше, чем может в наши дни. Он мог не принять своего сына, и не был бы неправ.

Но евангельский отец ждет своего заблудившегося сына. Издалека выглядывает, как та мать из советских фильмов военной поры, смотрящая на дорогу. Война закончилась, не все вернулись — кто-то похоронку получил, а чьи-то сыновья вернулись, кто без ноги, кто без руки, кто как... Она не получила ни похоронки, ни сына, и каждый день выходит на дорогу и выглядывает его — как на работу ходит, стоит и ждет... Примерно в таких образах можно представить эту притчу. Отец ждет своего сына и, увидев его, идет к нему поспешно, даже бежит (славянское слово «тече», означает «быстро стремится»). Он обнимает, целует сына. И мы видим в этом отце Бога. Далеко не все отцы на земле похожи на отца из притчи, а вот Бог — именно такой Отец.

Христос пришел в мир и дал нам великое право Своего Отца называть нашим Отцом. И вы слышали на литургии, как священник говорит: «Сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати Тебе, Небесного Бога Отца, и глаголати: Отче наш...» Митрополит Антоний (Блум) сказал в одной из своих проповедей, чем дольше он живет, тем с большим трепетом читает молитву «Отче наш», и тем больше ответственности чувствует за эти слова, и тем больше чувствует свое недостоинство их произносить. Первая строчка быстро прочитывается, но сколько в ней ответственности!

Так вот, это наш Небесный Отец изображается в притче. Он ждет нас, блудных сыновей и дочерей, и мы возвращаемся обратно и находим милость, потому что милость Его неистощима. Он облачает вернувшегося ребенка в новою одежду, надевает на его ноги сапоги, на руку — перстень и повелевает заколоть теленка, чтобы все ели и веселились. В этих действиях тоже есть символический смысл. С тех пор как человек согрешил, древний змий ползает по земле и старается ужалить человека в пяту. Надеть сапоги означает быть защищенным от укусов змея. Новая одежда означает, что возвратившийся принят в достоинство сына, притом лучшего сына: мы помним, что пеструю цветную одежду носил любимый сын патриарха Иакова Иосиф. Такую одежду носили любимые сыновья и любимые дочери в древности. И сегодня одни дети донашивают за другими штаны и курточки, свитера и рубашечки, но любимые носят все новое. Блудному сыну дается новая одежда в знак того, что забыты его грехи, все ему прощено. Может быть, то белое одеяние, в котором мы принимаем Таинство крещения, которое символизируется крыжмой. Потом на руку сына надевается перстень, что тоже является символическим действом. Перстень— знак власти, знак древнего достоинства. И теленок упитанный, откормленный закалывается, чтобы все ели, пили и веселились. Святые отцы говорят, что это образ Евхаристии. Когда человеческая душа приходит обратно к Отцу, этот возврат человека к Богу обязательно должен завершиться пиром.

Притча о прощении долгов[8]

Сегодня мы читаем в Евангелии о молитве Господней. Давайте особо остановимся на таких словах молитвы: «Оставь нам долги наши, яко же мы оставляем должникам нашим».

Некоторые отцы называют молитву Господню сокращенным Евангелием. Она вмещает в себя очень многое. Там есть славословие Богу, там есть прошение о нуждах наших (в кратком выражении оно звучит как «хлеб наш насущный даждь нам днесь»), там есть просьба об избавлении от искушения и от лукавых козней. И еще там есть нечто касающееся общежития, касающееся отношений между людьми. А именно — «оставь нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим». Отношение наше к Богу и просьбы к Нему простить наши грехи неразрывно увязываются с нашим отношением к ближним. И оставление наших грехов в молитве «Отче наш» ставится в прямую зависимость оттого, насколько мы прощаем своих должников — всех тех, кто нам что-то должен или душевно, или морально, или материально.

Человеку даны два священных дара: помнить и забывать. Но не все нужно помнить, и не все нужно забывать. Если мы все забудем, мы будем больны. Мы забудем тогда и адрес дома, и номер телефона, и Символ веры. Тогда мы будем пациентами палаты в психиатрической больнице. Но если мы будем помнить любой разговор, любой косой взгляд, что где было, что где слышали,— наша голова расколется изнутри, как спелый арбуз, потому что мы не вместим всей ненужной информации, и также с ума сойдем. Нужно забывать и помнить. «Отче наш» нельзя забывать, а обиды нельзя помнить. Забывать нужно грехи, частности, различные неправды, которые сопутствуют человеческой жизни.

Перед тем, как произнести следующую притчу, Христос выслушал вопрос апостола Петра. Петр спросил Христа: *Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?* (Мф. 18,21). То есть Петр, со своей стороны, устанавливает высокую планку: можно ли семь раз прощать человеку, если он согрешает против меня одним и тем же грехом? Например, сосед соседу мусор сыплет под порог, или его куры к тебе забегают, или включает музыку после полуночи, так что никто не может спать, и тому подобное.

Простить семь раз— это уже много. Если вам семь раз подряд наступят на ногу и каждый раз скажут «простите», это будет выглядеть как издевательство. Когда мы слышим вопрос Петра, нам кажется, что семь — это уже предел. Господь отвечает ему: *Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз* (Мф. 18,22), то есть семьдесят раз по семь. Господь поднимает прощение в запредельные высоты, и прощение превращается во всепрощение. То есть, нужно быть готовым прощать без меры. Но, братья и сестры, для того, чтобы это делать, необходимо иметь внутри твердое основание. Потому что одно дело — слышать, знать и верить, а другое дело — иметь силы это исполнить. Человеку нужно на что-то опереться, иметь силовой ресурс, где-то набраться духовных сил для того, чтобы это все исполнить.

И вот для того, чтобы мы поняли, как возможно не обращать внимание на повторяющиеся из раза в раз грехи ближних, Христос рассказывает притчу. У некоего царя был должник— человек, бравший взаймы, пропустивший все сроки возврата долга и позванный к царю, чтобы долг отдать. Отдавать долг нечем, долг огромный: называется цифра в тысячу талантов, а это — миллионы долларов, если мерить в сегодняшних категориях. И вот этот человек слышит: отдавай свой долг завтра. Спаситель говорит, что за неуплату долга он должен быть продан в рабство вместе с женой и детьми. Этот человек падает на колени перед своим царем-заимодавцем и начинает просить его, говоря: «Подожди, потерпи, я все тебе отдам!» И трогает сердце заимодавца, который, размягченный

[8] Мф. 18:21-35

такой просьбой, таким униженным прошением, прощает весь его долг. Очевидно, он богат. В этом заимодавце мы узнаем Бога, Который не хочет требовать от нас чего-либо, потому что итак все принадлежит Ему.

Итак, у Него все есть, Ему ничего от нас не надо. Мы сами нужны Ему. И царь прощает должнику легко, потому что у него все есть. Ему не жалко этих денег, ему важно, чтобы человек начал исправляться, стал молиться, каяться. Он все это вымолил у Бога, все свои долги, которые были неоплатны. Здесь, братья и сестры, стоит остановиться, потому что, пробегая по тексту притчи, мы обычно спешим к его концу. Потому что в притче вся соль — в конце. Но, здесь, в середине притчи, есть важный момент: Бога можно умолить, вымолить у Него прощение всех грехов. Это чрезвычайно важная мысль. Все можно выпросить. Верит в Бога не тот, кто знает, что Бог может все — верит в Бога тот, кто знает, что он может у Бога выпросить все.

Можно выпросить у Господа самое главное — оставление грехов. Каждый раз, когда начинаешь чего-то просить у Господа, возвращаешься к мысли о том, что сначала нужно просить самое главное. А главное — это «прости мне мои грехи, помилуй меня и прости меня». Преподобный Силуан Афонский говорил, что много раз ему приходил в голову вопрос: как устроено солнце? И он хотел молиться Богу, чтобы Бог ответил — интересно было. А потом, когда начинал просить этого, язык сам замолкал, и душа не хотела молиться. Душа могла просить лишь о том, чтобы Господь простил грехи, она не хотела молиться о второстепенном. Даже если человек может своей молитвой поднять мертвого, повелевает болезням, и они отступают — что бы человек ни делал, при этом он всегда должен молиться о прощении своих грехов. И если он этого не делает, то молитва его — мерзость. О том же говорит Иоанн Лествичник: что бы человек ни делал, если он забывает говорить Господу «прости меня, помилуй меня, забудь мои грехи, не наказывай меня за мои беззакония», — то этот человек слепой. И на Страшном суде будут некоторые чудотворцы, которые скажут: «Господи! Не в Твое ли имя пророчествовали мы? Не твоим ли именем бесов изгоняли?» И Господь скажет: «Отойдите от Меня, Я не знаю вас, делающие беззакония». То есть чудеса — не доказательство. Пророчество— не факт. Факт— покаянное чувство и раскаянное сердце: *сердце сокрушенно и смиренно Бог неуничижит* (Пс. 50,19).

У Бога можно все вымолить. Тот же Силуан Афонский рассказывал, что в селе, где он жил, в глубинке России, был некий мужчина, который долго сидел на каторге за убийство. Тогда убийства по деревням совершались «по пьянке» — праздник, вечеринка, гармошка, самогон, девки, пляски, а под вечер — блуд и драки. Мужики здоровые такие, с раннего детства с топором в руках, с косой, с граблями, все здоровые, как быки. Руки сильные — раз такой рукой в голову попадешь — а человек, гляди, уж и не дышит. Вот тебе и тюрьма, и надолго. И вот один человек убил другого в драке и на каторгу сел; долго сидел, потом вернулся. И снова на всяких вечеринках на гармошке играет, веселится и песни поет. А Семен, будущий Силуан, говорил ему: «Слушай, брат, ты человека убил, как ты веселиться можешь?» А тот ему в ответ: «А я на каторге очень много Богу молился. Всю каторгу только и делал, что Богу молился. И Бог все грехи мои простил, и я чувствую, что совесть моя чиста. Простил меня Господь. Я теперь могу улыбаться, могу и на гармошке сыграть. Простил Бог грехи мои, понимаешь?»

Это очень важно. Если человек нагрешил, то это не значит, что он до конца жизни будет ходить скрюченный, как будто у него гиря на шее. Нет. Он может вымолить у Господа прощение всех своих грехов. Может! Но не делают этого люди, не молятся постоянно, усиленно, серьезно, сердечно, внимательно, с верой. Люди вообще не молятся, поэтому и гниют в грехах своих. А ведь молиться — это как было в книге Иисуса Навина: сказал солнцу «стой», и оно стоит. Идет война, и солнце не уходит, пока все враги не будут уничтожены. Сказал «солнце, иди» — и уходит солнце. Понимаете, вот это молитва! Молитва — великое дело.

В обсуждаемой нами притче говорится, что можно умолить своего Заимодавца — Царя, при Котором мы в долгах, как в шелках. У нас все неправильно, все плохо, все криво, все не исполнено, все не так — но можно, оказывается, сказать: «прости меня». И Он прощает: «ты Меня умолил».

И вот должник выходит из царской палаты и бежит вприпрыжку, потому что если вы когда-нибудь брали в долг, а потом отдавали деньги, то знаете, как легко жить без долгов. Контраст очевиден: было плохо, а стало хорошо. И вот тут случается следующее. Прощенному человеку шел навстречу его личный должник, который должен был ему ничтожные копейки, как если бы хозяйка хозяйке яйцо одолжила, ложку уксуса или щепотку соли — что-то ничтожное, мелочь какую-то, медяки. Он только что получил прощение миллионов, а ему кто-то медяки должен. Он пристал к этому человеку и говорит: «Отдай мне то, что должен». И слышит в ответ: «Прости меня, потерпи еще немного». Те же самые слова, что он говорил только что царю-заимодавцу. Но он не захотел простить должника, взял его за горло, повалил наземь и стал душить — на правах заимодавца...

Не ищите справедливости в жизни, вы ее не найдете. Вся наша жизнь с тех пор, как мы согрешили, превратилась в малопонятную кашу. Понятно лишь одно — Христос жив, Христос воскрес и Христос будет судить нас. Он оставил нам Евангелие и благодать церковную — Таинства и богослужение. Остальное все — непонятно. В притче представлена вопиющая несправедливость, которой в мире немало. Но иногда эта несправедливость зашкаливает настолько, что даже Бог удивляется. Это касается, например, пролития невинной крови человеческой, или оклеветания невиновного, или оправдания виновного. Это такие вещи, от которых небо содрогается, и Господь хочет всю Землю стереть. Его удерживает Его же милость. И вот перед нами вопиющий случай: человеку только что простили страшные деньги, страшные долги — а он душит товарища, который должен ему жалкие копейки. Об этом докладывают царю, и царь вновь призывает своего должника. Тот далеко не ушел, он возвращается обратно, но разговаривать с ним уже незачем: таких гадов нужно стирать с лица земли. Да он и стерт — его сажают в тюрьму навсегда. Он попадает, собственно, в преисподнюю на веки вечные, пока не отдаст долг, но если он на свободе не мог отдать деньги, как их отдать в темнице? Государь ему законно говорит: *Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?* (Мф. 18,32-33).

Есть ли зависимость между тем, что мы говорим Господу «прости меня» — и сами не прощаем? Говорим Господу «помилуй меня» — а сами не милуем? Разумеется, здесь есть прямая логическая связь. Прости нам долги наши, *как и мы прощаем должникам нашим* (Мф. 6, 12) — это означает: ты первый прости, пожалей, помоги, пощади, пособи, помилуй. А потом говори: «Господи, прости мне так, как я простил его. Помоги мне так, как я помог ему». Тогда ты будешь строить свою молитву на твердом камне. И куда Господь убежит от Своих слов? Он Своим словам верен.

Здесь же получается совершенно наоборот: человеку все простили, а он всем все вспомнил. Он сам навлек на себя кару, причем гораздо более серьезную, чем та, что ему угрожала вначале. Итак, Христос в конце этой притчи говорит: так Отец Мой поступит с вами... Заметьте, что иногда Отец-Бог называется устами Иисусовыми Отцом нашим, иногда— Отцом вашим, иногда — Отцом Моим. Здесь же Он говорит — «Отец Мой»: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18, 35). Если эти слова войдут в сознание верующих людей, в мире истребятся миллионы споров, ссор и неприязней, люди начнут прощать друг друга, если это случится. Будет так или не будет — неизвестно, но притча не просто так произнесена. Она должна быть понятой и стать руководством к действию.

Итак, в плане морали человеку более всего угрожает неумение прощать, неумение смириться, потерпеть, забыть. Наши склоки — это невыразимая гадость: нам прощается огромное множество долгов, а мы друг другу не можем простить даже мелочь. Наши отношения напоминают классический сюжет — «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Возьмите и перечитайте,

братья и сестры. Это — бессмертная повесть Николая Васильевича Гоголя, в которой рассказывается, как из-за мелочи можно поссориться до самой смерти и как на десятки лет превратить свою жизнь в непрестанную тяжбу. Из-за чего? Из-за пустяка. По сути, мы должны друг другу пустяки, и мы не умеем их забывать.

Как же мы можем всем все простить? Мы можем, братья и сестры, забывать грехи наших ближних только тогда, когда внутри своей совести ощущаем, что сами мы гораздо больше должны Богу. Вот только тогда мы понимаем, что должны прощать. Я обязан прощать, потому что я сам должник, и долг мой велик и неоплатен. Я Богу должен больше, и я с Богом не расплачусь никак. Если дело в деньгах, то деньги — дело наживное, они приходят, уходят, их можно заработать. Гораздо страшнее, когда речь идет о поруганной чести — ее не восстановишь, о пролитой крови —жизнь не вернешь, о поломанной судьбе — судьбу не исправишь. Все это — наши долги, братья и сестры. И вот только тогда, когда мы это вдруг почувствуем, тогда мы захотим и сможем всех простить. А если мы не ощущаем своих грехов, если мы бессовестны? Тогда мы запоминаем каждую мелочь: «А ты мне, помнишь, сказал, три года назад то-то». — «Когда я тебе такое говорил?» — «Ты сказал, это было без пятнадцати восемь, я помню, еще снег пошел в это время. Три года и два месяца назад. Я помню». Человек может собирать и копить обиды. У него сердце может быть как записная книжка старого кляузника, где все записано, зафиксировано, замечено. Лучше бы он так помнил то, что действительно нужно и важно! Если бы мы имели благой склероз на чужие ошибки, глупые слова и неудачные шутки! Насколько больше мира было бы в человеке... Оказывается, это очень важно, потому что именно от этого зависит прощение наших с вами грехов. Вся притча, повторяю, это всего-навсего иллюстрация к словам той молитвы, которую мы читаем постоянно: и дома, и на улице, и в храме на богослужении, и в одиночестве, и со всеми вместе. «Отче наш, остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим». Если мы не оставляем, то мы лицемеры, тогда мы и молиться так не должны.

Был такой случай с патриархом Иоанном Милостивым Александрийским. Он пытался примирить двух поссорившихся людей, а они отказывались мириться. Один из них, зачинщик ссоры, был особенно рьяным и не хотел просить прощения и прощать, не хотел мириться. Патриарх взял этого вельможу с собой на литургию. Литургию служил у себя в домовой церкви. Присутствовали только патриарх, псаломщик и этот человек. И когда наступило время пения «Отче наш», патриарх говорит ему: «Пой ты». Тот начал читать молитву Господню перед Царскими вратами. И когда он дошел до слов «остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим», патриарх остановил его и спросил: «Ты не боишься это сказать сейчас?» И тогда вельможе стало понятно, что нельзя говорить ложь вообще, а если лгать на молитве, то молитва превращается в самопроклятие.

Господь говорит, что ненавидит всякого, «глаголющего лжу». Он не терпит лжецов, потому что Он сам — Бог правды. Лжец — это диавол, он сам придумал лукавство, он — отец лжи. Потому лгать нельзя никогда. Но когда мы лжем в молитве, Кого мы хотим обмануть? Как мы можем сказать «прости мне так, как я прощаю», если сами не прощаем? Получается наоборот: «Не забывай моих грехов, потому что я тоже никому ничего не забыл. Не прощай меня, потому что я прощать не умею». Но мы так сказать не можем, это страшно. Как это Богу сказать? Это все равно, что положить себе на голову горячие угли. И мы продолжаем из года в год повторять святые слова молитвы Господней, не давая себе труда задуматься над тем, насколько глубоко их поняли и насколько правильно их исполняем. И вот сегодня благодаря прочитанной Христовой притче из Евангелия от Матфея мы сможем задуматься и исправить это, и сделать над собою усилие, и оторвать от себя, как прилипший репейник, хотя бы одну из множества различных обид. Чтобы потом с большей смелостью и с большим правом сказать Господу: «Прости мне, как и я прощаю».

Это и есть главный труд человека, братья и сестры, — труд внутренний. Я напоминаю себе и вам общеизвестную вещь: Евангелие обращено ко внутреннему человеку, а не к внешнему.

Придумывание внешних уставов, внешних подпорок, внешних правил поведения — это нужно и неизбежно, но второстепенно. А самое главное, что есть в Евангелии, в новозаветной жизни и в учении Христа — это жизнь внутреннего человека. Есть два человека в каждом из нас: внешний человек, который тлеет и гниет из дня на день, и есть внутренний, который должен обновляться. И Евангелие обращается к внутреннему человеку, ибо ничем внешним мы не спасемся. Спасется и исправится человек только внутренним. А каково оно — знает только сам человек, если думает об этом, и Господь знает, причем знает лучше, чем мы. Он — Бог нашего сердца и знает все.

Богослужение подходит к концу. Евангелие напоминает нам о том, как важно всем все простить, забыть и приучить свое сердце к прощению чужих ошибок. Потому что мы сами должны Богу гораздо больше и не знаем, с какой стороны приступить к возврату этих огромных долгов.

Начнем с прощения других.

События Евангельской истории

Исцеление расслабленного в Капернауме[9]

Закончилась вторая неделя Великого поста, братья и сёстры. Как быстро летит время! Справедлива пословица, говорящая: «Думки за горами, а смерть за плечами». Быстро протекает время бытия, как песок сквозь пальцы. И вот уже мы с вами прошли треть Великого поста. И сегодняшнее воскресное чтение говорит нам об одном из чудес, которое совершил Христос в городе Капернауме.

Капернаум — один из четырёх городов Палестины, напрямую связанных с Господом Иисусом Христом. Как было предсказано пророками, Христос был рождён в Вифлееме, жил в Назарете, часто посещал Капернаум, пострадал в Иерусалиме. Эти четыре точки священной географии хорошо известны всякому человеку, читающему Евангелие.

Капернаум был многократно осиян и облагодетельствован чудесами Господа Иисуса Христа. Этот город стоял на берегу Геннисаретского озера, окрестности его были необычайно красивы, озёрные воды полны рыбы, а берега украшены зарослями самых чудесных тропических растений. Всё это столь прекрасно, что раввины говорили: когда Мессия придёт, он будет жить где-то вблизи Геннисаретского озера, в пределах Завулоновых и Неффалимовых, — именно там, где был Капернаум.

Господь, живя на земле, действительно часто посещал эти места. В Капернауме было сотворено много чудес. Прежде чем мы приступим к разговору о чуде, о котором сегодня читали, вспомним, какие страшные слова о Капернауме сказал Христос. *И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе* (Мф. 11,23-24).

Спаситель посетил многие места, но не везде совершал Он множество чудес. Те города, в которых люди видели особую славу Божью, но не менялись, Он горько укорял: Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись: *Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!* (Мф. 11,20-21). Среди этих городов— и Капернаум, которому Господь грозит ввержением в глубины ада, потому что он видел много, а делал мало.

Чудеса имеют конкретную цель. Христос не совершает чудес, чтобы пощекотать человеку нервы или испугать его. Христос совершает чудеса человеколюбия: его чудеса — это всегда исцеления, всегда различные милости человеку. Они требуют веры, а впоследствии требуют от человека покаяния, доброй, изменённой жизни. Если же этого нет, то получается, что Господь даром творит чудеса. Люди посмотрели, посмеялись, поаплодировали, им понравилось: «Теперь ещё покажи что-нибудь». Такая жажда чудес — это свойство порочного сердца. Глубоко развратное сердце ищет чудес. И об этом нужно говорить, потому что антихрист, который рано или поздно придёт в мир, будет великим обманщиком, он будет рассыпать вокруг себя чудеса, как искры фейерверков. Как фокусник, из шляпы он будет доставать то зайца, то набор игральных карт, то пёстрые гирлянды. А народ будет хохотать и аплодировать: «Вот великий человек, какие чудеса творит!» Антихристовы чудеса будут именно фокусами для забавы развратного человека. А Христовы чудеса — смиренны, они имеют целью, во-первых, сотворить благо (исцелить больного или даже воскресить мёртвого), а, во-вторых, дать всем видящим понятие о жизни Божьей, о Чудотворце Христе, о Его Отце. Он творит дела не во имя Своё, как гордый человек, но во имя славы Отца, смиренно.

С чудесами, братья и сёстры, надо быть осторожными. Искать чудес и ждать чудес — это свойство глубоко прельщённого ума и гнилого сердца. Чудеса приходят не тогда, когда мы ждём их, а

---

[9] Мф. 9:2-8; Мк. 2:1-12; Лк. 5:17-26

когда Бог хочет. Внезапно, как любовь. Чудо и есть любовь, а любовь есть чудо. Это синонимы. И ждать их нельзя, они приходят, когда Богу угодно. Дух Божий дышит, где хочет.

Нужно иметь в виду, что есть некая зависимость между тем, что ты видел и знаешь, — и тем, каким ты должен быть. Если ты видел много, а сделал мало — это плохо. Это касается Капернаума. Много видевший, он принёс Богу малую жатву, в нём было мало людей, которые веровали во Христа. Кстати, капернаумские книжники считались чуть ли не выше иерусалимских. В Капернауме были сосредоточены элитные силы еврейских книжников и законников. Там изучали Писания, там жили самые тонкие исследователи Закона, самые мудрые прорицатели. Развалины древних синагог, бывших украшением Капернаума, дошли и до наших дней.

Об одном из чудес, которое Господь сотворил там, мы читали сегодня. Он, как говорится по-старославянски, стянул расслабленного жилами, то есть вернул здравие и физическую активность человеку, разбитому параличом, который не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Христос проповедовал в одном из жилищ, битком набитом людьми, так, что нельзя было войти в дверь. И это, кстати говоря, некий урок и для нас. Когда мы находимся в храме и там тесно — нам следует радоваться. Так же было в Ноевом ковчеге, где было полно всяких животных и всем было тесно, но все были счастливы, что живы, потому что остальные, за пределами ковчега, уже были покрыты волнами. Спасительная теснота благодатна. Теснота вокруг Христа — это некая благословенная теснота. Храм не может быть полон каждую секунду, но во время богослужения, когда храм пуст или полупуст, — это страшно.

Тесно бывало и в тех домах, где проповедовал Христос. Вокруг Него ходили толпами, люди теснились, толкали друг друга, толкали Его. И было тесно, но благодатно. Так и в тот раз было тесно в доме, где находился Христос, и четыре человека принесли к этому дому больного на постели. Вы знаете, что такое постель по понятиям того времени? Это одеяло, которое человек носит с собою: расстелил его, где хотел, лёг на него и заснул. Вот и вся постель. Четверо несли на постели человека, который был парализован, недвижим. Они имели любовь к этому человеку, имели веру во Христа и надежду, что Христос может сделать здоровым того, кого они любят. Не имея возможности пройти ко Христу через двери, они разобрали крышу и спустили человека на одеяле прямо пред лицо Господа. Они любовью были понуждены пойти на риск, разобрать крышу, нанести ущерб хозяину дома (вероятно, хозяин не очень обрадовался их дерзновению) — так или иначе, это были чрезвычайные усилия, это было дело любви. Заметьте, Христос, как говорится у евангелиста Марка, обратил внимание на веру их (Мк. 2, 5), а не на веру больного. Больной, подобно многим тяжело болеющим людям, был в состоянии огромной усталости от своей болезни. Он был уже как вещь, носимая туда и сюда, он уже вверял себя любым рукам, любым врачам, любым манипуляциям. Может, он веры и не имел, но имели веру его ближние. И Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: *чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2,5).

Здесь, братья и сёстры, содержится очень важный для нас урок, потому что Церковь — это живой союз людей между собой. Конечно же, мы спасаемся благодаря нашей личной вере. Мы должны иметь личную любовь к Иисусу Христу, должны веровать осознанно, потому что Богу очень важна личность, личные усилия, внутренний мир. Но вместе с тем, мы связаны друг с другом. Человечество похоже на дерево: чтобы листья распустились, нужно поливать корни. Человечество — это не груда камней, органически друг с другом не связанных. Человечество — это дерево, это — единый организм. Если сделаешь больно одному — будет больно другому. Будет хорошо одному — будет хорошо и другому. Почему апостол Павел говорит о человечестве как о теле? Болит, например, у кого-то зуб — не печень, не лёгкие, а зуб несчастный болит, или мозоль содрался, или палец нарвало от занозы... Для жизни угрозы нет, но тело страдает. И уже можно не спать, мучаться, всеми мыслями прикипеть к одной какой-то части тела, которая поражена совершенно неопасной болезнью. Таково и человечество: одному плохо — всем плохо, одному хорошо — всем хорошо. Важно это понимать, ведь

часто бывает так, что один спасается молитвой другого, и кто-то погибает из-за других. Например, можно получить от родителей страшное наследство — склонность к определённым грехам, да и вообще, можно родиться в каком-то кошмаре, из которого никак не выберешься. И жизнь такова, что один другого топит, один другого вытаскивает, и всё это происходит в мире ежесекундно. Евангелие подтверждает это.

А Церковь — это живой союз, где одни других вымаливают. Не зря мы с вами молимся об усопших. Скажем, протестанты лелеют такую странную мысль, что когда человек умер, о нём молиться нет смысла. Дескать, он уже пошёл к Богу на некий частный суд, и уже что было, то было, лучше не станет — уже как ты прожил, так и будет. Мол, Бог скажет Своё слово, и Божье решение уже нельзя изменить. Но на самом деле мы можем молиться и ходатайствовать за человека. И Бог может менять Своё решение о человеке в зависимости от нашего усилия и нашего заступничества.

И можно любовью закрыть человека от гнева Божия, покрыть чужие грехи своей жертвенной любовью, как это сделал Христос: Он взял на Себя грехи наши, принёс заместительную жертву. Мы согрешили, а Он пострадал. Мы — беззаконники, а Он грехи наши на теле Своём вознёс на древо Креста. Это — замещение одного другим, это — защита, это — один из важнейших законов мироздания.

В Церкви мы не каждый за себя, но один за всех и все за одного. Мы должны защищать, покрывать один другого, и по вере одних милуются другие. Мать молится — ребёнок выздоравливает; патриарх молится о народе — голод прекращается. Человек делает что-то дурное, и Господь на него гневается и готов уже покарать. Но другой заступится за него пред Богом — и Бог смилуется. Больной лежит на постели, не движется, и люди, имея веру, приносят его ко Христу. И Господь, видя веру их, говорит расслабленному: «Прощаются тебе твои грехи». Нужно друг за друга вступаться, друг другу помогать.

Я так думаю, человек сам себя не спасёт, сам себя не вымолит. Человек должен доверить себя молитвам тех, кто его любит. И спастись человек должен, во-первых, милостью Божьей, а во-вторых — чужими молитвами, молитвами Богородицы, молитвами всех святых, молитвами Церкви, молитвой матери и крёстной матери, молитвой отца. Но при этом сам человек тоже должен кого-то вымолить. Сам себя ты не вымолишь, будь уверен в этом на сто процентов. Ты вымолишь кого-то, а человек, которого ты вымолил, вымолит тебя. Так, может, и спасёмся, друг другу помогая. А как иначе? Люди нужны друг другу. Пирожнику нужен сапожник, сапожнику нужен аптекарь, аптекарю нужен жестянщик, жестянщику — водопроводчик, водопроводчику — трубочист. Трубочист сам себя не прокормит, если не будет булочника, извозчика и т.д. Каждый нужен каждому. Это касается и жизни мирской, и жизни духовной.

Вымаливайте других, братья и сёстры. По вере вашей спасутся другие, и вас вымолят другие. Митрополит Антоний Блум, Царствие ему Небесное, говорил, что в юности был горячо молитвенен, до кипения крови, страстно, нагло, дерзко, по-католически молитвенен. Много молился, думая, что — прости, Господи — Бога за бороду схватит своими молитвами. Он вычитывал утреннее и вечернее правило по три раза. Его духовник, узнав об этом, сказал: «Ты что делаешь? Прекрати немедленно! Вообще перестань читать правило. Клади перед сном и с утра по три поклона и говори: "Господи, молитвами любящих меня помилуй меня". И всё. Ещё выдумаешь себе, что сам себя вымолишь, сам себя спасёшь. Ещё сам себе спаситель окажешься».

Только взявшись за руки, мы войдём в Небесную радость. Об этом сегодня, мне кажется, и говорит Евангелие. Имея веру и любовь, эти четверо спасли расслабленного, и Господь исцелил его по вере их.

Дальше Евангелие раскрывает нам другие грани неповторимой личности Господа Иисуса Христа. Когда он так сказал больному: «Отпускаются тебе грехи», — книжники, находившиеся рядом

(видимо, беседа была о Писании, о пророках, о Царстве Мессии), сказали «сами в себе», что он произносит хулу. Кто может отпускать грехи, кроме одного Бога? Это книжники вполне правильно заметили, кстати. Действительно, никто, кроме Бога, грехи отпускать не может. Христос потому и отпускал грехи, что Он — Бог, ставший человеком. Тогда, конечно, люди веры в это ещё не имели, даже сами апостолы ещё сомневались о Господе. После смерти Его они шли и рассуждали между собой, называя его пророком, сильным и в слове, и в деле. О том, что Христос — это Бог, даже и помыслить нельзя, если Дух Святой не откроет. Поэтому книжники законно роптали: «Кто же Он, что и грехи отпускает?» Господь задаёт им такой вопрос: *Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи?* (Мк. 2,9). А что, кстати, легче? С одной стороны, сказать-то можно всё что угодно, язык без костей. Обе фразы человек может повторить легко, а вот сказать их так, чтобы слово стало делом — это для человека невозможно, а для Бога возможно. Заметьте себе, что у человека слова и дела разделены, а у Бога слово равно делу. И сказал Бог: *да будет свет. И стал свет* (Быт. 1, 3). А у человека слово, увы, далеко отстоит от дела. Человеку нужно учиться говорить только то, что соответствует действительности — правду, причём немногословную правду. Спартанцы учили своих юношей и мальчиков весь день молчать, а к концу дня говорить лишь одно слово, но чтоб это слово было настоящее. Так и нам нужно учиться, чтобы слова наши были не воздухом, а делом, чтобы они были твёрдыми, сильными, как пущенная стрела.

Но у Бога слова всегда равны делам. Бог может сказать: «Встань, возьми постель твою и ходи», — и это сразу же исполнится. И если скажет: «Прощаются тебе грехи твои», — и это также исполнится. С той только разницей, что первое видно очам человеческим, а второе — нет. Для того чтобы подтвердилось невидимое, то есть прощение грехов, Христос совершает видимое чудо. Чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит расслабленному: *встань, возьми постель твою, и иди в дом твой* (Мф. 9,6).

Кроме того, из этого отрывка мы видим, что наш Господь Иисус Христос — сердцеведец. Апостол Марк говорит, что книжники роптали между собой, не дерзая высказать всё вслух. Иисус же, видя помышления их, сказал: *для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?* (Мф. 9,4). Господь всегда зрит на сердце человеческое, знает все его тайники, и Его невозможно обмануть. *Потому что человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце* (1 Цар. 16, 7). Ещё мысль не пришла в наше сердце, ещё не поселилась, а Он уже знает о ней. Она уже ушла, только след свой оставила, а Господь помнит об этом. Он знает нас насквозь, и от этого человеку должно стать и страшно, и стыдно.

Сегодня мы должны усвоить несколько уроков. Во-первых, из Евангелия мы ещё раз видим, сколь красив и божественно силен Иисус Христос, Который всю тайну наших сердец видит насквозь. Во- вторых, Христос легко творит то, что Ему угодно, и у Него каждое слово — это дело, будь то оставление грехов или исцеление человека. Видимыми чудесами Христос подтверждает чудеса невидимые, видимым исцелением подтверждает невидимое оставление грехов. Когда вы приходите на исповедь с сокрушением, с искренним желанием оставить свои грехи, имейте веру в то, что не человек над вами совершает Таинство, не отец Пётр или отец Варсонофий, но лично Сам Господь Иисус Христос через видимого священника невидимо говорит человеку: «Прощаю тебя и разрешаю». Через человеческую руку, через человеческое слово, через накрытие епитрахилью священник, облечённый благодатью, связанный со Христом через тайну Церкви, даёт человеку возможность получить прощение от Самого Господа Иисуса Христа. Это чрезвычайно важно.

И, наконец, последнее. Мы тесно связаны друг с другом, поэтому человек должен переживать о других, думать о других, отдавать себя другим — и другие его вымолят. Именно в таком таинстве любви, таинстве взаимоотдачи твёрдо и по-настоящему совершается спасение человека. Иначе получается этакая эгоистическая фантазия, где каждый сам за себя, каждый зарыт в свои проблемы, закрыт в своей собственной внутренней тюрьме, творит там непонятно что, и потом, на Страшном Суде, вынужден будет посрамиться. Так что, дорогие христиане, о других переживайте больше, чем о

самих себе. О тех, кто рядом, и о тех, кто далеко. О живых и мёртвых, об уехавших в дальние страны и о живущих через стену. О тех, кто с вами связан союзом крови, о родственниках, о своих прихожанах. Нужно думать о других. Именно здесь зарыт клад, братья и сёстры. Клад зарыт там, где человек думает о других больше, чем о себе. Этому сегодня учит нас святое Евангелие. Аминь.

Насыщение пяти тысяч народа пятью хлебами и двумя рыбами[10]

Сегодняшнее евангельское чтение посвящено насыщению Иисусом Христом большого числа людей малым количеством пищи. Таких событий было два: насыщение четырёх тысяч человек семью хлебами и пяти тысяч — пятью хлебами. Об этих событиях говорят все евангелисты.

Слово Божие должно распространяться устно. Главный способ распространения Евангелия — это устная проповедь. Чтение Евангелия — это признак нищеты и скудости. Апостолы проповедовали устно, и люди слушали их. В книги Нового Завета вместилось гораздо меньше, чем они сказали. Евангелие от Иоанна заканчивается словами: *если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21,25).*

Появление книг новозаветных — это знак постепенного оскудения источника проповеднического. То есть людям уже приходилось читать, потому что не хватало живых свидетелей и не хватало устного научения.

Иоанн Богослов, как говорит нам Священное Предание, прочёл уже существовавшие тексты, написанные Матфеем, Марком и Лукой, и сказал своё авторитетное слово: здесь всё правильно. А потом создал своё Евангелие, где описал то, о чём не было сказано в первых трёх. У Иоанна мы встречаем длительные беседы с Никодимом, с самарянкой, слова Христа о Небесном Хлебе, Его чудные беседы о воскресении мёртвых, Его предсмертную гефсиманскую первосвященническую молитву, то есть сюжеты, которые нигде не повторяются у других евангелистов.

А вот рассказ о насыщении малым числом хлебов большого числа людей есть у всех евангелистов, но Иоанн всё же посчитал нужным сказать о нём. Значит, событие это слишком важное, чтобы обойти его вниманием. Безусловно, насыщение хлебом большого количества людей — это признак того, что Христос — истинный Мессия. Не зря евреи потом искали Его, чтобы сделать царём, ведь мессианство— это проявление милости к роду человеческому. Евреи ждали, что Мессия исцелит больных, воскресит мёртвых, утолит голод и прекратит войны. Он будет миротворец, исцелитель, чудотворец, кормилец и питатель. И Христос исполняет пророчества о Себе, Он кормит людей.

Господь — наш истинный кормилец. Святитель Тихон Задонский часто и подолгу молился по ночам, его вопли были слышны за дверями кельи. Он взывал к Богу: «Господи, не оставь! Господи, помоги! Кормилец, пощади!» Он, в частности, называл Господа кормильцем, потому что Бог действительно кормит всякую тварь. И трава, и пшеница, и любой другой злак растёт благодаря Божьей силе. Без Него ничего в мире не происходит. Он переживает о каждом человеке.

Но это — лишь поверхность евангельского эпизода, читаемого сегодня. Главное здесь то, что указывает нам на таинство Евхаристии. Умножение хлебов указывает нам на таинство Евхаристии, хлеб может быть земным, а может превращаться в небесный. Земной хлеб, принесённый на литургию, превращается в небесный хлеб. Мы приносим на литургию плоды наших трудов— хлеб, испечённый

---

[10] Мф. 14:14—21; Мк. 6:32^14; Лк. 9:10-17; Ин. 6:1-15.

из квасной муки пшеничной, белый и чистый, кладём его на престол. И по призыванию Духа Святого нам даётся такой подарок — этот хлеб становится Телом Христовым, то есть земное делается небесным.

Кроме того, есть третий момент. Я думаю, что это евангельское чтение опять нас возвращает к мысли о том, как нужно есть. Нужно рассматривать нашу повседневную пищу как подарок Божий. Христос перед тем, как благословить эти хлебы, преломить их и дать ученикам, воззрел на небо. Это означает, братья и сёстры, что все мы перед тем, как вкушать пищу, должны смотреть на небо, то есть должны вспоминать, что всё это — Божье. У премудрого Соломона в книге Екклесиаста есть такие слова: *Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это — от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?* (Еккл. 2, 24-25). Если мы едим, пьём и мы сыты, то это тоже — Его подарок. Поэтому, садясь за стол, мы должны понимать, что мы садимся за раскрытую Божию ладонь. И это есть подарок, а за подарок нужно благодарить. Христос возвёл Свои очи на небо, и мы тоже должны поднимать свои очи на небо и приучиться крестить и себя, и пищу, говоря: «Господи, благослови эту еду!» — а по насыщении — благодарить Господа. Этот обычай раньше был повсеместным. В старину люди даже в трактирах обращали свой взгляд на святой образ (да, образа и в трактирах были), осеняя себя крестом, и читали молитву перед едой.

Я читал одну историю про те времена, когда благочестие уже исчезало в народе. Один крестьянин, будучи на ярмарке в городе, зашёл пообедать в закусочную и, когда принесли заказ, он долго и истово молился. Крестьяне раньше ели, знаете, так не спеша, красиво, опрятно, помогая себе хлебушком, чтобы бороду не запачкать... Люди ели— как таинство совершали. Современный мир жрёт и пьёт на ходу. Люди никогда так не ели. В Польше и у католиков, и у православных был обычай: разрезая буханку хлеба, надрезали сверху крест на хлебе, а потом уже первый кусок отрезали с молитвой. Люди понимали, что всё святое, всё — Божье... И вот, такой человек пришёл в трактир, помолился, сел, плотно и красиво поел то, что ему принесли, потом встал и поблагодарил Бога, помолился опять. А какие-то мужики сидят, пьют и смеются над ним: «У вас что, в деревне все такие сумасшедшие? Все молятся вот так, как ты — до, после еды?» — «Нет, — говорит, — далеко не все. У нас есть ещё овцы, свиньи, козы и коровы. Они всего этого не делают. Они просто жуют то, что им насыпали».

Вкушение пищи — это таинство. Не будет лишним об этом ещё раз вспомнить.

Человек должен относиться к пище как к Божьему подарку. Есть вещи, характерные для современной городской культуры, но недопустимые для христиан. Например, люди покупают так много продуктов, что не успевают съедать их, они пропадают, и их выбрасывают. Это грешно. Может быть, конечно, благодаря этому свинству осуществляется какой-то Промысл Божий о бомжах. Но это всё равно неправильно. Если уж мы такие добрые, бомжей нужно кормить из рук в руки. И следует пересматривать своё домашнее хозяйство: если старое есть, новое покупать не надо. Надо съедать то, что есть. И умная хозяйка приготовит что-нибудь вкусное из того, что осталось. Например, такое дорожайшее ресторанное блюдо — фондю. Оно состоит из сыра, белого вина и сухарей. Всего-навсего, себестоимость копеечная! Раньше швейцарские пастухи, уходя в горы, брали с собой кусок сыра, сухарь, баклажку с вином и спиртовку, чтобы разогреть себе еду. Они разогревали на спирту этот сыр, в него макали хлебушек и запивали вином. Это блюдо родилось от простоты, а сегодня превратилось во что-то такое эдакое.

Человеку нужно приучить себя: например, есть сегодня гречка — варим гречку, и нечего выдумывать и бежать за мясом. Есть сегодня перловка — варим перловку. А умная хозяйка из топора суп сварит, она может приправить чем-то, подсолить, поперчить, лечо какое-нибудь добавить — и уже вкусно, съел — и доволен. Это очень важно, братья и сёстры, потому что, раз уж история течёт прямо,

то мы неизбежно движемся к временам антихристовым. Я не любитель говорить на эти темы, я сам раздражаюсь на кликуш, которые только об этом и трубят. Но об этих последних временах, когда человек окончательно испортится, у пророков говорится: *Будут есть, и не насытятся; будут блудить, и не размножатся* (Ос. 4,10). То есть похоть будет, но дети рождаться не будут, Бог не благословит на детей. И все будут есть, есть, с утра до вечера есть — и будут голодны. И эти вечно голодные первыми и поклонятся Зверю, потому что кто не имеет власти над своим чревом — тот раб. Каждый час необузданное чрево требует подпитки: что-то пожевать, что-то погрызть, и человек всё время ходит, ищет чего-то в холодильнике. Это— рабство животу, языку, чреву, гортани. Конечно, мы с вами должны быть хоть несколько свободными от прихотей своего чрева.

Снова повторю то, что говорил уже, может быть, не раз: голод утоляется хлебом. Для того чтобы утолить голод, много не нужно. Нужен помидор, огурец, щепотка соли, стакан воды или кваса, нужен кусок хлеба, тот же кусок сыра, что-то простое. Всё, что выходит за эти пределы, — это уже поиск раздражителей для гортани и чрева.

Это же касается и наших испорченных детей. Мы все с вами испортили своих детей мороженым, пирожными, чупа-чупсами и кока-колой. Мы испортили их вкус, они не чувствуют простой пищи. Они охамели оттого, что не знают голода. Это маленькие наглецы, которые из нас же под старость будут кровь пить, потому что мы вырастили их неблагодарными, жадными, сластолюбивыми и невоздержанными. Эти кровопийцы будут первым нашим наказанием. Голодный ребёнок должен есть хлеб: если он хлеба не ест — он не голоден. Не нужно потакать человеческому вкусу: хочу то, хочу это, хочу ещё вот это. Они, конечно, хотят сладкую вату, они, конечно, хотят всякие «сникерсы», но ведь не это спасает от голода.

В мире заговорили о продовольственном кризисе. Полуторамиллиардный Китай уже начал есть мясо. В Китае мясо не ели тысячелетиями, его там употребляло полпроцента населения. У них даже «вельможа» в переводе значит «тот, кто ест мясо». Великий начальник — это тот, кто ест мясо. Не потому, что мяса не хватало, а потому, что структура их общества подразумевает отличительные черты в одежде, в питании для людей низкого и высокого звания. Китайцы начали есть мясо, и теперь во всём мире не будет хватать мяса. Китайцы начали пить пиво, и теперь весь мир будет производить пиво, чтобы китайцам хватило. Это значит, что те земли, что раньше засевались хлебом, будут засеваться ячменем для пива.

Надо понимать, что мы живём в сумасшедшее время. Неконтролируемо растёт потребление товаров. Потребитель хочет жрать с утра до вечера и меньше работать, и не трогайте его, потому что он такой великий, и не делайте ему замечаний. Вот портрет современного человека. Долго ли это будет продолжаться? Грянет гром, и всему придёт конец. Люди начнут есть трупы, которые будут лежать вокруг на улицах, причём сырые, не жаренные. Такое уже было в истории.

Если выйти на улицу и сказать это людям, стоящим на трамвайной остановке, они решат, что я сумасшедший. И вы об этом никому не говорите. Мы с вами беседуем об этом, потому что вы стоите на Литургии, вы хоть немного имеете в себе познание Божьих тайн, понимаете, что жизнь — не шутка. Чтобы отодвинуть эти страшные времена, нам нужно взять под контроль свой язык, своё чрево. Необходимо научиться быть благодарными Богу и обходиться тем, что есть, и этому же учить своих детей.

Вообще, есть такая замечательная английская пословица: голод —лучшая приправа. Всё вкусно, когда человек голоден. Когда он поработал и проголодался, ему всё всласть. Как говорится, сладок сон бедняка. А богатый от пресыщения своего ворочается на ложе и до утра не имеет покоя. Всё сладко в мире: сон — наслаждение, хлеб — наслаждение, труд — тоже наслаждение. Важно наслаждаться тем, что нужно. Как говорил блаженный Августин, вся беда человеческого рода в том, что мы пользуемся тем, чем нужно наслаждаться, а наслаждаемся тем, чем нужно пользоваться.

Что ещё можно сказать о сегодняшнем евангельском чтении? Когда апостолы говорят, что люди голодны, Господь велит им: «Вы дайте им есть», — и они отвечают: «У нас нет, у нас только пять хлебов». Данное чтение, мне кажется, указывает также и на проповедь Евангелия. «Вы дайте им есть» — это призыв к апостолам, что они должны трудиться. Так Господь их заранее учил, что при всей своей человеческой скудости (скуден сам по себе Пётр, скудны сами по себе и Андрей, и Иоанн, и Фома, и Варфоломей, ведь они — люди) они должны трудиться, а Бог приумножит. Господь как бы говорит: вы дайте им малое, а Я умножу. Христос не Сам кормил народ. Он преломлял, благословлял, давал апостолам, а они — народу. А пища всё умножалась. И в этом я вижу призыв ко всем, кто занимается проповедью Слова Божьего. «Вы ломайте эти маленькие пять хлебушков, а Я умножу». Бывает, думаешь: «Господи, что я могу, я ничего толком не знаю. Кого и чему я могу научить?» — «Ты ломай, а Я умножу». Понимаете? Когда Бог звал Моисея на проповедь, чтобы он евреев вывел из плена египетского, Моисей говорил: «Я гугнив и несмыслен», — то есть не могу нормально разговаривать. И Господь сказал: «Ты иди, а Я всё сделаю». — «Кто я такой, чтобы вывести народ Израиля?» — «Я с тобой буду».

Совершенно верно, что не оскудеет рука дающего. По мере того, как даёшь, резервуары наполняются, ещё больше даёшь — ещё больше наполняются. А кто удержал своё в себе, в том эта вода зацвела, загнила, и уже никому не нужна, даже тебе самому. Поэтому нужно трудиться, и Бог умножит наши труды. Наконец, интересно, что когда люди ели, получилось 12 коробов остатка. Было количество, которое помещается в полах одежды одного человека, а 5 тысяч наелись, и остатков осталось 12 коробов, по числу святых апостолов. Каждый из апостолов взял на плечи короб с объедками и нёс на себе вещественное доказательство всемогущества Иисуса Христа. В том числе, кстати, и Иуда. Он тоже нёс на себе короб с кусками хлеба, он видел, что Христос всесилен. Однако, как вы видите, это не помешало Иуде стать предателем. Участие в таинствах и в чудесах ничего не гарантирует. Можно вымолить у Бога чудо, можно быть участником этого чуда, можно всей кожей ощущать Божественное присутствие. И всё-таки это не страхует нас от того, чтобы не соблазниться, не споткнуться, не изменить, не стать трусами, предателями или беглецами с поля боя.

Это мы видим на примере Иуды благодаря сегодняшнему чтению.

Закругляя эту тему, я хотел бы, чтобы мы пересмотрели своё отношение к земному хлебу, к простой пище. Апостол Павел сказал: *Не духовное прежде, а душевное, потом духовное* (1 Кор. 15, 46). Если мы не разберёмся с земными вещами, как мы сможем разобраться с вещами небесными? Как мы можем сейчас рассуждать о Святой Троице или о Страшном Суде, если не научились даже доедать за собой, не выбрасывая пищу в мусорное ведро? Если мы в малом не можем быть верны, кто доверит нам большее? Поэтому сегодняшнее Евангелие— серьёзный урок нам, братья и сёстры, и будем благодарны Иисусу Христу и Его Святой Церкви за то, что мы можем об этом говорить, рассуждать и исправлять свою жизнь.

Я твёрдо верю, что человек, благодарно относящийся к каждой крошке хлеба и каждой капле воды, от голода страдать не будет. А также верю в то, что от голода не будут страдать и его дети. А вот неблагодарный человек, бросающий в мусорник не- дожёванный пирожок или выливающий в унитаз испорченный борщ, который недоели из-за того, что всего полно, — такому человеку Правосудный Бог может и голод послать. Или такую болезнь желудка, что ты потом ничего уже съесть не сможешь. Поэтому, чтобы нам быть здоровыми, чтобы нам не знать, что такое недостаток хлеба, давайте сегодня будем бережны к каждому кусочку. И будем помнить, что всё это — от руки Божией.

Спасение утопающего Петра[11]

Сегодняшнее евангельское чтение— это рассказ о спасении утопающего Петра. Перед тем как совершить это чудо, Христос всю ночь провёл в молитве. В Писании говорится, что Он оставил учеников Своих, взошёл на гору и пребыл всю ночь на молитве до четвёртой стражи ночи. По древним обычаям, ночь делилась на четыре стражи: стражники менялись четыре раза, обходя стены города, криком давая друг другу знать, что всё в порядке. И вот четвёртая стража ночи — последняя перед восходом, когда звёзды блёкнут, небо светлеет и близок рассвет. До этого времени Христос провёл на молитве всю ночь на горе один. В Евангелии часто пишется, что Христос удалялся в пустые места один и проводил много времени в молитве. Хотелось бы послушать, конечно, что говорил Христос Своему Отцу и как Он с Ним беседовал. В Евангелии мало мест, где описываются слова, которые Христос говорил на молитве. Известна, например, Первосвященническая молитва Христа. Это Евангелие от Иоанна, глава 17. Начинается она словами: Отче! пришёл час, прославь Сына Твоего... Это длинная молитва Христа, которую по действию Духа Святого запомнил и записал Иоанн Богослов. Другое место — молитва Христа в Гефсиманском саду. Мы помним эти трепетные слова, где Он просит: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26,39). Это короткая молитва. Иисус Христос трижды говорил одно и то же на молитве, трижды смирял себя перед Отцом и покорял Свою волю Его воле. А остальные молитвы, которые Господь произносил на горе и в других пустынных местах, остались тайной для нас. Но важно то, что Христос надолго удалялся и проводил время в молитве.

Нам же с вами Христос дал молитву «Отче наш». Он упрекал фарисеев за их долгие лицемерные моления, и на основании этих слов протестанты часто упрекают православных за наши всенощные бдения и чтение Псалтири. Мол, нет в Евангелии повелений проводить такие долгие богослужения, а есть только «Отче наш». А больше Господь якобы ничего не говорил. Формально это звучит правдоподобно, но на самом деле — это глубокое заблуждение. Потому что Сам Христос целые ночи проводил на молитве, молился по многу часов кряду. Церковь, подражая Христу, тоже подолгу молится для того, чтобы разогреть человеческое сердце. Если бы наше богослужение состояло только из молитвы «Отче наш», оно было бы ужасно сухим, ужасно бедным. Наши бедные души не получали бы ни капли небесной пищи.

В одном из карпатских сёл священник рассказывал людям интересную притчу. Один старенький священник, прослуживший на приходе много лет, однажды решил возбудить в людях ревность к молитве. «Люди, — сказал он прихожанам, — вы не умеете молиться». Люди на него обиделись: «Как же не умеем? Мы знаем много тропарей, псалмов, молитву Господню, мы поём колядки на Рождество, столько служб выстаиваем. Как это мы не умеем молиться?!» Священник пообещал: «Кто из вас здесь прочтёт "Отче наш" не запнувшись, тому я дам коня». В те времена конь был целым достоянием, большим, чем по нынешним меркам «Мерседес». Все подумали, что здесь есть какой-то подвох, все же знают «Отче наш». Какой-то юноша выступил вперёд и говорит: «Отче, я прочту». — «Читай». — «Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земле. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави...» — а сам думает: «Интересно, а он уздечку мне к коню даст?» Так и не дочитал. «Отче, а вы уздечку мне дадите?» — «Вот видишь, ты не можешь дочитать молитву до конца без того, чтобы тебе в голову не пришло что- нибудь постороннее», — ответил старый священник.

Разве это нас не касается? Разве мы можем прочесть «Отче наш» без посторонних мыслей? Это большой труд. Если мы сведём все молитвы только к молитве Господней, то мы и её до конца не прочитаем. Обедним себя, таким образом, и оставим без внимания многие другие песнопения

---

[11] Мф. 14:22-36; Мк. 6:45-56; Ин. 6:16-21

церковные, драгоценную Псалтирь и прочее. И наше богослужение оставит нас голодными и нищими. Поэтому в подражание Христу, молившемуся долго, и Церковь молится подолгу.

Есть, впрочем, место и для кратких молитв. Но краткие молитвы более подобают домашнему богослужению. Святой Димитрий Ростовский говорил, что человеку, который обременён различными делами, нужно молиться часто и кратко. Выкроил пять минут, помолился внимательно, горячо и кратко — а потом опять можно погружаться в свои многочисленные дела. Потом снова помолился недолго... Это можно делать в обеденный перерыв на работе или посреди домашних занятий.

Наши дома — не монастырские кельи. Это обычные жилища, в которых кроме нас есть ещё другие люди. Превращать свои дома в молельни, я думаю, не совсем правильно для человека, не имеющего вкуса к настоящей духовной жизни, только лишь учащегося. А мы здесь, братья и сёстры, все учащиеся. Здесь нет ни одного преуспевшего, здесь все первоклассники, да ещё, кстати, и двоечники. Молиться долго нужно учиться в храме, а дома, по дороге на работу и среди дел нужно учиться молиться кратко. Я думаю, что это было бы полезно, ведь сама жизнь влечёт нас к этому. Взял садовник в руки лопату — и что, он будет канон читать? Поплевал на руки, «Господи, благослови!» — и пошёл работать. Вот тебе и краткая молитва. В своих бытовых занятиях мы должны вспоминать повеление Христа: *Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него (Мф. 6,7-8).*

Таким образом, совмещая церковную и домашнюю молитву, мы будем приближаться к совершенству. Потому что и то, и другое нужно человеку. Нужны человеку и длинные моления, нужны человеку и краткие молитвы.

Весьма краткой была молитва Петра, когда он тонул. Как мы помним, Христос в четвёртую стражу ночи пошёл по водам навстречу Своим ученикам. Ученики были на море. Слово «море» следует понимать условно, потому что речь шла о Генисаретском озере. Евреи — они не мореплаватели, не финикийцы, не греки, не викинги. Евреи — сухопутный народ, для них любая лужа — море, любая лодка — корабль. Поэтому в Евангелии говорится, что ученики вошли на корабль, поплыли в море. На самом деле имелись в виду рыбацкая лодка и Генисаретское озеро. Но озеро, тем не менее, довольно буйное, там бывают волны по три-четыре балла. И был сильный ветер, и лодка была покрываема волнами, и апостолы были в страхе и трепете. Вдруг они увидели Господа, идущего к ним по водам испугались, безусловно, испугались. Тогда Христос сказал им: *Ободритесь; это Я, не бойтесь* (Мф. 14, 27). И Пётр, горячий Пётр, говорит: «Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде».

Мы знаем, что Пётр имел дерзновение к Богу. Однако здесь есть и некий момент искушения. Помните, когда лукавый искушал Господа Иисуса Христа, он предлагал Ему броситься вниз с высокого крыла церковного здания. И Христос сказал ему: «Не искушай Господа Бога твоего». Не искушай, то есть не ищи чудес, не ищи особых знамений, не вынуждай Бога неестественным образом тебя спасать. Вот мы недавно праздновали память святых равноапостольных Владимира и Ольги. В них что потрясает? Ни Владимир, ни Ольга не видали чудес. Он пришли к познанию Бога не благодаря тому, что на их глазах христианские проповедники мёртвых воскрешали, огонь с неба сводили, болезни исцеляли и всё то прочее, что было в древние апостольские времена. Во времена первых христиан действительно эти могущественные чудеса, как стенобитные орудия, проламывали человеческую гордыню.

Люди смирялись перед Богом, слушали апостолов, верили им, в конце концов, приходили к вере. А Владимир и Ольга не видели ни одного чуда, однако они уверовали в Господа именно благодаря сердечному чувству. Поиски чуда — это неправильное состояние. Гораздо лучше, когда человек не видел, но верует. А почему верует? Потому что сердце у него чуткое, потому что он думать

научился и, в конце концов, Господь подарил ему раскаяние. Если всё вместе собрать, то получается, что и вера рождается без чудес. Чудес, на самом деле, и не надо. Чудеса нужны для неверующих, чудеса нужны для жестоких сердцем, для окаменелых, для слепых. Для того, чтобы они вдруг содрогнулись, ужаснулись, на колени упали. А тем, у кого совесть чиста, у кого сердце живое — зачем им чудеса? Они и так в Бога веруют, и так Бога хвалят за всё.

Пётр, видите, хочет идти по водам и об этом просит Господа. Он желает, чтобы совершилось чудо. Потому Пётр и посрамлён, потому он и начал тонуть, что нельзя испытывать Бога лишний раз. Я недавно разговаривал с одним человеком, и вот что он мне сказал: «Вы знаете, о чём я молился? Я скажу вам по секрету. Я молился, чтобы Бог сделал меня чудотворцем, чтобы я других исцелял». Что это такое, братья и сёстры? Это — испорченный ум. Мы тогда долго разговаривали. Слава Богу, человек этот всё понял и ушёл, благодаря... Бог даст дар врачевания тому, кому Сам захочет. Кому дар различения духов, кому дар исцеления, кому ещё чего. Дары Божьи даются Богом, а не выпрашиваются. А просить даров может только развращённый душою человек. Ничего просить не надо, кроме благословения, милости, прощения грехов и прочих благ для живых и усопших своих родных.

Но в Петре есть такая человеческая жилка. Вспомним евангельский эпизод. *Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах* (Мф. 16,13-19).

И уже буквально через несколько минут произошло следующее: *начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И говорил о сем открыто. Но Пётр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мк. 8,31-33).

Такие два совершенно противоположные ответа Господа Петру! Горячность Петра иногда дерзает на великие дела, иногда оказывается не угодна Богу. И после Тайной Вечери, помните, он говорит: *Господи... я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоёт петух, как отречёшься от Меня трижды* (Ин. 13, 37-38). Вот она, цена человеческой дерзости. Пётр выпросил себе чудо, пошёл по водам, и что потом? Потом ветер, страх — и он начинает тонуть.

Потому что сила Божия совершается в немощи, а не в дерзости. Апостол Павел приводит слова Господа: *сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12, 9). Когда человек чувствует, что он немощен и надеется не на себя, а на Бога, через огромные внутренние усилия стремится делать некое доброе дело, ощущая себя при этом абсолютно пустым, тогда Бог через него, через его пустоту приводит Свою силу, и дела совершаются. Когда человек весь кипит своими энергичными усилиями, что-то у него, может, и получится, но в конце концов он окажется у разбитого корыта и поймёт, что без Бога он — ничто.

Вот Пётр выпросил себе такое чудо и пошёл, и потом начал тонуть, и протянул руку и помолился: «Господи, спаси меня! Погибаю!» Это— пример краткой молитвы. Человек не всегда может молиться долго. Например, когда ложишься на операционный стол, тут не до акафистов. Здесь только одна молитва может быть: «Господи, помилуй, прими меня, прости, благослови, Ты — мой врач!» И так часто бывает — и в опасности, и в радости — человеческие молитвы замещаются

восклицаниями. Исторгается из сердца вопль о помощи или слова благодарности. Это и есть краткая молитва. Пётр тоже так помолился. *Иисус тотчас простёр руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?* (Мф. 14,31).

Феофан Затворник пишет, что покуда Пётр смотрел на Иисуса, он шёл по водам. Но заметив ветер, он стал тонуть. Когда мы идём по морю житейскому, глядя на Христа, то и мы ступаем твёрдо и не тонем. Когда мы замечаем вокруг себя различные препятствия, сложности, неприятности, подобные этому «противному ветру» и большим волнам, мы из виду упускаем Спасителя и переключаемся на массу разных вещей. И тут же начинаем смущаться: «Да как же можно выжить в этом мире? Да как же я спасусь?» И начинаем тонуть. Из мысленного взора исчезает Христос, а вместо Него мелькает тысяча разных житейских вопросов: «Как же я подниму детей? А что я буду делать тогда-то? А как же я буду в старости?» И миллионы мыслей несутся, как туча комаров. Тогда, братья и сёстры, человек начинает утопать. И тогда нужно молиться: «Господи, спаси, погибаю!» И Господь говорит нам: «Зачем ты усомнился, маловер?»

Нужно в течение всей своей жизни смотреть на Христа, идти ко Христу и из своего мысленного взора Христа не упускать. Как для матросов ориентиром служит Полярная звезда, так и для нас Господь — наша путеводная звёздочка. На Него нужно глядеть и к Нему идти. Если начнём замечать всё, что вокруг, внутри и снаружи, то начнём тонуть.

Есть такой чудный акафист Иисусу Сладчайшему. Он полон богословия, его составляли монахи-исихасты. Там есть такие слова: «Бурю внутрь имея помышлений сумнительных, Петр утопаше».То есть Пётр стал тонуть тогда, когда у него внутри разразилась буря сомнений, возникла круговерть разных помыслов, и он впал во внутреннее отчаяние.

Этот сюжет — урок всем нам, чтобы мы на Христа взирали чаще и старались внутреннюю свою бурю утишать Христом. Апостол Павел говорит, что Христос есть мир наш, Его имя — мир. И ещё говорит: *Мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдёт сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4, 7). Когда мир Божий входит в сердце, то человеку спокойно, хорошо, он посреди опасностей может сохранять присутствие духа, делать то, что всем кажется невозможным. Это — наша общая задача.

Наша жизнь — это море, братья и сёстры, она непостоянна и опасна. Мы должны понимать, что ежедневно жизнь наша висит на волоске. Особенно сегодня, когда мир стал техногенным, когда мы постоянно вверяем себя машинам. Когда мы зависим от электроэнергии и атомной энергии. Когда мы окружены плотинами и дамбами, вокруг нас снуют автомобили и мотоциклы. Когда мы дышим непонятно чем и едим непонятно что. Наша комфортная, удобная жизнь обернулась тысячей опасностей. Стоит сломаться какой-нибудь детали в одной из машин, важной для нашей жизни, — и у нас начнутся такие проблемы, от которых нас ни один человек не спасёт. Мы должны понимать это и молиться Богу, особенно сегодня, во времена пресловутого комфорта. Мы должны молиться Богу всё больше, потому что сильно уязвимы и от всего зависимы.

Так вот, море — это жизнь, корабль — это Церковь, и Христос— Кормчий этого церковного корабля. Житейское море сами, собственными силами мы не переплывём, братья и сёстры. Ни брассом, ни кролем, ни с кругом спасательным. Истомимся, замёрзнем, попадём в пасть акулам. Море можно переплыть только на корабле. И только на таком корабле, во главе которого — Христос. Поэтому мы должны любить Святую Церковь, не просто свой храм, а Церковь как мистическое Тело Христово, которое омыто Христовой Кровью, и которое питает нас благодатью. Мы должны стремиться ко Христу, потому что только на Его корабле возможно проплыть через всю нашу жизнь безбедно и войти в тихую гавань, которая есть Царство Небесное.

Вот столько, как мне кажется, на поверхности лежащих уроков в этом евангельском чтении. Во-первых, краткие молитвы. Важнейшая из них— молитва Иисусова. Мы должны читать её

временами, когда есть возможность: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго»,— или вторить Петру: «Спаси меня, погибаю». Если попал человек в искушение и буквально гибнет, его затягивает в водоворот каких-то страстей, он должен кричать Христу: «Спаси, Господи, погибаю!» Краткие молитвы уместны в повседневной жизни. А вот длинные молитвы уместны на наших общественных богослужениях, где собрано много людей, где мы одними устами и, надеюсь, одним сердцем призываем благодать Христа Спасителя и ощущаем Его присутствие.

Об исцелении слепорожденного[12]

По обычаю, мы с вами, уходя из храма, вспоминаем то, что читалось из Писания на прошедшей Божественной службе.

Сегодня — неделя о слепом, и из Евангелия от Иоанна читается длинное повествование не столько об исцелении, сколько о том препирательстве, которое последовало среди иудеев, с формальной точки зрения оценивавших действительность. У евреев была заповедь о субботе, огромная масса обрядов и предписаний, и, накладывая на окружающую жизнь эти религиозные предписания, как некую сетку или трафарет, они делали выводы — совпадает это с волей Божьей или не совпадает. И многое из того, что делал Господь, шло вразрез с их пониманием святости, с их пониманием праведности, потому что Христос исполнил Закон и превысил Закон, углубил его, расширил и, собственно, принёс на землю небесную правду. И, конечно, Божественная реальность не вписывалась в земные ограничения, земной трафарет.

Знаете ли вы, что настоящие иконы не требуют рамы? Что икона, как вид церковной живописи, как окно в Небо, (так назвали её богословы) не только не требует рамы — она ненавидит раму? Дело в том, что икона пишется с использованием принципа обратной перспективы. Например, представим картину Левитана «Владимирский тракт», или любую другую. Внутри картины есть воображаемая линия горизонта, и все точки картины стремятся туда, к ней, вглубь. А когда пишется икона — она пишется в обратную сторону, как бы выворачивается наизнанку. Так, например, человек на иконе — Николай Чудотворец — держит Евангелие, и у этого Евангелия видно сразу три обреза, три края. В жизни это невозможно. Или, скажем, рисуется дом — у дома видно и фасад, и две боковые стены. В реальности мы так не видим, в реальности всё в другую сторону обращено. Икона пишется по иным законам, и выходит, что не мы смотрим на икону, а икона смотрит на нас. Настоящая икона смотрит на человека, а не человек смотрит на икону. И она как бы выпадает за пределы своего поля. Взгляните — и увидите, что у иконы есть такой ковчег по бокам, такая выскобленная сторона. И если Георгий на коне поражает змия, то копьё Георгия обязательно выходит за пределы иконописного поля, на ковчег. Икона выходит за свои границы. И то, что мы помещаем иконы в рамы — признак нашей богословской неграмотности. Собственно, и икон-то настоящих мало. Я сегодня нахожусь под впечатлением от того, что у нас появилась новая икона преподобного Лаврентия Черниговского — настоящая икона, на фоне которой можно оценить другие.

Подобно иконе, Божественная реальность выпадает из рамок, она превосходит то, что мы видим, слышим и понимаем. Она как бы разрывает эту временную ткань бытия и выводит нас в вечность. Если оценивать Божественную реальность в земных категориях, то, конечно же, Божественная реальность непонятна, дерзка. Она несёт в себе вызов. И вот фарисеи, смотря на деяния Христа с точки зрения заповеди о субботе, делали выводы: «Не от Бога этот человек, потому что субботу не хранит». А что значит «не хранит»? Он в субботу даёт зрение слепому, в субботу

---

[12] Ин. 9:1-41

поднимает с постели расслабленного. Что здесь греховного? Не это ли милосердие Божье — творение чудес?

«Не от Бога этот человек», — твердили одни. «Но как же грешный человек такие знамения может творить?» — говорили другие. И был у них спор. Ведь не все фарисеи были пропащими людьми с окаменевшим сердцем. Между ними много было людей сердечных, глубоких, умных, среди которых и те, кто снимал Спасителя с Креста — праведный Иосиф с Никодимом. Эти благообразные старцы иудейского народа, ещё Гамалиил, учитель апостола Павла, — всё это были книжники, законники, которые вместе со знанием Закона имели сердце широкое и душу мягкую, они понимали правду Божью. Остальные, конечно же, цеплялись за букву. Мы с вами сами постоянно цепляемся за буквы. Этими мертвящими буквами бьём друг друга по голове, наносим один другому смертельные раны. Апостол Павел говорит: «Буква умерщвляет, а дух животворит». Христианское буквоедство, равно как и мусульманское и иудейское буквоедство, ранит человека. Настоящей духовной жизни практически уже нет, есть только буквоедство под различными соусами. Буквоеды отказываются принимать даже очевидные знамения Божьей силы, как в случае со Христом. Собственно, весь рассказ об исцелении слепого сводится к долгому спору:

– Кто же тебя исцелил? Да как же Он это сделал? В конце концов, принеси Богу славу, скажи, что Он грешник, — говорили слепому.

– Да не знаю, грешник Он или нет, однако знаю, что был я слепой, а теперь вижу.

– Кто Он такой?

– Не знаю, Кто Он такой.

И так далее. Этот длинный рассказ даже несколько сатиричен. Там есть ряд моментов, где до смешного доходит, когда фарисеи говорят:

– Мы Моисея ученики, а Этого не знаем, кто Он такой. Мы знаем, что с Моисеем Бог разговаривал.

– То-то оно и странно, что вы — ученики Моисея, а Его не знаете, а Он мне глаза открыл. Что же вы, Моисеевы ученики...

– Да ты весь в грехах!..

Спор заканчивается изгнанием прозревшего. Так, бывает, часто заканчиваются споры на религиозные темы. «Да ты иди, вообще, отсюда, ты — болван. С тобой разговаривать не о чем». Так оно всё в конце концов и происходит. А что это значит?

Это значит, что мы недалеко убежали от тех слепых фарисеев, которым даже глаза открывают, а они всё: «Это всё неправильно, только не в субботу! В любой день приходи исцелять, но не в субботу!» Человек был скрючен, горбат, хром, слеп, прокажён... «Вот только не сегодня, в любой другой день». Как будто исцеление неисцелимого — обычное дело: пришёл, заплатил — и получил; пришёл, попросил — и дали. «Нет, только не сегодня»...

Если мы заканчиваем религиозный спор с раздражением: «Да ну тебя, иди отсюда, ты весь в грехах, будешь ещё учить нас», — кто мы такие? Мы с вами такие же болваны, слепые, тупые, как те фарисеи, ослепшие в своей законной праведности, — и что толку от нашего христианства? Нужна некая человеческая гибкость, открытость, мудрость. Многое нужно человеку, чего у нас почти нет.

Я хочу вам напомнить ещё об одном моменте, важном и интересном в том чуде. Чудо Божье — как матрёшка. Внутри одного чуда всегда есть другое, а там — третье, четвёртое чудо. То есть чудеса умножаются как бы внутрь, углубляются. Что я имею в виду? Я напомню тем, кто, может быть, не слышал, или тем, кто забыл, что человек долго учится видеть мир. Он рождается, по сути, зрячим, но

вместе с тем и слепым. То есть мир для него — это некое размытое пятно, мыльный пузырь, нечто похожее на вату. Голоса матери и отца, колыбельная песня, запах молока, теплота груди — это ему более понятно, но в глазах у него пока — мутная пелена. Сначала он не умеет определять расстояние до предметов, ошибается. Потом, день за днём, постепенно учится воспринимать очертания окружающего мира. Почему? Потому что если бы ребёнок сразу воспринял этот мир ясно, во всех пропорциях, во всей его огромности, то этот маленький человек был бы близок к помешательству. На его детское сознание свалилась бы грандиозная картина. А пока весь мир сжимается для него до каких-то смутных очертаний, постепенно проявляясь, как на фотографической плёнке, всё ясней и ясней.

Что такое мир маленького человека? Это мир его комнаты, мир его коляски, мир его двора. Постепенно человек вырастает до вселенских масштабов. Вот мы сейчас думаем о вселенских просторах, о Боге. Но мы не сразу к этому подошли — человек постепенно дорастает до возможности мыслить о высоком.

К чему я всё это говорю? К тому, что когда Господь Бог открыл глаза слепому, который никогда не видел света, этот человек внезапно увидел весь мир ясно, так, будто он всегда на него смотрел. А это физически невозможно. Вы смотрели военные фильмы, где боец получал глазные ранения и ему делали операцию? Что у него на глазах? Плотные бинтовые повязки, которые нельзя снимать. Если их снять, человек опять ослепнет — яркий солнечный свет его ослепит. Повязки нужно снимать в темноте, чтобы глаза привыкали постепенно.

Точно так же слепорождённый. Если вдруг дать человеку зрение, что с ним будет? Он тут же сойдет с ума от огромного мира, которого он никогда не видел. Или ослепнет снова от яркого дневного света, которого тоже не видел никогда. Происходит второе чудо: человек не только смотрит на мир, а вдруг, внезапно, в одну секунду получает ту способность, которая к обычному человеку приходит через многие месяцы. Примерно то же самое произошло, когда апостолы получили дар Святого Духа и заговорили на иностранных языках. Обычно иностранный язык можно учить очень долго, читать разные учебники, слушать аудиокурсы, погружаться в культурную среду, думать, запоминать, и так далее, и тому подобное. И едва-едва через два-три года взрослый человек осваивает язык так, что может читать, писать, общаться и всё прочее. Это один язык — а два, а три? Говорят, чем больше языков человек знает, тем легче учить, но всё равно это — большой труд. А апостолы — простые рыбаки, которые и читали, наверное, с ошибками, — а тут вдруг раскрывается сознание, и они получают возможность говорить сразу на разных языках. Это тоже чудо внутри чуда: то, на что обычно нужны годы, даётся моментально. Так и со слепым: человек зрит мир Божий в секунду — чистый, красивый, выпукло, сочно, и не ужасается этому, а так смотрит, будто всю жизнь его видел. Да его должны удивлять каждая букашка, каждая пылинка, каждый листочек на дереве, каждый камень на дороге — он же не видел ничего! А он так смотрит на мир, как будто знает его всю жизнь.

Третье чудо: что он впервые перед собой видит, этот прозревший слепец? Он видит Христа, Того Христа, Которого многие пророки, праведники хотели видеть — и не видели. Помните, Спаситель говорит в Евангелии: «Многие пророки и праведники хотели видеть Меня и не видели»?

Авраам хотел — и не видел, Моисей хотел — и не видел, Давид хотел — и не видел. Да, Моисею Бог даровал такую милость: тот из ада вышел и видел Спасителя на горе Фавор. Остальные — не видели. Когда Он в ад сошёл, они видели его душами в аде, а телесными очами Христа видели только единицы из праведников — Моисей и Илия, вот, собственно, и всё, а остальные увидят Его лишь по воскресении.

А здесь слепец прозрел и первое, что он увидел в своей жизни, — это воплотившийся Христос, Бог во плоти. За что, казалось бы, такой подарок? Не знаю, может быть, ни за что, потому что Богу не

жалко благодеять всякому человеку. Богатый в милости, Он без жадности изливает из Себя различные дары. Как водопад падает или полноводная река течёт — такая, как Волга или Днепр, — так течёт и милость Божья, не оскудевая: пей, сколько выпьешь, уноси с собой, сколько начерпаешь, — не жалко Богу. Сколько ты взял, столько унеси, только правильно воспользуйся. Богу абсолютно не жалко. Это великое свойство Божье — независтное подаяние даров. «Независтное» означает, что Он абсолютно не жалеет, не завидует, не удерживает, не копит — Он изливает. Любому даёт. Простому, знатному, бедному, богатому, умному, простецу некнижному— всем даёт. Вот и слепому такой подарок дал — глаза открыл. Даровал ему ясное зрение мира в секунду, ещё и Сам ему явился:

- Ты веруешь ли в Сына Божия?
- Кто Он такой, господин, — говорит, — чтобы я веровал в Него?
- И видишь ты Его, и говорит Он с тобою.
- Верую, Господи! — и поклонился Ему.

Конечно, сказанное, братья и сёстры, имеет отношение к нам, зрячим, лишь в том смысле, что мы являемся слепцами духовными. Мы слепы, как тропарь воскресного дня говорит: «Якоже слепый от рождения, в покаянии зову тебе: милостив нам буди, Единый Благоприменитель». То есть, мы — как бы слепые от рождения, мы унаследовали слепоту греха. Не мы первыми согрешили. Согрешил наш праотец Адам, а происшедшие от него — все родились слепыми. И мы унаследовали врождённую нравственную слепоту. Мы на ощупь двигаемся в этом мире.

Есть известная буддийская притча о том, как слепцы спорили, кто такой слон. Ощупывали его: кто за хобот, кто за бивень, кто за хвост, кто за ногу. Вот так мы щупаем мир, на ощупь в этом мире пытаемся ориентироваться. И мы слепы, пока Христос не откроет нам сердечные очи. Мы все имеем нужду в том, чтобы воссиял этот луч благодати внутри нас, в потёмках нашего сердца, нашего сознания. Чтобы мы понимали, куда нужно идти, что нас ждёт впереди, о чём нужно плакать, чему нужно радоваться, о чём жалеть, от чего удаляться, куда стремиться. Поскольку мы всего этого не понимаем до сих пор, мы всё ещё остаемся слепыми. Может быть, кто-то из нас кривой, одним глазом смотрит на этот мир, что уже хорошо, но это ещё не целостность. Может быть, кто- то видит мир, но на какие-нибудь 5%, как люди в больших очках с толстыми линзами. Потому что вроде бы видят, а вроде бы и слепые. В духовном отношении все мы разные, но со здоровым зрением нет ни одного, братья и сёстры. Если бы мы имели здоровое зрение, мы бы не грешили, мы бы не ошибались, мы бы не падали. Мы бы раз за разом в эти лужи вонючие, смрадные не поскальзывались бы.

Есть нужда у каждого человека признать свою слепоту. Потому что Господь говорил фарисеям: *Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остаётся на вас* (Ин. 9,41). Слепых Господь просвещает, а вот на зрячих, мнимых зрячих, Господь гневается. Слепой наглец не видит ничего, а кричит на весь мир, что всё знает, всё видит ясно. Поэтому нужно признать свою слепоту, братья и сёстры. Нужно признать за собой хотя бы часть своей слепоты, что уже немаловажно, и молиться Христу Спасителю. Он есть Свет мира. «Ходящий во Мне — не споткнётся», — говорит Господь. А без Него человек, конечно, спотыкается постоянно.

О богатом юноше[13]

Сегодня мы с вами читали о том, как ко Христу подошёл некий юноша и спросил: что мне сделать, чтобы наследовать жизнь вечную? Господь сказал ему, чтобы выполнил заповеди. На вопрос юноши, каковы эти заповеди, Христос возвращает его к декалогу — центральной части ветхозаветного Закона, к десяти заповедям.

Вы помните, что Моисей снёс с горы Синайской две каменные доски, на которых Сам Бог начертал десять Своих заповедей. Первые четыре из них относятся к богопочитанию. В них говорится, что нельзя иметь других богов, кроме Бога Истинного. Что нельзя поклоняться изображению, будь то птица, летающая в небе, человек, ходящий по земле, или гад, обитающий в водах. Запрещалось также поминать имя Господа всуе. Повелевалось чтить день субботний. Эти четыре заповеди характеризуют корневые понятия ветхозаветного богопочитания. А остальные шесть— касаются отношений между людьми. В них говорится, что нужно чтить отца и мать, нельзя убивать, прелюбодействовать, красть, лжесвидетельствовать и желать всего того, что есть у ближнего. Эти шесть сжатых, как пружина, повелений должны были правильно устроить человеческое общежитие.

Итак, Господь называет эти заповеди: не убей, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, чти отца и мать. И возлюби ближнего, как самого себя. Этих последних слов мы не находим среди десяти заповедей. Но это тоже слова из Писания, а именно из Второзакония. Напомню, что всего заповедей в Писании не десять, а в общей сложности 613. Повеления, данные Богом, должны были очень точно, скурпулёзно распределить всю жизнь человека. А десять заповедей — это костяк, скелет священного Закона. И там, среди прочего, есть слова «возлюби ближнего, как себя самого».

Перед евреями стояла большая задача — разбираться со словом Божьим, думать о нём и выяснять, что в нём главное, что — второстепенное. Хотя всё, что из Божьих уст вышло, — всё важно. Но, без сомнения, есть вещи первостепенные. И евреи пришли к выводу, что любовь к ближнему и любовь к Богу — это две главные заповеди священного Закона.

Есть плотная густая ткань Священного Писания. В этой густой ткани, как в небесном пространстве, горят яркие звёзды самых главных мыслей. И следует выделять эти главные мысли. Это не значит, что нужно всё небо свернуть и положить на полку — всё небо тоже нужно. Но самые яркие звёзды надо выделять, до них добираться, ими жить. И вот евреи додумались до того, что самое главное — это любить Бога всей душою, всею мыслью, всею крепостью, — и любить ближнего, как самого себя. Сначала, заметьте, Бога, потом ближнего. Потому что ближнего любить без Бога не получается.

Что такое коммунизм? Это идеология, которая призывает любить человека и отрицает бытие Божие. И что получается? Получается концлагерь, потому что полюбить человека без Бога невозможно. Сначала Бога надо полюбить, а потом уже полюбишь и человека, причём правильной, настоящей любовью. Часто мы из любви к человеку прощаем ему всё, затискиваем и зализываем его, нервно бегаем вокруг него, как вокруг идола, и портим ему жизнь. Но вначале нужно полюбить Бога, и эта любовь к Богу выстроит правильную иерархию ценностей.

И вот Господь перечисляет самые важные заповеди, имеющие отношение ко всем нам, дорогие братья и сёстры. Не убий, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, не укради, чти отца и мать, возлюби ближнего, как себя самого. На что юноша говорит, что всё это он исполнил с юности своей. В этом я, по правде говоря, сильно сомневаюсь. Человек по мере исполнения заповедей открывает для себя всё большие и большие требования к своей совести, душе, разуму. Христос в Нагорной

---

[13] Мф. 19:16-26; Мк. 10:17-27; Лк. 18:18-27.

проповеди углубляет понимание Закона Божьего. Вы слышали, что сказано древним: *не убивай, кто же убьёт, подлежит суду А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21-22). Закон евангельский проникает в глубь понятий. Одно только сердечное пожелание человеку гибели или беды — это духовное убийство.

Есть огромное количество грехов, которые фактически являются убийством. Например, какая-нибудь семья гонит самогон. Такой дом знают все алкоголики района и тянутся туда, чтобы за малые деньги купить одуряющего пойла. Люди пропивают разум, здоровье, пьют неизвестно что, так что патологоанатомы потом удивляются, как с такой печенью можно было жить. Разве это не убийство? Конечно, убийство, просто не такое явное — не из пистолета, не из автомата, не топором. Но в принципе — это нажива на чужой болезни, на чужой беде, на чужом здоровье, и, в конце концов, на чужой смерти. Или же эти мерзкие, страшные, жуткие аборты, о которых так много говорилось и будет говориться, потому что беда не прошла, она только усиливается, — разве это не убийство? Когда выходят два богатыря в чисто поле и бьются так, что земля под ними стонет, — это честный бой, где настоящий солдат всегда уважает другого солдата. А вот когда дитя в любви зачинается, а затем самими же родителями выскабливается из утробы — это совсем другое дело. Это один из самых циничных видов убийства, которые можно придумать. В нём виноваты и мужчины, и женщины. Если мужчина знал и сказал «да», или сам дал на это деньги — он тоже убийца. И получается целое сообщество убийц: женщина, мужчина, доктор. Но наши законы их за это не наказывают. Наши законы не отслеживают таких грехов. Мы только потом расхлёбываем их плоды.

Если внимательно присмотреться, то неубийц в мире окажется очень мало. Есть такая статья в уголовном законодательстве — доведение до самоубийства. Можно просто выгнать человека с работы, отобрать имущество, преследовать телефонными звонками или письмами, довести до психоза, до самоубийства. Сделать это несложно. Это разве не убийство?

Не так давно наша страна пережила страшный катаклизм. Люди, жившие трудом своих рук, оказались на улице и стали бегать по базарам, перекупать, перепродавать. Все в долги влезли, и квартиры распродали, и за границу уехали зарабатывать, чтоб долги отдать. Разом всё рухнуло, и вчерашний комсомолец, скупивший акции, сегодня стал владельцем комбината. А остальные спились, разъехались, сошли с ума, сели на иглу. Это разве не убийство? Поэтому не спеши с уверенностью говорить «я никого не убивал» — ты этого не знаешь на самом деле. Это тебе Бог скажет, когда ты станешь перед Ним на Страшном суде. Тогда и узнаешь, убивал ты кого-нибудь или нет.

То же касается и других заповедей. Многие готовы сказать о себе: «Я ничего не крал». Но это ещё большой вопрос, крал ты или нет. Можно украсть чужую диссертацию. Можно пользоваться плодами чужого труда, издавая, например, под своим именем книги или сдавая рабочие отчёты, которые пишет за тебя целая группа безымянных людей. Это разве не воровство— чужих трудов, чужого интеллектуального продукта, чужого таланта? Вор — это второе имя человека, ведь человек— вор по природе своей после грехопадения. Он постоянно пользуется тем, что ему не принадлежит, постоянно хочет жить лучше, чем должен, придумывая для этого различные махинации. Там чуть-чуть, здесь немного. Там побольше, тут поменьше. Хоть гвоздь стянул, и то на душе радостно. Можно, например, воровать время. Да и у себя самого можно сколько украсть! Того же здоровья, того же времени, без толку проведённого. Себя самого можно сделать нищим. По-настоящему мало кто может сказать: «Я не крал».

А прелюбодеяние — вообще трудная тема. Едва-едва из рода человеческого найдётся тот, кто не виноват в этом грехе и во всём, что с ним связано. Христос говорит о прелюбодеянии: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём* (Мф. 5, 27-28). Куда деваться от Божьего слова? Кто здесь, поднимите руки, не прелюбодей и не прелюбодейка? Кто не воспламенялся адским

огнём? Кто не горел в нём хотя бы час или хотя бы минуту? У кого совесть жива, тот никогда не скажет: «Нет, у меня такого не было, я не прелюбодействовал никогда, ни в уме, ни в плоти, ни в сердце». Мы виноваты перед Божьим законом. Читая заповеди, я вижу, что виноват по всем пунктам. И обновление человеческой жизни начинается с того, что человек понимает, что он виновен против каждой заповеди. И не нужно себя оправдывать. Когда человек выдумывает себе оправдания, Бог будет приводить ему обвинения. И в этом суде мы стопроцентно проиграем. Как говорится в псалме покаянном, победиши, внегда судити Ти, то есть когда будешь судить, Ты победишь. Когда мы будем судиться с Богом, Господь выиграет суд. Наши уста заградятся. Поэтому прежде Суда нужно перестать себя оправдывать. Обвини себя сам, и Бог тебя оправдает. Нужно познать свою нищету, свою вину перед каждой заповедью и не оправдывать себя.

Когда мы ощущаем свою вину против заповедей, тогда нам нужен Искупитель, пришедший в мир спасти нас, взять на Себя наши грехи и на Кресте омыть их Своею кровью. Если мы этого не чувствуем, то нам Бог особенно и не нужен. Мы насыщаемся своей праведностью. «Я хороший, я трудолюбивый, я честный, зла никому не желал. Я всегда жил очень хорошо — ну и слава Богу. Другие в церковь ходят, потому что они большие грешники. Я не хожу потому, что и так хорош». Хороший человек, не ходящий в церковь, — это чудовище. Такое же, как и плохой человек, ходящий в церковь и не желающий исправиться. Все мы с вами такие чудовища, братья и сёстры. В этот мир чудовищ зашёл Христос. Пришёл, родился здесь, жил, явив чудную Свою любовь к человеческому роду. Зачем-то это Богу нужно. Почему-то Он так любит нас, что захотел всю эту грязь с человека смыть, счистить, соскоблить, при этом заплатив такую ужасную цену — собственное Крестное страдание. Только верой в это чудо, в это невообразимое событие можно спастись. И мы, слава Богу, не по делам нашим, но по милости Божьей, веруем и исповедуем, что *Христос Иисус пришёл в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. V15).

Так говорит апостол Павел, и это мы с вами исповедуем перед Причастием.

Так что когда юноша говорит, что исполнил заповеди, — я ему, честно говоря, не верю. Но давайте вернёмся на два слова назад. Господь говорит юноше: «Сделай это, и будешь жить». Что это значит? Выходит, сейчас мы не живём? Оказывается, нет. Оказывается, жизнь наша — это не жизнь. Это, конечно, еще не смерть, но пока ещё и не жизнь, а лишь некое приготовление к жизни. Пока мы — словно дети во чреве матери: мы не мертвы, но пока и не живём. Христос даёт нам понять: то, что сейчас — это призраки и тени, сон наяву. Когда родимся для вечности —тогда и будем жить. Мне эта мысль кажется очень важной.

И когда юноша довольно дерзко, как мне кажется, сказал, что все заповеди он исполнил, Господь ответил: «Раз ты не крал, не прелюбодействовал, раз ты всех любишь, чтишь отца и мать, раз ты уж такой высокий, великий, тогда продай всё имение, раздавай деньги нищим и иди за Мной». И юноша восскорбел и ушёл. Большим препятствием для него послужило его богатство.

Богатство — явление мистическое. В древние времена люди считали, что богатство — это явный признак богоугождения. Для того чтобы определить, кто грешен, а кто праведен, люди пользовались очень простыми критериями. Дети есть? — Есть. — Верблюды есть? — Есть. — Ослы есть? — Есть. — Ты праведник. Бог тебя наградил. Другого спрашивают: дети есть? — Нет. — Ослы есть? — Один. — Верблюды есть? — Сдох последний. — Дом есть? — Вот, перекосился. — Значит, ты грешник. А как иначе определять? Люди были простые, всё было «дёшево и сердито». В чём-то они были правы, но в основном ошибались. Потому что мы-то теперь знаем, что можно быть праведным и больным. Праведным и бедным. Праведным и одиноким. А можно быть неправедным и богатым. Неправедным и многодетным. Всё это теперь бывает, мы это знаем. Если уж Христа распяли, то чего же ещё ждать от этого мира?

Когда юноша ушёл, Господь с горечью сказал, что богатство лишает человека возможности

войти в Царство Божие. Что верблюду легче пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие. Есть мнение, что игольным ушком во времена Иисуса Христа назывались некие довольно узкие ворота в стенах Иерусалима.

Навьюченный верблюд пролезть в них никак не мог. Но если снять с животного поклажу, то не самый упитанный верблюд, в принципе, мог пройти сквозь это отверстие в стене. В любом случае, даже если правдиво это толкование, свою «поклажу» каждому придётся снять. Нужно голым родиться в вечность, нужно обнищать, нужно лишиться всего.

Родовые пути, через которые при рождении проходит человек, кажутся узкими. Любой младенец кажется слишком большим для того, чтобы родиться из женщины, но как-то рождается. Тесный путь, узкие врата, большая боль — но как-то непостижимо выбирается человек на свет Божий. Примерно так же трудно пробраться в Царство Небесное. Но раз родиться можно через узкие врата, значит, возможно и в Царство Божие войти, хотя это трудно, тесно, узко и тяжело. Нужно усиливаться. Нужно смиряться. Нужно снять с себя всё лишнее. Родиться и в эту жизнь, и в жизнь вечную можно только голым. Царю нужно снять с себя царскую шубу, купцу придётся снять свой купеческий полушубок, мужик снимет с себя пропотевшую от работы полотняную рубаху. Всем придётся совлечься своих одежд и пролезть через узкие врата, пролезть голым, абсолютно обнищавшим. Совершенно нищим рождается человек и в этот мир, и в тот. С большим трудом и совершенно голым. Ничего с собой не унесёшь. Что внутри, в уме, в сознании, в совести — то и с тобой. И вот если мы с трудами, еле-еле, через узкие врата войдём в Царство Небесное — это будет жизнь, братья и сёстры.

Бедному умирать легко. Ему ничего не страшно — ни наводнения, ни пожары, ни дефолты, ни падение валютного курса. У Крылова есть такая басня. Жил бедный сапожник. Он с утра до вечера пел песни. А напротив жил богатый человек, который всю жизнь провёл в тревоге: где деньги хранить, как бизнесом заниматься. И он очень радовался за сапожника: какая святая душа, ничего ему не надо. И богач принёс бедняку мешок денег. Тот поблагодарил, положил эти деньги себе на кровать вместо подушки. Потом подумал: «Нет, надо спрятать под кровать». Спрятал. «Нет, лучше закопать». Закопал. «Нет, лучше перепрятать»... Песни прекратились. Только о деньгах и думал сапожник. Затем, через пару дней, принёс деньги богачу. «Бери, — говорит, — назад, устал я от них. Начались страхи, переживания, проблемы». Отдал — и опять пошёл песни петь... В этой басне много правды.

Всем нам, братья и сёстры, нужно извлечь из сегодняшнего чтения, по крайней мере, два урока. Богаты мы или бедны — всем нам придётся оставить свои имения, состояния, свои мнимые добродетели, на которые мы неразумно надеемся здесь, на земле, — и нищими, голыми протискиваться в узкие врата Небесного Иерусалима. И всё упование мы должны возложить не на богатство или свою «праведность», но на Единого Безгрешного. Потому что конец и мерило всякой праведности — Христос. Праведность праведна не сама по себе. Милостыня хороша не сама по себе. Все подвиги наши, даже любовь к ближнему сама по себе — всё это сомнительно. Если наши дела ко Христу не ведут — это пена, тщеславная пена. Поэтому все добрые дела должны вести ко Христу и только во Христе завершаться. Ибо всё от Него и к Нему, Он — начало и конец, Альфа и Омега. Аминь.

Обращение Закхея[14]

Евангельское чтение сегодняшнего дня очень краткое. Там говорится о том, что Христос, при взятии под стражу Иоанна Крестителя, поселился в пределах Завулона и Неффалима. Вы знаете, что земля Израильская была распределена по жребию на различные уделы. Каждому колену были «нарезаны» кусочки этой земли, где они жили, не выступая за свои пределы. И предел Завулона и Неффалима — это была земля, которая в силу разных причин (захватнических войн, грехопадений израильских, нашествия врагов) была частично заселена язычниками. Язычники приходили, оставались, смешивались с местным населением, и это была полуязыческая страна. У Исайи было пророчество, что в этой стране, в земном пределе колен Завулона и Неффалима, воссияет великий свет, что люди, сидящие во тьме, узрят свет великий. И вот Господь исполняет пророчество, на которое трудно было обратить внимание— оно скрыто среди многих прочих писаний Исайи, как одна песчинка среди моря песка. И это пророчество евангелист Матфей связывает именно с поселением Христа в этих пределах. Христос есть Свет Истины, Он есть Просвещение мира. И этот свет Божий, пришедший в мир, вселился в пределах Завулона и Неффалима.

С того времени, — говорит дальше Писание,— Иисус начал проповедовать и говорить: *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17). До Христа эти слова говорил Иоанн Предтеча. Христос воспринимает проповедь покаяния как эстафету из уст Предтечи и обращается к людям с первыми словами Своей проповеди: «Покайтесь». Эти слова, при всей своей краткости, имеют очень большую важность. Это, с одной стороны, большой подарок нам, с другой стороны — большой труд. Почему подарок, братья и сёстры? Потому что трудно представить, как несносна была бы человеческая жизнь, если бы Бог не прощал нам наши грехи. Если бы не было милосердия Божия. И в отношении грехов действовал бы такой страшный закон: ничто никуда не исчезает, не смывается и не забирается. Мы с вами сгнили бы, наверное, заживо за несколько лет сознательной греховной жизни. Только дети имели бы оправдание своего существования да безумцы, которых Бог не судит, которые за грех не отвечают. Если бы Бог не хотел нас прощать, это был бы конец, братья и сёстры. Собственно, так исчезают с лица земли нераскаянные народы, и города, и фамилии — стираются с карты мира, уходят кто под воду, кто под землю — те, кто не имеет покаяния.

Господь нам даёт покаяние как подарок. Покаяние— это, по сути, открытые двери в Царствие Небесное. Покаяние — это трепет души перед воротами рая, это ощущение близости Бога и одновременное ощущение своего недостоинства. Эта близость Божья вкупе с чувством собственной никчёмности рождает в человеке трепет, желание исправиться, рождает слёзы, воздыхания, желание добрых дел. Собственно, всё это вместе и есть покаяние. Греческое слово «метанойя» означает перемену ума — следовательно, покаяние требует перемен.

Хочу сегодня сказать вам о том, что покаяние— это не синоним исповеди. То есть, между покаянием и исповедью нет знака равенства. Покаяние есть нечто гораздо большее, чем исповедь. Внутри такого огромного понятия, как покаяние, есть место довольно важному, но не всеобъемлющему понятию исповеди, исповедания грехов. Что имеется в виду? Покаяние — это целожизненный труд. Например, человек каете в том, что он не воздержан на язык. И долго пытается бороться с собой. Годами, бывает, продолжается борьба. Человек даёт различные обеты, прикусывает свой язык, плачет, молится, удаляется от ненужных сообществ. И всё-таки падает и согрешает — язык всё равно берет своё. Но человек трудится над собою, и это, собственно, и есть покаянный труд. Или, например, человек в какой-то период жизни осознаёт свои грехи и говорит Богу: «Господи, я хочу, чтобы Ты простил мне мои грехи, а я, со своей стороны, например, каждое воскресенье буду ходить в больницу к больным». Это — тоже покаяние. Или человек, скажем, зарабатывал неправедно. Мы

---

[14] Лк. 19:1-10.

слышали сегодня о Закхее: приходя в разум, он понимает, что окружён неправедным богатством. Деньги или вещи украдены или незаконно присвоены, они, по сути, — кристаллизованный пот бедняка. Что такое копейка или рубль? Это — пот и слёзы бедного человека, труженика.

Стяжатель окружён потом и слезами людей, которые живут худо и работают больше. Если эта мысль вдруг пронзит человека, собравшего себе неправедное богатство, то как он должен каяться? Он должен, конечно, идти на исповедь, но этого мало. Он теперь должен раздавать то, что собрал неправедно. Без этой раздачи покаяние будет хромым на одну ногу, кривым и горбатым, оно будет неполным. Или если человек, скажем, изменял жене, ходил каяться, а после исповеди делал то же, это — не покаяние. Но коли человек действительно проклял свою жизнь, перечеркнул её, отказался так жить и решает исправиться — пусть это стоит ему бессонных ночей, терзаний плоти, мук совести, — но человек идёт на этот труд —тогда это покаяние. Поэтому, братья и сёстры, не ограничивайте, пожалуйста, покаяние только называнием своих грехов на исповеди. Иногда можно грех называть, но с грехом остаться. Бывает так, что люди и называют грех, но не отстают от греха.

Вообще, покаяние — это широчайшее поле человеческой деятельности. Многие преподобные отцы умирали и говорили: «Не знаю, положил ли я начало покаянию». Классический пример — преподобный Сысой Великий, который перед смертью говорил, что он сомневается, начал ли он каяться. Другие убеждали его, что он велик, а он отвечал, что это мера человеческая, но иная мера у Бога.

Есть много примеров того, как люди каялись. Одни, желая загладить свои беззакония, всякие полученные деньги делили на три части: на себя, на храм, на бедных. Это — покаяние. Некоторые, допустим, в праздничные дни накрывали столы для бедных и нищих, по-нашему— для бомжей и калек, и сами за столом прислуживали. Некоторые князья, цари, короли, фельдмаршалы, купцы, дворяне не гнушались этим заниматься. Надевали простую одежду, вешали на руку полотенце и прислуживали за столом нищей братии, как Самому Христу. Служили ради того, чтобы Бог грехи простил. Это — покаяние. Некоторые предпринимали пешие паломничества по святым местам. Сегодня можно сесть в комфортабельный автобус или залезть в плюшевое брюхо большого самолёта и через 2 часа оказаться, например, в Иерусалиме. Это — не паломничество в чистом виде, братья и сёстры, и мы сегодня путешественники по святым местам, но не паломники. Не идём мы босыми ногами, с сапогами на плечах, с Псалтирью в руках неделями, месяцами — никакого труда сегодня не берёт на себя паломник. Значит, он просто путешественник. Сфотографироваться, потом показать всем: вот Стена плача, вот я рядышком; вот Храмовая гора, а вот я тут улыбаюсь. Это — паршивая вещь. Я внутренне ненавижу такие лживые паломничества.

Зато вот знаю лично и совсем других паломников. Некоторые почили, некоторые ещё живы. Была такая женщина, многодетная, Вера, ныне покойница. Семь детей родила, жила с мужем-безбожником. В церковь её ни разу за 30 лет не пустил, 30 лет дома молилась. Потом, когда муж умер, а дети выросли, она, чтобы как-то покрыть эти годы, проведённые без молитвы, без Причастия, без литургии, без праздников, —она каждый год дважды ходила в Почаев пешком из Львова. Путь у неё три дня занимал. Были остановки по пути, ночевала у благочестивых людей. Три дня туда, три дня обратно. День-два —там. Вот так, недельку, чуть больше. Ходила лет с пятидесяти до семидесяти, лет 20, каждый год два раза. Вот это паломники, это покаяние, это труд.

Так что, братья и сёстры, покаяние — это большущее, огромное непаханное поле. Не знаю, начали ли мы его пахать?

Хотя исповедь — тоже труд, а первая исповедь для человека — это как с моста в воду броситься, но потом и исповедь может войти в привычку. Грехи наши повторяются. Это наша беда. Сколько грехи ни исповедуй, всё равно они появляются. Как сорняк — его не сеяли, а он растёт себе. Как пыль — сколько ни вытирай, она всё равно появляется.

Покаяние, повторю, — это огромное поле деятельности, включающее в себя и отношения с ближними, и исправление собственной жизни от вредных привычек, и милостивое отношение к тем, кто нуждается в нашей милости, и различные труды. И воспитание детей сюда входит, и молитва, и изучение Писания, и тайные труды, которые каждый себе придумает и Бог подскажет, о которых знать никто не должен. Потому что настоящие добрые дела — лишь те, о которых никто не знает, за что никто нас не похвалит. Вот настоящая посылка, отправленная нами в Царствие Небесное. Она там сохранится. Если нас кто хвалит — это уже не наше, всё пропало. Потому что похвалой земной отнимается похвала небесная. А есть такие тайные подвиги, о которых даже самые родные и близкие знать не должны. Это — покаяние. Вот к этому Господь нас зовёт. *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное* (Мф. 4,17). Это — большой подарок, братья и сёстры.

Мы все не без греха. Но Златоуст в одной из своих проповедей говорит так: «Если грех вошёл в твою душу, пусть он будет гостем, а не хозяином». Погостил грех у тебя в душе — выгоняй вон этого наглого квартиранта и занимайся домом своей души сам. Будь хозяином своей души. Грехи приходят к нам, как наглые гости, которые являются, сидят до ночи, воруют твоё время, твои силы. Так грехи воруют наши силы душевные, разоряют наш душевный дом. Как в сказке: лисичка хотела погреться в домике у зайчика, да постепенно и выжила его из избы. Так и грехи поступают с нашей душой. Но Златоуст говорит: грех зашёл в твою душу, пусть погостит, но пусть вон уходит, он побыл гостем, но ты оставайся в душе своей хозяином.

Покаяние— это слёзный труд. Это, если угодно, сдирание с себя кожи. В одном из древних библейских пророчеств говорилось, что есть состояние, в котором покаяться уже нельзя. Пророки говорили евреям, закосневшим в своих беззакониях: как эфиоп не может сменить свою чёрную кожу на белую и как рысь не может поменять свою пятнистую шерсть на кожу гладкую, так и вы покаяться не можете, не можете меняться. Есть в одном из псалмов, который мы читаем перед литургией на Часах, такие слова: *Несть бо им изменения, яко не убояшася Бога* (Пс. 54, 20). Не могут поменяться, потому что Бога не боятся. Начало премудрости — страх Господень (Прит. 1,7). Кто Бога боится, кто возделывает в себе Божий страх, тот может постепенно меняться с Божьей помощью, а вот у кого нет страха Божия — несть им изменения. Так что, есть такое жуткое состояние, когда человек покаяться уже не может. Вот бесы уже покаяться не могут, и этого особо нужно бояться, дорогие христиане. Можно так зачерстветь и закостенеть, что душа не будет способна к переменам. Нужно просить у Бога душевной гибкости, чтобы сбрасывать с себя отягчающие оковы греха, и распрямляться, и обновляться, как в псалмах говорится: *Обновится яко орля юность твоя* (Пс. 102,5). То есть, когда человек покается истинно, когда он примирится с Богом, когда он сделает деятельный шаг Богу навстречу, то за его плечами будто крылья вырастают, он себя орлёнком чувствует— так бы и полетел. И запел бы, и полетел бы, и всего мира было бы мало. Весь мир хочется обнять, когда на душе спокойно, когда душа чистая. Это — покаяние.

Покаяние вообще вмещает в себя всё. Когда мы навещаем умирающего, когда призываем к себе друзей, когда у себя дома принимаем странников— это всё покаяние. Всё это рождается из главного семечка — из желания исправиться и очиститься, Богу угодить и Богу послужить. Это, собственно, всё и есть покаяние.

Сегодняшняя неделя является неделей Закхея. Это одно из евангельских чтений, которые положены в дни приближения к Великому посту. Пасха в этом году ранняя, поэтому сегодня мы слышим первое чтение, которое нас готовит к деятельному покаянию. Эта история наверняка всем хорошо известна. Закхей был сборщиком налогов, собирал сокровища и знал, что его богатство неправедно. Он был мал ростом, и народ закрывал от него идущего Христа. И чтобы хоть издалека Христа увидеть, Закхей, будучи человеком немолодым и весьма известным, не постыдился залезть на дерево. Это — тоже покаяние. Презрение стыда, презрение общественных предрассудков. Залез на дерево, чтобы Христа увидать.

Господь этот труд не оставил без внимания. «Слезай, Закхей, — говорит ему Господь. — Сегодня Мне нужно быть в твоём доме». И Закхей принял Его в свой дом, и была вечеря. От близости ко Христу сердце мытаря умягчилось. И кающийся грешник, находясь вблизи Христа, рождает в себе покаянные мысли. Закхей говорит посреди вечери: *Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк. 19,8). По словам Златоуста, таким образом Закхей сразу же лишился всего своего имения. Потому что если половину сразу отдать нищим, а ещё в четыре раза больше — всем обиженным, то, может быть, на всех обиженных имения и не хватит. Таким образом, Закхей родил из себя покаянную мысль и в одночасье лишился всего своего неправедно собранного богатства. Церковное Предание говорит, что впоследствии он стал епископом и даже священномучеником, потому что пострадал за Христа и кровь свою пролил во имя Господа Иисуса.

Христос называет его сыном Авраамовым. Авраам был милостивый человек, гостеприимный. Вы наверняка помните, как у Мамврийского дуба он однажды принимал в своих шатрах Бога. Перед тем как сжечь Содом, Господь посетил под видом трёх Ангелов Авраама, жившего у Мамврийского дуба. Одно из важных качеств христианских и вообще человеческих — это гостеприимство. Авраам выбежал навстречу трём неизвестным Путникам и сказал: «Господин мой, зайди ко мне, я умою ноги твои, накормлю тебя». Таким образом, благодаря гостеприимству Авраам стал человеком, который принял в гости Бога. Поскольку Христос, Бог Истинный, во плоти пришедший в мир, вошёл в дом Закхея, то получается, что и Закхей, как ранее Авраам, принял Бога в свой дом. И как Авраам был праведен, так и Закхей решил избавиться от грехов и исправить их покаянием. Поэтому он — сын Авраама. Поэтому Господь отвечает на упрёк, что, мол, к грешнику Он пришёл, говоря, что и сей тоже — сын Авраама.

О Себе Христос говорит, что Сын человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее. Мы, братья и сёстры, и есть та погибшая драхма из притчи Христовой о женщине, потерявшей дорогую монету. Она ходит со светильником по дому, подметает пол, чтобы найти монетку. Находит её и радуется, и созывает подруг, чтобы порадовались с ней. В этом большущем мире, в этом огромном доме Божьем каждый из нас — потерявшаяся монетка. И мы теряемся в этом доме через грех. Господь зажигает светильник слова Своего, светильник церковной проповеди, светильник благих дел, светильник различных благодатных дарований. И с этим светильником Церковь Христова, как хозяйка, ищет душу человеческую. Метёт весь дом ради единственной души, подметает весь мир ради одного человека. И вот — радость: ещё один пришёл, ещё одна душа спасается, и Господь на радостях зовёт всех Ангелов: «Взгляните, ещё один беззаконник вчерашний пришёл сегодня, заплакал, покаялся, очистился. Начинается его новая жизнь. Радуйтесь со Мною! Я нашёл ещё одну погибшую драхму!» На каждый сантиметр земного мира Господь внимательно смотрит. Но в особенности очи Его обращены к кающимся душам, туда, где положено начало покаянию, исправлению.

Сегодня мы можем сделать два вывода. Во-первых, покаяние— это наш общий труд до смерти. Нельзя говорить: «Я уже покаялся». Это — глупые слова, потому что покаяние есть труд целой жизни. Покаялся — так зачем ты теперь живёшь? Ведь есть другая, лучшая жизнь. Если бы ты покаялся по-настоящему, то тебя бы уже не было. По-настоящему покаявшиеся переселяются отсюда туда — из худшего в лучшее. Также нельзя сказать: «Я уже читал Библию» или «Я уже однажды молился». Глупее слов придумать невозможно. «Одноразовым» покаянием грешат сектанты, и весьма серьёзно. «Я покаялся», — говорят они. Мы же отвечаем: «А я уверен, что до смерти буду каяться».

В молитвах церковных мы возносим такое прошение: «Господи, дай нам благодать покаяния». Без благодати Божьей человек покаяться не может. Без Божьей помощи мы ожесточаемся, забываем свои грехи и замечаем чужие, черствеем сердцем, впадаем в уныние и лень. В конце концов, от веры можем отказаться, дойти до крайней степени духовного невежества. В самую глубину зол можно упасть, если Бог не даст благодати покаяния. Поэтому, покаяние наше является нашим только наполовину. В общем-то, это Божий дар для нас самих.

Итак, две главные вещи. Во-первых, мы должны всю жизнь каяться, но каяться ещё бодро, к тому же. Покаяние вовсе не значит скисший вид, унылое лицо, постоянное смиреннословие. Говорится: будь смиренным, но не смиреннословь. Смиреннословие — это ненужное, фальшивое сюсюканье о том, что все мы грешные, и я такой грешный, такая грешная. Эта псевдо- христианская болтовня никому не нужна. О своих грехах рассказывать никому не надо, покаяние следует иметь внутри себя. Если другие тебе скажут: «Ты — грешник», — и ты без протеста ответишь: «Да, я грешник», — это будет правильно. Часто же бывает наоборот: «Я такой грешник!» — «Да, ты грешник». — «Что?! Я грешник? Ты сам грешник!» Сам о себе не говори, а если тебе скажут со стороны — смирись, промолчи, это будет верно. Смиреннословие не нужно, нужно смиренномудрие без смиреннословия. Кающийся человек бодр, готов на добрые дела. Как воин на страже. Затрубила труба — он вскочил и побежал на добрые дела. Нужно помочь — ты готов, нужно в храм прийти, работа есть или служба — ты готов. А размякшие от усталости и уныния, сквашенные, как капуста, — это не кающиеся. Это — «лукавые рабы», есть в Евангелии такие строгие слова. Поэтому настоящее покаяние нами ещё не пробовано на вкус, мы к нему ещё пальцем не прикоснулись. Это— большое поле, которое нужно пахать, огромная задача, которую нужно решать. Такова наша первая сегодняшняя тема. Я думаю, что о ней стоит размышлять и вникать в неё. Потому что дело нашего исправления — это дело нашей вечной жизни. Это условие нашего вхождения в несравнимую и нескончаемую радость Господа нашего.

И второе: мы наконец приближаемся к Великому посту. Уже сегодня звучало первое великопостное чтение о Закхее, а следующая Неделя будет Неделя о мытаре и фарисее. И ещё так недавно отпраздновав рождественские праздники, мы уже движемся к Великому посту, к этой весне душевной, постной весне.

Исцеление бесноватого отрока. О вере и неверии[15]

Сегодня нам предлагается семнадцатая глава Евангелия, где рассказывается о Преображении и последующих событиях.

Господь взошёл на высокую гору для того, чтобы показать ученикам Свою веру и укрепить в вере избранных, дабы потом избранные укрепили остальных. Таков закон, братья и сёстры, жизни человеческой. Не всем даются одинаковые блага, абсолютного равенства среди людей нет. В чём-то равенство возможно, а в чём- то утверждено благословенное неравенство. Одному даётся больше, и с него больше спрашивается. Другому даётся меньше, для его же блага. Нужно понимать это и не бунтовать. Премудрости Божией угодно, чтобы люди были неравны, чтобы сильнейшие укрепляли слабейших, родители в молодости поднимали на ноги детей, а выросшие дети укрепляли ослабевших в старости родителей. Это неравенство даёт место любви и зовёт людей на труды.

Среди апостолов были люди избранные, видевшие более других. Это Пётр, Иаков и Иоанн. Их Господь берёт на гору, чтобы показать Свою Славу, дабы они впоследствии являлись ядром апостольства и укрепляли других. Остальные ждут у подножия. И когда Христос с тремя учениками спускаются с горы, они находят оставшихся внизу учеников смятёнными, слышат шум. Оказывается, что некий человек привёл своего беснующегося сына и просит апостолов исцелить его. Между ними происходит распря, потому что апостолы, сколько ни пробуют, не могут помочь.

Христос, посылая на проповедь учеников, дал им великую власть — изгонять бесов, поднимать мёртвых и врачевать всякую болезнь и всякую немощь (Мф. 10, 1). Апостолы пользовались этой властью благоразумно и радовались. В Евангелии для нас сохранилось радостное признание учеников:

---

[15] Мф. 17:14-21; Мк. 9:14-32; Лк. 9:37-46

Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоём (Лк. 10,17). Хотя Он говорил им: *тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10,20).

Но на этот раз бес не послушался. Ученики употребили силу и власть, данную Христом, но не получили желаемого, и Христос нашёл их в смятении. Отец бесноватого припал ко Христу, моля: если можешь, помоги нам. И Господь выгоняет беса из юноши, но перед этим у него вырываются горькие слова: О *род неверный и развращённый! доколе буду с вами и буду терпеть вас?* (Лк. 9, 41). В двух словах, кратко Христос обозначает болезнь человеческого рода: неверие и развращение. Неверие касается мысленной сферы нашей жизни. Человек — существо двоякое, духовно-телесное. И в нём есть «умная» часть, которая грешит по-своему, и есть плотской состав, который тоже грешит по- своему. Есть соответствующие добродетели и грехи для каждой из наших частей. И наша «умная» часть и есть в нас самое ценное. Ведь человек ценен не телом. Телом человек наг, слаб, смешон и безобразен. Нужно сильно постараться, чтобы сделать его красивым при вспышках фотоаппаратов. На самом деле нагой человек жалок. Чуть-чуть холоднее — и он посинеет и будет дрожать, стуча зубами. Чуть-чуть пожарче— и он покроется потом и будет некрасив. Чуть-чуть он моложе— ещё немощен и зелен. Чуть-чуть постарше — он уже дряхл, и бывшая красота его клонится к земле. Телесно человек — очень слабое существо. Вся сила человека — в благородстве его души, в его уме, в способности молиться Богу, в способности подчинять себе силы природы, разумно и справедливо устраивать быт и общежитие людей между собой. В этом человеческое благородство. Мы не бегаем быстрее гепарда, не лазаем по деревьям проворнее обезьяны, не можем жалить, как пчела, и зарываться в землю, как крот. И зрение наше слабее, чем у орла, и плавать, как дельфин, мы не умеем. Мы бы ничего не умели и не имели, если бы не ум. Безумный человек не имеет ничего. А умный человек имеет всё, потому что при помощи ума подчиняет себе собачьи зубы, овечью шерсть, — заставляет мир служить себе.

Человек, будучи двояким, и грешит тоже двояко. У него есть грехи ума и грехи плоти. Грехи ума —это неверие, грехи плоти — это развращение. Они связаны воедино, в некую греховную цепь. И Господь в двух словах назвал нашу общую болезнь. «Род неверный и развращённый»— эти слова касаются не только людей, которые страдали от бесов, и не только апостолов, которые тоже не были Ангелами. Они были простыми людьми, имевшими тщеславие и страх, пока от всего этого не очистились. Они были простые, они любили Христа, но они не были свободны от страстей. И Господь с горечью сказал: до каких пор Я буду с вами, до каких пор буду терпеть вас! Человеку тяжело вращаться среди тех, кто на него не похож, особенно если «не похож» в худшую сторону.

Был такой известнейший философ Алексей Фёдорович Лосев. Человек, получивший четыре академических образования. Он — музыкант, окончивший консерваторию, астроном, философ и даже филолог. И когда его сослали на Соловки, он больше всего страдал от того, что нет книг и кругом мат — такой густой мат, что топор можно вешать. И разговаривать не с кем, и читать нечего, и кругом жуткая словесная атмосфера. Да, пайка скудная, живёт человек впроголодь, ни за что посадили, отлучив от любимого дела и от семьи. Всё это страшно, но непосредственно больше всего мучит то, что не с кем поговорить и слушать окружающих невозможно. Это — некий дальний отблеск того, что Христос ощущал, живя на земле. Будучи совершенно здоровым душою и телом и абсолютно безгрешным, не имея в Себе никакой закваски греха, ни единого пятнышка, Он жил среди людей прокажённых. Представьте, что здоровый человек живёт в сумасшедшем доме... Есть такая горькая шутка, что единственная разница между психиатром и его пациентом состоит в том, что психиатр ночует дома, а больной лежит в больнице. Это реальность.

В современных фильмах главные герои нашего мира — это бандиты и милиционеры. Заметьте, милиционеры чрезвычайно похожи на бандитов. Они быстро меняются местами, и трудно разобрать, кто бандит, а кто милиционер, потому что занимаются они одним и тем же. И надзиратель тюремный тоже в тюрьме сидит, только он с одной стороны камеры, а заключённые — с другой. Это наша жизнь, и трудно, поняв всё это, не вздохнуть.

А Христос чист, даже находясь среди грешников и глупцов. Человек глуп — ведь грех оглупляет. Смертные, грешные, помрачённые — а между ними находится Светлый, Ясный, Бессмертный, Мудрый, Благой. Сама жизнь среди людей, безусловно, для Христа была тридцатитрёхлетним мучением. Когда мы говорим о страданиях Иисуса Христа, мы не погрешим, если скажем, что Крест был венцом страданий, а самим страданием была жизнь на земле. Для Христа жизнь на земле была настоящей мукой. Но в Евангелии Он изливает из Себя лучи радости, благодати. Он всегда спокоен и твёрд, и лишь изредка позволяет таким проявлениям сердечной боли и горечи вылиться наружу. Когда Он плакал над гробом Своего любимого друга Лазаря, над его четверодневным трупом, обоняя смрад разлагающегося тела, — Он плакал не просто от сентиментальности, что друг умер. Он плакал над всей человеческой природой. Господь плакал о том, как унизился человек от греха и как грех издевается над человеком, как смерть позорит его.

Вернёмся к Евангелию. У Христа вырывается возглас: «доколе буду с вами?» На самом деле Он недолго был с нами. Господь прожил на земле малый срок. Многие из нас пережили Христа два раза, некоторые и более, чем в два. На самом деле Его земная жизнь соизмеряется с нашей жизнью не в категориях «год за год», а иначе: год за два, год за пять, год за сто. Жизнь Бога на земле имела совершенно другую цену.

Исцелив бесноватого юношу, сотворив эту милость страдающему отцу, Господь отдельно повёл беседу с учениками. Заметьте себе, как праздники сменяются буднями. Только что они были на горе, только что были Слава, красота, сияние, Илия, Моисей... Вот они спускаются, попадают в гущу событий — здесь внизу бесноватые, спорящие люди, крики, шум. И, конечно, всё это скорбно. Так праздник сменяется скорбью, и нет на земле никакой радости, не причастной к печали. Оттого человеку в печали необходимо терпение, ведь любая печаль пройдёт, а в радости нужно воздержание, сдержанность, потому что всякая земная радость тоже пройдёт. Потом апостолы наедине спрашивают Христа: почему мы не могли изгнать этого беса? И Господь говорит: за неверие ваше. Очевидно, здесь не имеется в виду, что они не верили, что Христос дал им эту власть, или что они не верили, что могут выгнать именем Христа этого нечистого духа. Не могли они не верить и в то, что Бог есть. Здесь какое-то особое неверие. Потому что и вера бывает разная, и неверие бывает разное. Очевидно, когда Господь отвечает: «За неверие ваше», — Он говорит о какой-то особой вере.

Вера бывает разной. В каком-то смысле можно сказать, что сколько людей — столько градаций веры. Насколько много сердец в мире, настолько по-разному они силятся веровать и любить. Есть вера рациональная, холодная, не дающая плодов, не рождающая из себя дел. О том написано у апостола Иакова: *Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2, 19). Если ты убеждён, что Бог есть, что Бог жив, что Бог — это Бог, и Он вечен, премудр, свят, благ, вездесущ, всеведущ — это немало, но это — ещё не вера спасающая. Потому что можно верить в это всё, но никак не оправдать свою веру жизнью. Есть вера суетная, холодная, поверхностная — и есть вера чудотворная, дерзновенная, горячая. И здесь Господь наверняка упрекает учеников именно в отсутствие этой чудотворной, живой и действенной веры. Как красиво сказал, кажется, Исаак Сирин: «Тот, кто верит, что Бог всемогущ, поступает правильно, но это ещё не всё. По-настоящему верит тот, кто верит, что он может всё у Бога выпросить». Другими словами, за веру нужно бороться, её нужно умножать. И вся жизнь наша — это поле борьбы за веру. Нам может казаться, что мы верующие люди, но со стороны будет заметно, что «король-то — голый», и нет уже давно веры в человеке. За веру нужно бороться. Как видите, это касалось даже апостолов.

Дальше, беседуя с учениками, Господь говорит о бесах: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Он повелевает апостолам подвижничать, он повелевает им трудиться. С одной стороны, Иисус Христос подарил им власть совершать чудеса для того, чтобы чудесами запечатлевалась вера в Спасителя. Люди черствы сердцем и больны умом, и чтобы встряхнуть человека, нужно было сказать ему слово истины, а потом совершить чудо, дабы человек убедился.

«Если чудес не увидите, — говорил Господь — то и веровать не будете». Потому апостолы получили дар и во имя Христа совершали разные дела. Но творение чудес — это не просто подарок, нужно ведь ещё и лично потрудиться. Именно об этом говорит Господь. Понять это можно на грубом примере. Каждый милиционер имеет право перед законом, перед обществом, перед совестью задержать бандита и привести его за шиворот в милицию. Но не каждый милиционер имеет храбрость и силу, необходимую для того, чтобы обезвредить преступника. Тебе дали власть, ты имеешь право, ты должен — но ведь бандит может оказаться сильнее.

Кроме того, что ты получил корочку и табельное оружие, ты должен заниматься в спортзале, работать над собой, чтобы в экстремальной ситуации оказаться дееспособным. А если ты каждый день пьёшь пиво и дурака валяешь, то когда придёт беда, ты окажешься слабее преступника.

Как священник становится священником? Совершается богослужение, называемое таинством священства, и на ставленника (человека, готовящегося к рукоположению) возлагает руки архиерей, наследник апостольской благодати. Он просит всех присутствующих помолиться, и народ молится: «Господи, пусть приидет на него благодать Святого Духа». Сам архиерей читает специальные молитвы, через возложение рук возводя на ставленника благодать Духа Святого. Все священники имеют одинаковую благодать, но действует она во всех по- разному. Один положил себе каждый день читать по две главы из Евангелия и класть по сорок поклонов, а другой положил себе никогда ничего не делать, до самой смерти. Они оба — священники, оба могут принимать исповедь и отпускать грехи. Но как-то больше хочется идти к одному, а не к другому. Потому что они-то хоть и священники, но разные. Так и доктора: за одной партой сидели в мединституте, одни и те же лекции слушали, одновременно получили лицензию, но почему-то к одному очередь, а к другому — никого.

Мы все крещены, получили одну и ту же благодать, но почему так по-разному живём? Очевидно, разное усердие, разные таланты, разные привычки... Потому и беседует Христос с учениками о необходимости подвига. Они получили в дар благодать, но теперь нужны их собственные труды. «А раз вы хотите воевать с бесами, — говорит Господь, — то знайте: этот род подчиняется только молитве и посту». Молитва соединяет человека с Богом и даёт ему в руки меч. Пост делает человека легче, покоряет тело — духу, и тогда человек уже может сопротивляться бесплотным духам. Но, конечно, главное — это смиренное, простое мудрование. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50,19). В посте мы беса не опередим, так как бес никогда не ест. Но мы можем стяжать то, чего у беса нет — простоту, смирение и кротость. Бес нагл, бесстыден, горд, он не умеет прощать. Его может победить душа простая, много о себе не думающая.

Господь говорит нам, братья и сёстры, чтобы мы трудились лично, прилагали труды к трудам. И эти труды затачивают меч, который Бог нам подарил. Представьте, что всех нас, христиан, приняли в рыцарский орден. Господь посвятил нас в священное братство и каждому дал в руки меч. Но у одного меч заржавел, затупился, а у другого блистает на солнце, как алмаз, и отточен, и человек умеет им пользоваться. Какую часть из заработанных денег ты отдаёшь в виде милостыни? Сколько времени ты проводишь в молитве? Насколько ты любишь Писание? Насколько твоё сердце свободно от зависти, ненависти, обид на окружающий мир? Насколько вообще ты веруешь? Действенная вера — это нечто чудесное. Господь Иисус Христос однажды выражал сомнение, что Сын Человеческий, придя на землю во второй раз, найдёт там веру. Но какую веру имеет в виду Господь? Веру живую, действенную, простую и одновременно высокую. «Во что-то» и «как-то» верить будут наверняка. Можно быть уверенным: в период приближения Страшного Суда такого упёртого, неповоротливого, дубового атеизма в мире не будет вообще. Все будут верующие, но как верующие, во что верующие? Не в то, что нужно, и не так, как надо. Люди станут хитры и изощрённы в выдумывании себе оправданий для невыполнения Божьих повелений. А настоящей веры, такой, что горами движет, будет чрезвычайно мало.

В сегодняшнем же Евангелии Господь говорит: *Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдёт; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф. 17, 21). Речь идёт как раз о вере чудотворной. Я хочу иметь такую веру, и дай мне, Боже, такую веру. Но у меня нет желания двигать горы, братья и сёстры. Есть желание иметь такую живую веру, чтобы измениться самому, чтобы сдвинуть в море милосердия Божия горы своих грехов. У каждого из нас есть свои горы и своё море. И нам нужна чудотворная вера не для того, чтобы перемещать Говерлу или Ай-Петри. Нам нужно сдвигать горы своих грехов туда, к морю милосердия, и топить грехи в этом море. Это возможно. Хотя были в истории Церкви подвижники, которые буквально исполняли эти слова.

Вспомним житие Марка Подвижника. Этот человек жил на пустынной горе в Греции, и бесы выгоняли его с этой горы, говоря: «Это место — наше». Не раз они сбрасывали Марка с горы, а он вновь заползал туда с редкой настырностью и говорил: «Я буду здесь молиться!» Его опять сбрасывали, и он, весь израненный, с разбитыми локтями и коленями, снова лез вверх: «Нет, я буду здесь молиться! Вам здесь места нет». И так преподобный победил бесов и жил на этой горе долгое время. Однажды к нему пришёл какой-то раб Божий, и Марк попросил его: «Расскажи мне, кто сейчас император».— Тот ответил.— «А скажи, сейчас есть война?» — «Нет, Бог дал мир». — «Вот хорошо! А скажи, монастырей много? А как люди живут? А чудотворцы есть?» — «Что значит чудотворцы?»— «Ну как... Чтобы люди делали, что в Евангелие написано. Вот, к примеру, сказал этой горе: сдвинься в море!» — При этих словах преподобного гора подвинулась, а Марк закричал: «Стой, стой, это я не тебе, я просто вспомнил Евангелие!» И гора подвинулась обратно. Христианин упал перед ним в ужасе: «Я такого не видал и не слыхал!» Марк удивился: «Как ты не видал такого?» — «Да так, не видал». Тогда Марк Подвижник удивился: «А как же вы живёте, если у вас никто не может исполнить то, что Господь сказал?»

Вот и я вас спрашиваю, как же мы живём? Если насельники всех монастырей соберутся и все хором закричат: гора, сдвинься! — никакая гора не двинется. И мы ходим к горе потому, что гора не идёт к нам. Так как же мы живём, братья и сёстры? Плохо мы живём, некрасиво, мелко, нечудотворно. Не по-евангельски живём, не по-христиански. Но одно только утешает: мы знаем об этом. И мы можем вздохнуть: «Нет у меня ничего, Господи». А Господь нам скажет: «Да ничего и не надо. С тебя, как с паршивой овцы, ничего и не надо, разве только шерсти клок. От тебя только и нужно, чтобы "Верую" знал наизусть и на литургию в воскресенье приходил». Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.

Хотелось бы быть таким молитвенником, как Давид, таким сильным, как Самсон, таким справедливым, как Самуил, и таким чудным, как Василий Великий. Но не будет этого, и я уже смирился с тем, что этого не будет. Вы можете не смиряться. Может, у вас это ещё будет. Но главное — это знать себя, не лезть выше своей головы. Сесть тихо на место и сказать: «Господи, прости меня, какой есть — такой есть. Хотелось бы лучше, да нет сил. Дай мне это зёрнышко горчичное, чтоб я сдвигал горы своих грехов ближе к морю Твоего милосердия, чтоб они там утонули и больше их не было». Нужно бороться за веру, укрепляться в ней. А вера, братья и сёстры, рождает и надежду и любовь. Если веры в человеке нет— в нём не может быть надежды, он в беде отчаивается. Если веры в человеке нет — он не умеет любить, его удел — только ложь и сентиментальность. Никакой любви нет у неверующего человека, есть только эгоизм да фальшивые улыбки. Но если вера есть, то и всё остальное будет. Поэтому давайте будем бороться за веру истинную, живую — веру, передвигающую горы. Не Памир и не Казбек, а горы, которые в душе наслоились, залежались и мешают нам дышать.

Победы в этой борьбе я всем и желаю.

Правило христианской нравственности[16]

Давайте поговорим о том, что сегодня читали из Евангелия. Господь говорит: *Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7,12). Эти слова часто называют золотым правилом нравственности. Христос умел быть предельно кратким. Всё огромное поле заповедей и нравственных обязанностей, весь Закон и пророки он вмещал в две заповеди: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим и Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37-39). Так и в сегодняшнем чтении краткими словами Господь ставит перед нами громадную задачу. Все жизненные ситуации вмещаются в слова: во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними.

Это золотое правило имеет два прочтения: отрицательное и положительное. Слова, которые я только что повторил, — положительная трактовка правила. Как ты хочешь, чтобы делали тебе, так делай и другим. Хочешь, чтобы тебе было кому в старости подать стакан воды — сам уважай старость и почитай немощь. Хочешь, чтобы ты в болезни не был оставлен — и сам, пока здоров, оглядывайся вокруг себя, и, увидев больного, помоги ему. Другими словами, хочешь что-нибудь себе — тепла, защиты, уважения, помилования — и ты твори то же. Нравственный закон ещё более точен, чем швейцарские часы. Это — положительная трактовка.

Есть и трактовка отрицательная — она читается в Библии в книге Деяний, где апостолы, собравшись на Собор Иерусалимский, думали о том, какие заповеди из Закона оставить для христиан как обязательные. Они решили не мучить христиан многочисленными предписаниями, оставить только эти — не есть крови, не блудить, не есть удавленного (то есть такой пищи, которая не прошла через обычное закалывание, которая задавилась как-то сама, и кровь в ней спеклась; у евреев такое животное считается нечистым, и христиане этого есть не должны). И — золотое правило: не делать другим того, чего себе не желаешь. Это всё, что из Закона оставили апостолы.

Эти слова — *не делать другим того, чего себе не хотите* (Деян. 15,29) — обратная сторона уже знакомой нам монеты. Если там сказано: делай людям то, что ты хочешь себе, то здесь говорится: не делай людям того, чего не хочешь себе. Господь зовёт нас к деятельному доброделанию, к богатству добрых дел, которых мы хотели бы и по отношению к себе. А апостолы напоминают, чтобы мы не делали людям зла, чтобы не делали другим того, чего не желаем себе.

До того, что сказали апостолы, доросли и философы Древнего мира. Китайские мудрецы говорили, что самое важное в жизни — научиться не делать людям того, чего не хочешь себе. Когда греческих философов спрашивали, что является главным в отношениях с людьми, они отвечали: не делай другому того, чего себе не желаешь. Еврейские мудрецы говорили о том же. Однажды спросили одного иудейского учителя (это было ещё в дохристовы времена): «Расскажи нам смысл Закона за то время, когда можно стоять на одной ноге». Ну, сколько так простоишь? Минуту-две. А еврейский мудрец поднял ногу и сказал: «Не делай другим того, чего себе не желаешь», — и тут же стал на обе ноги. — «А зачем всё остальное?» — «А это комментарии. Идите, учите комментарии».

Эти две заповеди столь просты, что унести их с собой в сознании очень легко. Иногда нам ставят в упрёк, что наш народ, который уже тысячу лет следует христианству, не имеет глубоких книжных познаний, что у нас мало было учёного духовенства. Действительно, столетиями многие люди из народа не умели и читать. Глубоких христианских знаний в народе быть просто не могло. Но могла быть святость, потому что самые главные вещи легко запоминаются наизусть. «Отче наш» можно выучить на память? Можно. «Помилуй мя, Боже» и «Верую»— можно? Можно. Все главные заповеди — любовь к Богу и любовь к ближнему— может запомнить даже человек, страдающий

[16] Мф. 7:12; Лк. 6:31

склерозом. И, наконец, вот эти самые важные слова: то, что ты хочешь, чтобы делали тебе другие, делай и ты. Того, что ты не хочешь, чтобы тебе делали, и ты не делай. Проще простого, легче лёгкого. Поэтому люди, которые это запомнили, которые захотели унести это в своём сознании и поступать так, исполняют Закон Божий, даже не обладая академическими познаниями и даже вовсе не зная букв.

Человек живёт по воле Того, Кто создал его. Если Господь все остальные творения заключил в рамки закона и обязанностей, то человеку Он дал свободу. Животное не может жить другой жизнью, кроме той, что в его природе: волк живёт по-волчьи, он по-паучьи и по-птичьи жить не может. А человек может жить, как хочет: и как волк, и как ягнёнок, и как свинья, и как пчела. Человек может быть животным, может быть Ангелом, может быть демоном. Бог сделал нам такой страшный подарок— Он дал нам свободу. И с ней человеку очень сложно разобраться. Человек несёт на себе крест свободы как тяжёлую ношу, как священный груз и как большую ответственность. Мы свободны, но Господь рассказал нам, как же Он хочет, чтобы мы жили. Эти простые слова нам читаются сегодня из Евангелия.

Далее в Евангелие говорится о том, что человек будет иметь похвалу от Господа только тогда, когда будет делать дела, превышающие обычное природное добро. *Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?* (Мф. 5,46). *И если взаймы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же* (Лк. б, 34). Господь говорит здесь о том, что есть добрые дела, которые не имеют награды на небе. На земле они нас греют, но на небо с нами не идут. Это те дела, которые находятся в естестве Адама, то есть земные, естественные добрые дела. Пригласили тебя друзья в гости — ты пошёл. Потом пригласил их в гости — они пришли. Вы друг другу сделали взаимное добро, вы друг друга утешили, насмешили, покормили. Это на земле было и на земле, наверное, и останется.

Почему Господь велит, когда накрываешь стол, звать к себе больных, хромых, увечных? Потому что они тебя в ответ не позовут, и будешь иметь награду на небесах. Есть хорошие вещи, которые на земле делаются, но тут же на земле и возмещаются. А есть вещи, которые делаются специально, чтобы не получать награды на земле, чтобы получить её только на небе. Самое крепкое, твёрдое добро сделано втайне. За него тебя не похвалят и открыто добром за добро не заплатят. Здесь уже Христос нас зовёт к особого рода подвигу, здесь нужно иметь большую веру. Потому что для того, чтобы делать дела сверхъестественные, не земные, а небесные, — нужно иметь большую любовь к будущей жизни. Есть люди, которые полюбили будущую жизнь больше настоящей и уже желают прикоснуться к жизни будущего века. Поэтому они вменяют здешнее в мусор и стремятся туда, вперёд. Но таких людей очень мало. Простому человеку сложно понять всё это, потому что мы живём по совершенно другим законам, мыслим другими категориями. Поэтому, братья и сёстры, что здесь важно? Евангелие — оно небесное, оно с небес на землю принесено, и не всё в Евангелии мы можем сразу понять и, тем более, не всё можем исполнить. Читая Евангелие, мы себе признаёмся — вот этого я ещё не могу, этого вообще не могу, а это я пробую понемногу делать, хоть и плохо получается. Так бывает со всеми заповедями. Святые отцы говорили, что признак правильного отношения ко Христу и к Евангелию Христову— это ощущение себя должником по отношению ко всем заповедям. То есть, ты чувствуешь, что ты должник любой Христовой заповеди и до конца её выполнить не можешь.

Человек действительно может отдавать всё, ничего не требуя обратно, подставлять вторую щёку вслед за первой, любить врагов своих и молиться о них. Он может это делать, но только тогда, когда он благодатен. Без благодати это невозможно. Наших сил не хватает, мы психуем, нервничаем. *Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвёт мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут* (Мк. 2, 22). Когда человек ветхий, слабый, не очищенный, безблагодатный пытается исполнять высокие христианские заповеди — он приходит в полное расстройство. В исполнении заповедей нужна большая рассудительность, большая осторожность и постепенность. Сегодня я услышал, что должен любить врагов своих; я это запомнил, но чтобы я сегодня же это исполнил —

такого не будет никогда. Это в один день не делается: надо всю жизнь промучиться, чтобы, может быть, в старости врагов полюбить и только перед смертью — простить... Потому что слова евангельские запоминаются легко, но исполняются ой как трудно. Поэтому, братья и сёстры, имейте терпение в себе, когда вы слышите Слово Божье и совесть вам говорит: я этого не делаю, я не могу этого исполнить, пробую — не получается. Самих себя терпите, потому что так должно быть. Нужен длительный труд и рассудительность. Рассудительность — это духовный дар, который выше, чем прозорливость, выше, чем изгнание бесов. Человек рассудительный делает всё постепенно, осторожно и внимательно. А безрассудный, даже горячо верующий, добрый, великодушный — он ошибается постоянно, потому что спешит, берётся не за своё, хватается не с того края за добрые дела. И потом, в конце концов, у него вообще мало что получается.

Это очень важно, братья и сёстры: благодать нужна человеку, чтобы заповеди исполнить. Одних только волевых усилий мало. Они необходимы, волевые усилия. Но, чтобы действительно отдать что-либо кому-либо и забыть об этом, — нужно иметь благодать. Нужно думать больше о небе, чем о земле. А если жить по-земному, ничего не получится. Ни целомудрия не будет настоящего, ни храбрости перед лицом смерти, ни умения прощать, ни любви. Потому что в природе ветхого человека всего этого нет.

И вот, Господь сегодня нам опять повторяет Свои небесные правила, ведёт нас к высшему знанию, к некому труду, к борьбе за Царство Небесное. Потому что рано или поздно мы должны полюбить будущую жизнь. Мы должны разочароваться в этой жизни, должны понять, что жизнь эта не стоит крепко и твёрдо навсегда. Она — суетна, она шатается: сегодня плач, а завтра смех. Как у Державина: «Где стол стоял, там гроб стоит». Сегодня одно, завтра другое. Мы должны внимательным оком ума всмотреться в нашу жизнь, которую живём здесь, на земле, и понять, что к этой жизни прилепляться навсегда не следует. А куда же прилепляться? К жизни будущей. Но какая она, как её почувствовать? Человеку нужно иметь в себе некое ощущение рая; чувство, что есть другая жизнь, есть иной мир, и там нас ждут. Мы, когда служим литургию, благодарим Бога за то, что Он нас спас и подарил нам — уже подарил!— будущее Своё Царство. То есть, мы там уже должны быть, должны чувствовать, что оно есть. Наверняка многим из нас на богослужении временами даётся такой подарок — чувство близости Христа. Ты чувствуешь, что Бог близко, что благодать изливается, как из чаши, что сердце очищается, разум светлеет, смягчается душа, легче думается о тех, кого не любишь, легче молиться о тех, кто обидел тебя. На службе такое часто бывает, потому что человеку даётся благодать.

Без благодати ничего не изменится. Заповеди можно выучить наизусть, можно, в конце концов, и Библию выучить наизусть, но если в смиренной душе не будет благодатных даров, то заповедей не исполнить. Повторяю, что благодать нам даётся в таинстве крещения, в таинстве миропомазания, в Причащении и в исполнении заповедей. А теряется благодать за гордость, за осуждение, за самоуверенность, за невнимательность, за прочие грехи — вот так потихонечку крадут воры наши духовные сокровища.

И, наконец, последнее, о чём сегодня говорит нам Евангелие: человек может быть похожим на Бога, на своего Творца и Создателя, на свой Первообраз через милосердие. Пост не делает нас похожими на Бога, а вот милостыня, милосердие — делают. *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. б, 36). То есть, милосердие — это то свойство, которое уподобляет человека Небесному Отцу. Нужно стараться приобрести милосердие. Сердце милующее, сердце жалеющее, сердце сострадательное делает человека похожим на Бога. Всё остальное имеет меньшую цену, ведь что может быть выше, чем уподобление Самому Господу Богу? Нет ничего выше и быть не может. Потому нужно над собою трудиться, упражняться, чтобы сердце наше было милующим, жалеющим, любящим, и таким образом мы становились бы похожими на своего Создателя.

Нужно упражняться в делах любви, начиная с малого. Дело любви, например, — узнать о

чужом грехе и никому об этом не сказать. Хоть это и незаметно, но на самом деле это огромное дело огромной любви — покрыть чужую наготу, чужой позор, чужое падение, пожалеть человека. Дело любви — это, не имея расположения к человеку, говорить о нём только доброе; не радоваться беде, которая случилась с тем, кто тебе неприятен. Всё это — дела сердечные, не переворачивание камней, не рубка деревьев, не копание траншей. Такой труд не орошает человека потом и не заставляет его изнемогать от усталости. Это труд внутренний, переворачивание внутренних камней. Горы камней лежат внутри человека, и эти камни нужно ворочать, нужно своим сердцем заниматься, трудиться. Это, может быть, самый тяжёлый в мире труд — исправление и очищение своего сердца. И вот, Господь нам говорит: будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Это очень высокие слова, братья и сёстры. Даже одним своим звучанием они совершают очищающее действо. Потому что вера — от слышания Слова Божия. Слово Божие проникает через наш слух в душу и очищает наше сердце, потихонечку смягчает его.

Один молодой монах читал святые книги и жаловался своему духовному отцу, что ничего не запоминает. Старец вместо ответа дал ему корзину, выпачканную глиной, и попросил набрать в эту корзину воды. Тот пошёл к колодцу, набрал воды, но пока нёс, вода, конечно, просочилась сквозь прутья корзины. Он ещё раз побежал, и много раз так бегал, а корзина всё оставалась пустой и мокрой. Говорит он старцу: «Не смог я принести воды. Но корзина чистая». Старец ответил: «Так и ты, хотя и не удерживаешь Божиего слова и ещё в себе его не носишь, но всё равно очищаешься». Поэтому даже то, что мы слушаем евангельское слово, то, что нам Господь даёт возможность Себя услышать, — даже это уже является делом благодати, и благодать подаётся нам таким образом. Потому что Слово Божие имеет свойства огня: как огонь сжигает хворост, так и Слово Божие очищает различные терновники нашего сердца и совершает освящающее, облагодатствующее действие.

Ну и, конечно, уходить из храма мы будем сегодня, запомнив две главные заповеди, касающиеся нашего общежительст ва, жизни друг с другом: как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; и не делайте людям того, чего не хотите себе. Вот наше золотое нравственное правило.